

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ ЗАТУМАНИВШІЙСЯ МІРЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУТСЪ
РИГА • ЛАТВИЯ • ПЕТРИЦЕРКОВНАЯ ПЛ • 37 •
1 9 2 9

БИБЛИОТЕКА НОВѢЙШЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Томъ LIII

ПЕТРЪ ПИЛЬСКІЙ
—
ЗАТУМАНИВШІЙСЯ
МІРЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ГРАМАТУ ДРАУГСЪ“
РИГА, ПЕТРОЦЕРКОВНАЯ ПЛОЩАДЬ 37
1 9 2 9

**Эта книга напечатана
в типографии „ГРАМАТУ ДРАУГСЬ“
Рига, Петроцерковная площадь 25-27.**

I.

Чудесная власть.

О потрясающей, о божественной красотѣ словесной музыки, о волшебныхъ украшеніяхъ литературной рѣчи, о пышности ея орнаментовъ, о ея сладкой воровствѣ, о власти ея мощныхъ гуловъ, о ея золотыхъ звонахъ, о величавой гордости расфранченныхъ фразъ, о райскихъ чудесахъ литературнаго искусства, объ этой лѣстницѣ Іакова, соединяющей землю съ небомъ, о сказочномъ царствѣ, населенномъ владычествующими образами, о благоуханномъ аристократизмѣ драгоценныхъ бездѣлушекъ затосковала и возрадовалась моя взыскующая душа, взволновался слухъ и замечталась память, склонившись надъ этой бѣлой мраморной плитой, надъ этой книгой прекраснаго автора, чье рожденіе отдѣлено отъ нашихъ измученныхъ дней пестрымъ летомъ цѣлаго вѣка.

Я вспомнилъ, что недавно исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія „Донъ-Жуана фразы“, Поль де Сень-Виктора.

— Когда я читаю Сень-Виктора, я надѣваю сиіе очки, чтобы не ослѣпнуть, — сказалъ Ламартино.

Какое превосходное опредѣленіе! Только о восхищенномъ можно писать съ восхищеніемъ. Только сверкающій авторъ рождаетъ сверканіе критика. Вдохновен-

ность создаетъ вдохновеніе. Это самая таинственная и плѣнительная зараза. Восхищаться значитъ восхищать. И всё, прикасавшіеся къ этому Донъ-Жуану фразы, невольно становились ея пламенными любовниками, ея рыцарями и соперниками. Разбуженная ею, вставала острая и сладкая ревность. Какъ мечи, оттачивались перья, слетали изысканныѣйшія слова, откуда-то падали ослѣпительныя сравненія и становясь рядомъ съ чудеснымъ стилистомъ, его читатель, его поклонники, его цѣнители выпрямлялись, позировали, облачались въ царственные плащи, крылялись и выросали. Сень-Бевъ писалъ: „Стиль Сень-Виктора — золотая чаша: все, что онъ ни нальетъ въ нее, становится сверкающимъ“.

Въ этомъ сліянніи писателя съ читателемъ, въ этомъ странномъ гипнозѣ и великолѣпной загадкѣ скрытъ секретъ сложныхъ отношеній воспринимающей толпы къ творящему герою.

Конечно, главная и счастливая задача критики всегда будетъ стремиться къ разгадкѣ авторской личности. Это закономерно и понятно. Это серьезно, возвышенно и трудно. Но въ тѣни и небреженіи гложетъ огромная и любопытнѣйшая область изслѣдованія читательской души.

Великій грѣхъ!

Эта душа тоже творить. Она разнообразна въ своихъ привязанностяхъ и она надѣлена непобѣдимымъ инстинктомъ, силой непереубѣдимыхъ притяженій и отталкиваній. Когда-то Эмиль Фагэ пробовалъ объяснить, какъ читать и хотѣлъ разгадать читательскую психологію. Ему казалось, что читатель, признающій только повѣсти, и въ особенности любитель Ал. Дюма, долженъ быть бездѣятельнымъ, лѣнивымъ, не умѣющимъ разбираться ни въ себѣ, ни въ другихъ, лишеннымъ широкой умственной

жизни. Читатель реалистических романов представлялся Эмилио Фагэ прямымъ, положительнымъ и не всегда добрымъ, какъ читатель поэтовъ, по его мнѣнію, долженъ быть непременно стихотворцемъ.

Можетъ быть, Фагэ правъ. Въ этихъ тонкихъ и полусныхъ контурахъ чуются черты живыхъ лицъ. Все

же это — темный коридоръ. Въ этой читательской толгѣ Фагэ пробирается съ большимъ трудомъ. Я не послѣдовалъ бы за нимъ.

Иногда мнѣ кажется, что передъ каждымъ авторомъ стоятъ два вопроса. Важно, не только кто читаетъ, но и какъ читаетъ. Книга вызываетъ опредѣленное отношеніе. Она измѣняетъ выраженія лица, — освѣщаетъ его улыбкой, омрачаетъ гнѣвомъ, напрягаетъ любопытствомъ, поражаетъ неожиданностью, то возбуждаетъ, то утомляетъ, наконецъ, усыпляетъ.

Я думаю, что разныя книги читаются въ разныхъ позахъ.

Есть авторы, которыхъ слушаютъ, развѣсивъ, съ ними не стѣсняются, за ихъ мыслями не слѣдятъ, и не замѣчаютъ ихъ прихода и ухода.

Другихъ читаютъ, сжавъ голову руками, изморщивъ лобъ, скрежеща зубами, будто поднимая какую-то огромную тяжесть, въ мучительномъ стремленіи проникнуть внутрь этого герметически закупореннаго сосуда. Повѣрьте мнѣ, эта трудность никогда не родитъ любви! Неясность формы — всегда неясность мысли. А кто не ясенъ, тотъ чуждъ.

Есть авторы, которыхъ читаютъ, выпрямившись, почтительно и благоговѣнно. Это книги, исполненныя изящества, глубины и прозрачности. Къ нимъ приступаютъ съ радостными предчувствіями, съ ними бесѣ-

дуютъ, какъ съ благородными наставниками, отъ нихъ не ждутъ обидъ левнѣтности, ихъ покидаютъ съ тонкой грустью, чтобъ вернуться въ ихъ общество вновь, какъ на самое трепетное и колдующее, незабываемое свиданіе.

Затѣмъ можно назвать писателей, которыхъ читаютъ передъ большимъ скопищемъ, передъ всѣми, передъ многими, и есть такіе, чьи слова произносятся только между двумя, чья душа раскрывается для рѣдкихъ, для понимающихъ, для единственныхъ; чьи книги созданы для отшельническихъ сердецъ.

Эти авторы съ однимъ обожженнымъ краемъ души, укушенные и отравленные змѣинымъ ядомъ единственной, неустранимой идеи, живущіе съ ней, какъ съ неотходящимъ призракомъ. И эти исповѣди читаютъ уже не сидя, не лежа, а молитвенно стоя, въ тишинѣ едва освѣщенной комнаты, какъ въ кельѣ монахъ передъ сіяющимъ видѣніемъ единого Бога.

Да, потому что иныхъ читаютъ и лежа, въ неповторимой истомѣ всеразкрывающейся зѣвоты, этихъ безчисленныхъ авторовъ-потѣшниковъ, военно-обязанныхъ юмористовъ, крѣпостныхъ шутовъ, косноязычныхъ искажителей фабульной красоты, не занимательныхъ заемщиковъ и воровъ нашего постылаго досуга.

Но затерянными одиночками, неразысканнымъ кладомъ, рѣдкимъ цвѣткомъ литературной любви, въ сторонѣ отъ всѣхъ, отъ этихъ авторовъ, вызывающихъ то равнодушіе, то презрѣніе, то лѣнь, почтеніе, усталость и благоговѣніе, стоятъ великолѣпные романтики стиля, озаренные мечтой, растревоженные взволнованностью о чудѣ необычайныхъ словесныхъ откровеній. Ихъ немного.

Сень-Викторъ только одной стороной своего творчества горитъ въ этомъ огнѣ романтической грезы. Его

замѣчательному одаренію мѣшали злобы дня журнализма, въ цѣляхъ котораго онъ провелъ свои писательскіе дни. Съ романтизмомъ слова его стовала пылающая, возвышенная, тревожная, влюбленная мысль, искавшая очарованій въ опошедшихъ мірахъ и культурахъ.

Но Донъ-Жуанъ фразы, онъ не былъ ея Донъ-Кихотомъ. Онъ любилъ ее и былъ любимъ ею. Но сюда онъ не принесъ въ жертву ни одной изъ своихъ идейныхъ привязанностей. А ради этой величавѣйшей красоты, ради блеска и королевской пышности можно преступить все и бросить все въ сжигающій огонь этой необузданной страсти, потому что фраза, потому что слово въ этомъ мірѣ должны жить, какъ горная и возвышенная цѣль, сама по себѣ, независимо отъ включенной и втащенной въ нихъ мысли.

Прекрасное всегда бесполезно. И если бы ярко раскрашенный, упругій помидоръ не считался вкуснымъ, его давно воспѣли бы поэты. Къ несчастью, кухни создали ему репутацію полезности, и съ этихъ поръ онъ погибъ для искусства. И если бы ландышъ давалъ наваръ, надъ нимъ давно никто не плакалъ бы и его не прикалывали бы къ сердцу, точно такъ же, какъ гордую репутацію лавра давно стубили наши кухарки, снявъ съ головы побѣдителя и бросивши въ супъ.

Вотъ почему въ русской литературѣ фраза не расцвѣла романтическимъ цвѣтомъ.

Выпряденная изъ суровыхъ нитокъ, плотная парусиновая ткань русской рѣчи, скромно мечтательная русская литературная вышивка, чуждались и боялись великолѣпія, многоцвѣтной яркости, навожденія красокъ. Реалистическая правда повела наше книжное слово въ медленномъ теченіи многоводной рѣки. Но каскадовъ не было.

Пѣли ручьи, но не били фонтаны. Въ безкрайнемъ полѣ горѣли одинокіе костры — костры эпитетовъ, сравненій и тихихъ дальнихъ образовъ. Но вулканы отсутствовали и не извергалось въ своемъ слѣпящемъ великолѣпіи зловѣщее достояніе ихъ безмѣрныхъ огненныхъ утробъ.

Русская литература была цѣнна своей густотой и прочностью. Выросшіе подъ строгимъ солнцемъ, мы были и здѣсь расчетливы и строги, и жизнь нашихъ книгъ прошла безъ взрывовъ, безнарядная, не пышная, забытая украшеніями, безъ пламени сжигающихъ неистовствъ, безъ пожаровъ словесныхъ страстей.

У насъ не было вакхизма фразы. Мы не сторали, наслаждаясь на ея медленномъ огнѣ, и читатель не ласкалъ ея прекраснаго тѣла. Даже лучшую изъ книгъ онъ схватывалъ и пожиралъ. Еще В. П. Боткинъ, одинъ изъ преданнѣйшихъ критиковъ Тургенева, замѣтилъ, что русскій читатель читаетъ „по утинному“: — онъ проглатываетъ сразу. У насъ не было любованія. Фагэ назвалъ бы нашего читателя прямымъ, положительнымъ, но недобрымъ.

Фантазмъ ему были чужды. Къ самому слову онъ относился скептически. Музыка фразъ поднимала въ немъ глухую вражду, въ его темной гущѣ вырасталъ злой и свирѣпый убійца лебедей. Онъ хотѣлъ правды, точности и, какъ вспугнутый звѣрь боялся отдать себя плѣненію ворожащихъ и несбыточныхъ словъ.

Но въ мірѣ они есть. Слово живетъ на этомъ свѣтѣ, какъ таинственная и самая властная стихія неповторимыхъ обольщеній. И гдѣ оно воскресаетъ — „тамъ все чудо и колдовство: деревья поютъ, вода говоритъ, драгоценные камни любятъ, цвѣты задаютъ загадки, сказоч-

ныя птицы уносятъ въ клювъ талисманы пилигримовъ и торбаны купцовъ, наполненные червонцами“.

Такъ говоритъ Сень-Викторъ въ своей книжкѣ, которая „горитъ, какъ въ ликорадкѣ, обжигаетъ и трепещетъ“.

II.

О жеманствѣ.

Какъ много значить личное впечатлѣніе! Увидишь человѣка, схватишь невольно его скрытую душу, и потомъ, — сколько бы усилій ни прилагалъ, — не можешь отрѣшиться отъ этого видѣнія. Ничто — ни желаніе быть объективнымъ, ни книги человѣка, ни коренныя перемѣны, въ его жизни, ни его умственный, и физическій ростъ, — ничто не можетъ вырвать съ корнемъ того, что было подарено первой встрѣчей. Такъ случилось у меня съ Вѣрой Инберъ.

Я зналъ ее. Тогда она еще была не Инберъ, не замужемъ, дѣвочка изъ зажиточной семьи, дочь богатаго владѣльца одесской типографіи, Шанцера. Вѣра Инберъ — одесситка, а одесситки надѣлены необычайной, почти сверхъестественной мечтательностью. Кромѣ того, въ юности онѣ всѣ отравлены кокетничавшей, наивно-изломанной самовлюбленностью, избалованныя дѣти своей бездумной Одессы-мамы.

И когда теперь, спустя много лѣтъ, я читаю у Вѣры Инберъ объ „одномъ южномъ городѣ“, о томъ, что „море неомрачено синѣло“, а у самаго бульвара дома „разступились плавнымъ полукругомъ“ и „греческія лавки пахли фруктами, орѣхами, виномъ и моремъ,

словно лодка контрабандиста“, я знаю, что это — Одесса. Да, Вѣра Инбергъ — одесситка, способная одесситка, хорошая одесситка, и, главное, буржуазная одесситка.

Своей родной городъ она покинула давно, поселилась въ Москвѣ, вошла въ литературную группу Сельвинскаго, выпустила нѣсколько книгъ, — и очень недурныхъ, — но въ душѣ осталась все той же прежней дѣвушкой съ Пересыпи, самовлюбленнымъ существомъ, холенымъ ребенкомъ, выросшимъ въ богатой семьѣ.

Была она маленькаго роста, съ виду великая скромница, тихая, и, какъ ей самой казалось, граціозная тѣнь, безплотное существо, оскорбляющееся грубымъ прикосновеніемъ жизни, принцессой, по ошибкѣ не взятой въ живомъ видѣ на небо, непонятая и загадочная крошечная королева. Ея миниатюрность позволяла ей и даже заставляла воображать, что она, мадемуазель Шанцеръ, — бесполезная, но прелестная игрушка. Такъ она сама себя представлялась. Уже тогда она писала стихи, а въ нихъ увѣряла, что она — не разгаданная и обиженная маркиза, — насколько помню, даже какъ будто не рожденная, или, по капризу судьбы и случая, ошибочно попавшая въ этотъ прозаическій міръ. Такъ она писала, такъ она держалась въ гостяхъ и у себя дома, когда собирались знакомые. Не принимая участія въ разговорахъ, съ подчеркнутымъ, но опять-таки тихимъ и поддѣльнымъ изяществомъ разливала чай, оттопыривъ мизинчикъ, и дѣлала это съ видомъ жертвы, обязанной въ этотъ часъ заниматься такими несносными и вульгарными пустяками. Въ этомъ большомъ домѣ, въ этихъ большихъ комнатахъ она скользила неслышно, какъ мышь,

худенькая, тоненькая, маленькая, блѣдненькая, мечтательная одесситка.

Теперь я читаю ея книги. Конечно, годы дѣлають свое дѣло, и Вѣра Шанцеръ не совсѣмъ та, что была прежде. Кое-что произошло и въ ея жизни. Тогда же, лѣтъ 15 тому назадъ, она вышла замужъ за одесскаго журналиста Натана Инбера, и это былъ удачный выборъ. Натанъ Инберъ тоже былъ маленькаго роста, и тоже изломанный, и тоже съ претензіями на оригинальничанье, и подписывался не Натанъ, а изысканно: „Натъ“ Инберъ. А послѣдняя книжка самой Вѣры Инберъ сообщаетъ, что она стала матерью, у нея есть дочка и ее зовутъ Киска. Но, конечно, на Вѣру Инберъ вліяли не только эти событія личной жизни. Ея послѣдній томикъ „Мѣсто подъ солнцемъ“ рассказываетъ о томъ, что Вѣра Инберъ испытала съ приходомъ большевиковъ.

Они застали ее въ Одессѣ, т. е., какъ она выражается, — „въ южномъ городѣ“. Уходить съ бѣлыми она не захотѣла и стала искать свое мѣсто подъ солнцемъ въ новой совѣтской Россіи, сначала въ Одессѣ, потомъ въ Москвѣ, и найти это мѣсто было очень трудно. Пришлось многое испытать — голодъ, холодъ, совѣтскую службу въ какомъ-то куриномъ отдѣлѣ, дѣлать веревочныя туфли, выступать въ маленькомъ театрикѣ, потомъ напрасно ходить по московскимъ редакціямъ, играть на открытой сценѣ, пока, наконецъ, не былъ принятъ ея рассказъ и дорога опредѣлилась.

Обо всемъ этомъ Вѣра Инберъ рассказываетъ очень искренно, а мѣстами не только искренно, но и хорошо. Но модница осталась въ ней попрежнему, и

до сихъ поръ Вѣра Инберъ „словечка въ простотѣ не скажетъ, — все съ ужимкой“. Все же теперь и она стала понимать, что для передачи серьезнаго и значительнаго „требуются слова настоящія, свѣжія, и точныя“. Она сознается, что такія слова „приходятъ не сразу“, что она „искала ихъ все время“. И, вотъ, я думаю, что это исканіе словъ для Вѣры Инберъ — настоящее горе и серьезное литературное несчастье. Больше всего, пуще всего она боится простоты. Это понятно. Всякая простота ей должна казаться банальностью, а для изломанныхъ нѣтъ ничего страшнѣе и ужаснѣй, чѣмъ обыкновенность и незамысловатость. Есть люди, никакъ не умѣющіе вообразить себѣ вытянувшуюся змѣю. Такихъ для нихъ не существуетъ. Если змѣя, она должна непременно быть въ кольцахъ и, конечно, извиваться, и лошадь не должна просто бѣгать, — она непременно должна идти на заднихъ ногахъ — дыбомъ, и вообще все должно стоять дыбомъ, — особенно волосы на головѣ читателя.

Вѣра Инберъ одна изъ потерявшихъ вкусъ къ простотѣ и ея чувствованію. Поэтому у нея „вѣтеръ просторовъ и безлюдій трясъ окна за плечи (?)“. Поэтому же у Вѣры Инберъ не обыкновенный оркестръ, а „теплое, гудящее чрево віолончели и прохладное, лебединое горло флейты,“ и „поѣзда возникали, какъ кометы“, а „уходили въ положенные часы, какъ звѣзды“. Вѣра Инберъ манерна. Стремленіе писать такъ, какъ никто не пишетъ, составляетъ единственную ея потребность и, очень можетъ быть, единственное тяготѣніе ея къ литературѣ. Воображаю, что представляли бы ея холсты, если бѣ она стала художницей, какая какафонія красокъ была бы разлита по ея картинамъ!

Жеманство, жеманство — вотъ опредѣленіе Вѣры Инберъ, вотъ червь, источающій ея дарованіе. А оно несомнѣнно. У Вѣры Инберъ есть милый юморъ, она наблюдательна, ея птичью душу жизнь заставила задуматься, во многомъ разобраться: изъ раззоренныхъ гнѣздъ вылетаетъ мудрость и страданіе. Такъ должно было случиться и съ Вѣрой Инберъ. Русскія потрясенія не прошли мимо, не пролетѣли даромъ и для нея Искать свое „мѣсто подь солнцемъ“ совсѣмъ не входило въ планы и программу жизни маленькой и хрупкой Вѣры Шанцеръ, потому что такое мѣсто для нея было приготовлено съ самаго дѣтства, правда не подь солнцемъ, но зато, несомнѣнно, — подь мягкимъ и ласковымъ свѣтомъ люстры въ гостинной, — еще лучше, — въ будуарѣ.

Совсѣмъ непонятно, какъ, почему, зачѣмъ эта искусственная женщина, самосочиненная „маркиза“ захотѣла остаться въ совѣтскомъ раю. Припоминаю, что одно время говорили, будто Вѣра Шанцеръ приходится довольно близкой родственницей Троцкому и значить... Ровно ничего не значить, — и не только потому, что Троцкій сейчасъ въ опалѣ, а потому, что у Вѣры Инберъ нѣтъ никакихъ другихъ интересовъ, кромѣ литературы. А въ этой области уже никто, ничѣмъ и никакъ не можетъ помочь, но и сама Инберъ не дала до сихъ поръ никакого повода для обвиненія ея въ услужливости предь властью. Это настоящая писательница. Ее можно упрекать въ литературномъ кокетничаніи, въ словесной „ондуляціи“, но и это — отсѣвы и отзвуки буржуазнѣйшихъ изломовъ. Глупость Вѣры Инберъ состоитъ именно въ томъ, что она оригинальничаетъ, а могла бы быть просто оригинальной, искусничаетъ вмѣсто того, чтобы служить искусству.

Модная мастерская Вѣры Инберъ.

О Вѣрѣ Инберъ нельзя судить поверхностно: она совсѣмъ не дилетантка. Это можетъ казаться только съ перваго взгляда.

У нея строгая и точно ограниченная спеціальность. У Вѣры Инберъ свое собственное, настоящее дѣло, притомъ существующее гораздо больше десятилѣтій. А это уже — фирма. Своей спеціальностью она избрала затѣйную профессію: у Вѣры Инберъ — модная мастерская.

Втеченіе цѣлыхъ 15 лѣтъ она шьетъ модныя платья, но шьетъ ихъ исключительно для куколъ. Среди російскихъ литературныхъ портнихъ Вѣра Инберъ занимаетъ исключительное мѣсто. Конечно, время коснулось и ея мастерской. Прежде она обшивала кукольныхъ маркизъ, галантныхъ принцессъ, томныхъ, влюбленныхъ пажей. Потомъ вѣкъ измѣнился. Пришли новыя моды. Сейчасъ Вѣра Инберъ одѣваетъ другихъ куколъ: эти куклы — пролетарки.

Вмѣсто фижмъ, кринолиновъ, атласныхъ штанишекъ появились простыя, короткія юбки и передники; вмѣ-

сто большихъ шляпъ на пудренныхъ волосахъ — яркіе, разноцвѣтные платки. Исчезли золотыя туфельки на высокихъ каблукахъ и ноги новой куклы обуты въ дешевый башмакъ. Это ничего не значить: и грубую обувь можно сдѣлать живописной, — вѣдь, это не настоящая одежда и настоящіе люди, — это — костюмы для куколъ, чтобъ ими играли въ дѣтской и любовались на витринѣ. Вѣра Инберъ стилизовала тогда. Вѣра Инберъ стилизуетъ теперь. Прежде были живыя маркизы, сейчасъ не-живыя пролетарки.

Въ кукольномъ царствѣ существуютъ свои законы, свои требованія, своя эстетика. Кукла должна отличаться жеманствомъ, у нея должна быть застывшая поза галантности, здѣсь требуется манерность.

И пока мастерская Вѣры Инберъ имѣла дѣло съ маркизами и кринолинами, съ герцогинями и шлейфами, съ голубымъ бархатомъ пажей, эта нарядность, манерность, жеманность не представляли большихъ затрудненій. Все выходило само собой. Гораздо сложнѣй это мастерство стало теперь, но фирма Вѣры Инберъ не даромъ имѣетъ многолѣтній опытъ и хорошую клиентуру. Свою вывѣску „Modes et robes. M-me Vera“ фирма не посрамила. Правда, она теперь работаетъ съ пролетарками и выпускаетъ тоже пролетарокъ, пришлось измѣнить вывѣску, написать ее по-русски и получилось:

„Модес ет робес Вѣры Инберъ“.

Но основы долголѣтняго дѣла не могутъ измѣниться сразу. Поэтому куклы остаются такими же, какъ и были. Попрежнему въ этой мастерской существуетъ неискоренимое пристрастіе къ цвѣтамъ, красочнымъ тонамъ, вѣшной нарядности. Добиться этого можно

было безъ большихъ усилій. Все, что производила, выпускала, выставляла на своей модной витринѣ Вѣра Инберъ, предназначалось исключительно для кукольной жизни, для ея собственной жизни, для ея собственнаго кукольнаго театра. И куклы остались тѣ же.

У нихъ тѣ же застывшія, пріятныя улыбки, удивленные мертвые глаза, розовыя, неподвижныя губы, фарфоровыя ножки, фарфоровыя, пустыя головки, тряпичное нутро и попугайный голось, механически проносящій то, что, по мнѣнію ихъ общей создательницы, Вѣры Инберъ, имъ пристойно выговаривать:

— „Папа! мама! люблю!“

Теперь всѣ эти куклы любятъ совѣтскую власть, подъ папой разумѣютъ Ленина, подъ мамой — Крупскую, подъ тетей Кларой — Цеткину. У Вѣры Инберъ прекрасно сыгравшаяся труппа, и за нее она можетъ быть совершенно спокойна.

Этотъ кукольный театръ, этотъ мертвый фарфоровый міръ окруженъ и соответствующей природой. И она тоже мертва и декоративна. Вотъ „столѣтняя глицинія, ползущая по навѣсу роняетъ въ бархатное кофе шелковыя лепестки“. Вотъ „волна, гравеная, какъ стаканъ, взбѣгаетъ на песокъ“. И разсказъ называется тоже жеманно, тоже кокетливо и въ высшей степени изысканно: „Мая“.

Спектакли куколъ тщательно обставлены. Вѣра Инберъ объ этомъ заботится серьезно. Узоръ обоевъ состоитъ обязательно „изъ водяныхъ лилій и розъ“. Бутоны высовываютъ „изъ плотной зеленой шапочки бѣлый язычекъ“, „на полуразвернутомъ листѣ — пышная роза цвѣта заката“, а надъ всей этой роскошью летаетъ „голубая стрекоза“. Но и розы, и бутоны, и

стрекозы не въ поляхъ, а только на обояхъ, на кукольной сценѣ. Такъ происходитъ въ одной пьесѣ („Деятый валь“).

Но такъ же мертвено подобрана, такъ же ласкаетъ равнодушный взглядъ зрителя бутафорія и въ другой пьесѣ, потому, что и тамъ кукла Зоя, играющая роль жены совѣтскаго чиновника, по ходу кукольнаго дѣйствія, вышиваетъ „шелками на бархатѣ и сукнѣ“, а „изъ цвѣтовъ преобладаль голубой и розовый“. Вообще же эта Зоя ведетъ себя въ жизни очень непохвально, родилась отъ не-пролетарскихъ родителей, и потому на вышитыхъ подушкахъ „вовсе не было краснаго цвѣта“. И если даже настоящая пролетарка, простая прачка стираетъ бѣлье, то и въ немъ долженъ быть непременно шелковый халатъ, и, конечно, съ дракономъ, экзотическій, японскій халатъ.

Къ этимъ кукольнымъ спектаклямъ никто никогда не предъявлялъ требованій правдивости, естественности или жизненности. Здѣсь цѣнятся умильность, игрушечность, — красивость, а не красота. Конечно, куклы не могутъ переживать глубокихъ драмъ, испытывать сильныя ощущенія. Поэтому и весь ихъ репертуаръ, всѣ пьесы Инберъ сосредоточены на пустякахъ, на мелкихъ случаяхъ, ничтожныхъ анекдотахъ, незамысловатыхъ шалостяхъ. Въ мастерской Вѣры Инберъ это тоже — наслѣдіе прошлаго, перешедшее къ кукламъ-пролетаркамъ отъ куколъ маркизъ.

Не хотите ли познакомиться съ сюжетами кукольныхъ спектаклей? Ихъ всѣ можно передать въ двухъ словахъ.

Пьеса первая. Ночью куклы рвали чужія вишни („Корни и плоды“). Пьеса вторая. Куклы варили

варенье и его опрокинули. („Время абрикосовъ“). Пьеса третья. Кукла, самая простая пролетарка, вышла замужъ за китайца Чи-фу. Это — „Полотно дорогъ“. Вотъ и всѣ драмы. Цѣль достигнута: кукольный спектакль прошелъ забавно, — ничего больше не требуется.

У Вѣры Инберъ мастерская для производства маленькихъ вещей: маленькія куклы въ своихъ маленькихъ цвѣтныхъ костюмахъ, въ подраженіе большимъ, живымъ, настоящимъ людямъ, дѣлаютъ видъ, будто двигаются, сердятся или любятъ. Искусство Вѣры Инберъ — маленькое искусство, и ея кукольный театръ — тоже маленькій, а чтобы ее не обидѣть этимъ опредѣленіемъ, я знаю, какъ исправить мою неловкость: надо сказать не маленькій, а „миніатюрный“. Это звучнѣй. Итакъ, въ этомъ кукольномъ „театрѣ миніатюръ“ играютъ въ дѣтей, взрослыхъ, въ мужей и влюбленныхъ, исполняютъ совсѣмъ такія же роли, что и въ настоящихъ театрахъ. Иногда свой кукольный театръ Вѣра Инберъ хочетъ оживить кукольной сказкой. Тогда она ставитъ феерію. Настоящія живыя дѣти смотрятъ въ настоящихъ театрахъ „Конька-Горбунка“, въ кукольномъ театрѣ при модной мастерской Вѣры Инберъ показываютъ „Сороконожку“. Здѣсь все должно быть особенно миніатюрно.

*У Сороконожки
Народились крошки.
Что за восхищенье!
Радость — безъ конца!*

Конечно, у сороконожки есть и мужъ, и онъ служитъ, — инберовскій театрикъ, вѣдь, всегда копируетъ подлинный человѣческій театръ, — и у нихъ

*. . . стоитъ пригожій
Домъ сороконожій
Сушатся пеленки
Жарится пирогъ!*

Но центръ вниманія, главная прелесть не въ пеленкахъ и не въ пирогахъ. Модная мастерская Вѣры Инберъ этими вещами не занимается. Ея специальность — одѣвать. Поэтому и исторія сороконожьяго семейства и его драма таятъ свой интересъ въ другомъ. Вмѣстѣ съ самой сороконожкой Вѣры Инберъ и ея мастерская озабочены вопросомъ о калошахъ: для семейства, гдѣ у каждаго члена сорокъ ногъ, ихъ требуется много. Въ этотъ моментъ фирма получаетъ какъ бы оптовый заказъ. Затѣмъ это, опять-таки, очень забавно: подумайте только, какъ это смѣшно! Въ кукольномъ царствѣ это должно произвести потрясающее впечатлѣніе, создать необычайный фуроръ.

Правда, все это только юмористическіе реверансы, словесныя ужимки, литературныя гримаски. Свѣжему человѣку въ мастерской Вѣры Инберъ скучно, какъ въ наноптикумѣ. Нѣтъ свѣжаго воздуха, пахнетъ надушенной трухой, глазъ раздражается отъ зрѣлища этихъ старательныхъ имитаций поддѣльныхъ камней, раскрашенныхъ стеколъ, загримированныхъ мертвецовъ. Въ этомъ искусственномъ мірѣ все не искренно, все дѣланно, все умышленно и неестественно — не кокетство, а кокетничанье, не люди, а игрушки.

Иногда Вѣра Инберъ пробуетъ поставить пьесу въ декорацияхъ и тонахъ юга и, по ея расчету, мы должны увидѣть южное море, южное небо, южную буйность цвѣтеній. Но съ этого юга она принесла только областной провинціализмъ языка и его развязное без-

грамотство. Вотъ почему въ ея кукольномъ театрѣ, нестѣсняясь, говорятъ, что „онъ не задается (!) мечтами“, „листы не толпятся“ (?), что „Порисы нашли большое количество неприятностей“ и т. д. и т. д.

Но и вся Вѣра Инберъ и ея литературная манера тоже провинціальны, и это было тогда, когда на ея вывѣскѣ красовалось: „Modes et robes — m-me Vera“, это осталось и сейчасъ въ ея мастерской, проникшейся вкусомъ и духомъ новаго пролетарскаго заказчика. Но — что дѣлать? — пришла новая пора, явились новыя требованія, новая мода, и развѣ смѣла ея пренебречь модная мастерская?

Объ Иринѣ Одоевцевой и точкѣ.

Нельзя описывать все, нельзя, надоѣло: надоѣли подробности, надоѣло высовывающееся изъ всѣхъ строкъ, обстоятельно объясняющее, глубокомысленно разсуждающее авторское лицо. Скоро авторовъ будутъ проклипать: уберись, спрячься, уйди! Произойдетъ, какъ въ фильмахъ: чѣмъ меньше словъ, чѣмъ больше дѣйствія, тѣмъ лучше. Такъ называемыя „картины природы“ становятся зеленой скукой, великолѣпнымъ снотворнымъ средствомъ. Разъ солнце, два раза солнце, нельзя ли безъ солнца? Лучше неописанная тьма, чѣмъ описанное созвѣздіе. Впрочемъ, и это не ново: объ экономіи описательныхъ средствъ мечталъ еще Чеховъ. Но и діалоги... Допустимо ли томить читателя полстраничными рацеями героевъ? Все можно сказать въ десяти словахъ. И діалогъ долженъ быть кратокъ. О романахъ съ безконечными разговорами, съ длинными „красотами природы“ скоро будутъ вспоминать, какъ о міровомъ потопѣ, и среди этого воднаго разлива начнутъ съ великимъ трудомъ искать сухое мѣсто, гдѣ можно было бы отдохнуть отъ стрекотанья неутомимыхъ словесныхъ пулеметовъ.

Пора выдавать призы за краткость. Если-бъ это стало обычаемъ, Ирина Одоевцева могла быть увѣнчана по заслугамъ. Она кратка. Ея романъ быстръ. Онъ идетъ безшумно. Его грузъ не отяжеленъ. Рѣзецъ Одоевцевой не вдавливается глубоко, но прочерченныя имъ линіи тверды и прямы. Здѣсь діалоги облегчены. Нигдѣ нѣтъ словесной безмѣрности. Въ своихъ разговорахъ герои молніеносно перекликаются, быстро понимаютъ другъ друга, ихъ слушаешь безъ утомленія.

Какъ хорошо: Ирина Одоевцева любитъ точку! Рѣдкое пристрастіе, трудный путь, цѣнное качество. Пора бы воспѣть точку. Я думаю, что знаковъ „пренинанія“ слишкомъ много или слишкомъ мало. Ихъ мало, если они должны выражать нашу мимику и жесты. Ихъ много, если они предназначены олицетворять нашу мысль и отдѣлять мысль отъ мысли, а не огрызки отъ огрызковъ, лоскуты отъ лоскутовъ и обломки отъ обломковъ.

Кстати: какое глупое и тяжкое слово — „пренинаніе“. Въ немъ чувствуются связанность, необходимость что-то переступить и преодолѣть, какая-то затруднительность и одышка.

Напрасно смѣются надъ анекдотической гимназисткой: она не знала, поставить запятую или не поставить, и рѣшила поставить, но маленькую. Но всѣ запятая — маленькія, трусливыя, въ концѣ концовъ ненужныя. Впрочемъ, есть еще худшее: это многоточіе (...). Оно обличаетъ разсыпанность мысли, ея остановку, незнаніе, что дѣлать дальше: съ чего начать и чѣмъ продолжать. Многоточіе — растерянность.

Ужасны эти два знака: вопроса и восклицанія. У авторовъ не должно быть ни того, ни другого. Конеч-

но, въ романѣ одинъ человѣкъ можетъ приказывать другому (знакъ восклицательный) или недоумѣвать (знакъ вопроса). Но самъ авторъ не имѣетъ права ни приказывать, ни удивляться. Ему не нуженъ ни этотъ часовой (!), ни это воплощенное недоумѣніе съ откинутой гусиной шей (?).

Есть еще одинъ знакъ „препинанія“, постыдный, самый убогій, вороватый и бессильный: это — „кавычки“. У кавычекъ всегда глупое и покорное лицо съ оттопыренными слушающими ушами («—»). Но авторы, но творцы, но сочинители должны не слушать другихъ, а заставлять слушать самихъ себя.

Въ концѣ концовъ, остается прекрасная, завершающая точка, идеальный знакъ, круглый, какъ шаръ и такой же совершенный. Блаженны влюбленные въ него, въ эту точность мыслей, въ строгость формулъ.

Точка трудна. Она многого требуетъ. Это знакъ сильныхъ. Ирина Одоевцева ею пользуется смѣло и увѣренно. Вотъ почему въ ея фразѣхъ и книгахъ нѣтъ растянутости, нѣтъ воды, нѣтъ ватныхъ мѣстъ. Всѣ онѣ стянуты въ тугую пружину.

Здѣсь таится постоянная опасность стать тяжелымъ. Но этого нѣтъ. Романъ Ирины Одоевцевой нигдѣ не медлитъ. Читательское вниманіе ни разу не напрягается. Искусное повѣствованіе несетъ и увлекаетъ. Тутъ нѣтъ ни скупости, ни излишествъ. Во всемъ — авторская безбоязненность. Она особенно сильна въ сюжетѣ. Онъ простъ, онъ рискованъ.

Тема — пробужденіе женщины въ едва вызрѣвающей дѣвочкѣ. Во многихъ мѣстахъ тема становится щекотливой. Можно было опасаться за авторскій тактъ. Но страхи напрасны. Нигдѣ не проронено ни-

чего лишняго. Вмѣстѣ съ тѣмъ все ясно и понятно. Точекъ надъ „і“ нѣтъ. Точки только въ текстѣ. Онѣ отдѣляютъ мысли, отдѣляютъ и связываютъ. Разсказъ плавенъ. Нѣтъ скачковъ. Его темпъ ровенъ.

Не хочется излагать содержаніе. Впрочемъ, это всегда недостижимая задача. Ничего нельзя передать своими словами: изложеніе — преступно. Оно всегда лжетъ. Въ лучшемъ случаѣ — искажаетъ, — выдаетъ свое за чужое. Это подлогъ.

Романъ кончается смертью и проклятіемъ. Старшая сестра Вѣра на исходѣ беременности застаегъ свою младшую сестру Люку съ любимымъ человѣкомъ. Происходитъ катастрофа. Но предательства нѣтъ. У младшей сестры (Люки) только заблужденіе. Она нашла письмо любви къ Вѣрѣ и по-дѣтски сочла его адресованнымъ себѣ. Этимъ просвѣтленъ весь фѳонъ. Люка предстаетъ почти безгрѣшной.

Вообще Ирина Одоевцева не тяготѣетъ къ мрачнымъ краскамъ. Ея романъ освѣщенъ свѣтлыми лѣтними тонами. Пусть небо сѣетъ дождь, пусть на улицахъ холодно и непріютно — ничего: въ самой стихіи любви, разлитой по этимъ страницамъ, ощущается радостный трепетъ, и о немъ разсказываютъ сны, и предчувствія, и видѣнія, и встрѣчи.

Этихъ настроеній не омрачаютъ ни измѣна Вѣры мужу, ни промелькнувшая трагическимъ призракомъ фигура дамы, и даже вѣсть о ея попыткѣ покончить съ собой не темнитъ свѣтлаго фона ликующей и жадной къ радостямъ молодости.

Нѣтъ тягости въ процессѣ жизни, нѣтъ тяжести въ процессѣ развитія романа. Въ немъ ласковая воздушность.

Ирина Одоевцева не любитъ мелочей. Подробности не наваливаются на нее, и она не взваливаетъ ихъ на наше вниманіе. Оно нигдѣ не отягчено. Почти нѣтъ описаній, но все видно и понятно. Почти нѣтъ ни поясненій, ни разсужденій, но они и ненужны: дѣйствіе краснорѣчивѣй словъ. Нѣтъ толчен, нѣтъ воды, нѣтъ ступы. Вездѣ — ремарки и реплики. Все кратко: „Звонокъ“. „Вѣра пожимаетъ плечами“. „Подъ короткой вуалькой заплаканные глаза“.

Описаніе ресторана:

„Ресторанъ. Шампанское. Женщины въ свѣтлыхъ вечернихъ платьяхъ.“

Такъ же сжаты діалоги. Строчка — слово:

„— Хорошо тебѣ, Вѣрочка?“

„— Хорошо.“

„Сонные глаза закрываются.“

„— Спи, Люка.“

„— Сплю“.

Романъ сжать, сдавленъ, стянуть. Въ то же время онъ нигдѣ не медлитъ, нигдѣ не тянется и не застываетъ. Ни на минуту не ослабляется интересъ, — не ослабляется, но и не подогрѣвается.

Сторонники фORMALЬнаго метода должны почувствовать великое разочарованіе. Теорія „тормаженія“ терпитъ самый наглядный крахъ. Это тоже происходитъ отъ любви къ точкѣ. Кто любитъ ее, не любитъ ничего вводнаго, — ни вводныхъ предложеній, ни вводныхъ сценъ, ни вводныхъ эпизодовъ. Чититъ точку — значитъ чититъ главное: главное предложеніе, главную основную нить романа. Точка сурова: она запрещаетъ разбрасываться. Точка — дисциплина.

И у Ирины Одоевцевой все — въ главномъ, и

путь дѣйствія прямъ. Околицъ нѣтъ. Нѣтъ и хитроумныхъ околичностей.

Эта романистка не боится наскучить. Это — смѣлость. А у смѣлости всегда одна и та же судьба: побѣдить или погибнуть. Одоевцева побѣдила.

Но смѣлость не только въ этой прямизнѣ коренной линіи. Смѣлость Одоевцевой еще и въ большой простотѣ. Не только нѣтъ вычуръ, завитковъ, кренделей и завитушекъ, нѣтъ ни одной искусственной фразы. Совершенно отсутствуетъ литературное щегольство. Въ Иринѣ Одоевцевой живетъ влюбленность въ словесную будничность.

Если въ ней самой таится романтичность, то и она окрашена въ мягкій цвѣтъ: это мечтательность, а не страстность, и романъ ея тоже мечтателенъ. Безъ этой черты самого автора нельзя было создать ни Люку, ни ея сновъ, нельзя было передать еле ощутимыхъ волненій ея впервые пробудившейся къ любви души.

Тутъ предъ Одоевцевой должна была возникнуть очень трудная задача. Написать образъ Люки не легко. Немногимъ удалось бы прослѣдить развитіе подростка, превращающагося въ дѣвушку, зовы пробуждающагося тѣла, безпокойныя мечты, тревожныя сновидѣнія, бурное и стыдливое чувство первой беззавѣтной влюбленности, наконецъ, эту готовность слѣпо отдать себя недозволеннымъ грѣховнымъ ласкамъ. На этомъ пути передъ авторомъ открывалось много опасностей: неловкости, просто грубости, оскорбительной фальши.

Одоевцева обошла эти волчьи ямы, ни разу не поскользнулась, ни въ чемъ не сдѣлала почти ни одной ошибки, не обронила ни одного неосторожнаго

штриха, но и ничего не захотѣла замазывать, приглаживать или смягчать.

Въ этомъ сказалась ея тонкая воспріимчивость. У нея хорошій слухъ къ словамъ, вкусъ въ вещамъ и поступкамъ, вѣрное ощущеніе жизни и ея правды. И въ этой красивой деликатности, конечно, просіяла все та же мечтательность, но здѣсь помогла и еще одна сила, — да, сила, — а такъ какъ не надо никогда бояться словъ, скажемъ прямо: наивность. Въ литературѣ наивность бываетъ счастливой палочкой-выручалочкой, спасительнымъ кругомъ въ самыя опасныя минуты, тогда, когда тянеть дно. Говорю, конечно, о наивности поэтической, наивности прощающаго и чистаго воспріятія міра.

Эта черта чувствуется въ обрисовкѣ лицъ, въ тайной авторской нѣжности къ героямъ, къ людямъ, къ Вѣрѣ, ея мужу, къ Люкѣ; даже къ Арсенію, этому злодѣю романа, „ангелу смерти“, сыгравшему роковую роль въ Вѣриной судьбѣ. Это неудивительно. Мечтательность всегда идеалистична, поэтическая наивность цѣломудренна.

У Одоевцевой въ душѣ тайно живетъ большая до-вѣрчивость. Она пишетъ искренно и до-вѣрчиво; до-вѣрчиво рассказываетъ вслухъ о томъ, о чемъ въ жизни принято говорить шопотомъ и на ушко; до-вѣрчиво не хочетъ видѣть грѣха тамъ, гдѣ онъ самъ готовъ кричать о себѣ; до-вѣрчиво любитъ свою маленькую грѣшницу Люку, до-вѣрчиво освѣщаетъ ласковыми лучами образъ Владимира Николаевича, несмотря на его не оспоримую вину предъ старѣющей, брошенной имъ женщиной, и все построеніе романа сдѣлано тоже въ пол-

ной довѣрчивости къ простотѣ и ясности неосложненной жизненной схемы.

У Одоевцевой довѣрчивъ языкъ и простъ стиль. Для обрисовки характеровъ и лицъ она употребляетъ очень немногочисленныя средства, но ихъ вполне достаточно для того, чтобы представить и нарисовать себѣ совершенно отчетливо все, о чемъ она говоритъ. Никогда она не осложняетъ психологій, избѣгаетъ таинственности, не запускаетъ руку такъ глубоко, чтобы стало больно, не выворачиваетъ съ жестокимъ сладострастіемъ душевныхъ потайныхъ кармановъ, не роется, не копается, не пугаетъ, не буравитъ.

Одоевцева какъ будто совсѣмъ не старается, хотя все и всегда производитъ у нея впечатлѣніе щепетильной аккуратности. Это вѣрное слово: Одоевцева аккуратна и щепетильна, и это тоже спасло ее отъ разставленныхъ въ романѣ опасностей.

Одоевцева заинтересовываетъ, поднимаетъ вниманіе безъ напряженія и нажимовъ, любитъ полусвѣтъ больше пожаровъ, не маршируетъ по литературнымъ коврамъ. Ея шагъ мягокъ, чуть слышенъ, ея голосъ не крикливъ, но внятень, она не шумитъ крыльями, хотя въ ней есть что-то отъ птицы, тихой, умной и слегка напуганной, — не пугайтесь: напуганность — гостя всѣхъ чуткихъ, не колючихъ душъ. Это рѣдкость: теперь въ модѣ ежи.

Т э ф ф и.

У Тэффи нѣтъ никакой литературной школы, отъ нея не протягивается ни одной нити въ прошлое, совершенно немѣслимо указать то или иное вліяніе, и иногда кажется, будто она сѣла за столъ въ одинъ прекрасный, свѣтлый (обязательно свѣтлый!) день и стала писательницей.

Все у нея выходитъ какъ-то легко, просто и безыскусственно. Нѣтъ напряженія, отсутствуетъ старательность, похоже даже на небрежность, но такая небрежность называется непринужденностью. Писательство ей достается будто безъ всякаго труда.

Даже самый талантливый юмористъ иногда непріятенъ. Тяжело смѣяться по заказу, еще тяжелѣе смѣшнить. Невольно рождается предубѣжденіе. Этимъ нарочнымъ стараніямъ хочется идти наперекоръ. Насъ веселятъ, а мы готовы плакать, на васъ глядитъ расплывшееся въ улыбку лицо, но на вашемъ — непріязненная гримаса. Съ Тэффи никогда не хохочешь. Ей улыбаешься.

У Тэффи внутренняя сдержанность. Неизмѣнно она чувствуетъ грань, мѣру и степень. Это чуткость аристократической души и, дѣйствительно, въ своихъ вѣдѣніяхъ небрежныхъ миниатюрахъ она предстаетъ исключительно воспитанной. Съ перваго взгляда кажется, будто все у

нея написалось смаху, сразу, безъ думъ и поправокъ, но выкинуть нельзя ничего. У Тэффи чудесный литературный слухъ, оберегающій отъ рискованныхъ излишествъ, неосторожныхъ выражений, ранящихъ словесныхъ стрѣлъ.

Юморъ вообще — доброта, самое искреннее желаніе радовать другого, но эта привѣтливость смѣха у Тэффи какъ-то особенно мила, пріятна и даже чуть кокетлива.

Смѣхъ всегда человѣчанъ. Недаромъ во всемъ мірѣ умѣетъ смѣяться только человѣкъ. У Тэффи эта человѣчность особенная: это женская человѣчность. Даже тогда, когда она чуть-чуть презрительна, когда у нея прищурень глазъ, она все-таки остается снисходительной, мягкой и уютной. У Тэффи и фигурируютъ, главнымъ образомъ, женщиныны.

Онѣ всѣ принадлежать къ одному и тому же типу. Это — *petites femmes*. Если рассказы Тэффи переформировать въ легкія комедіи, — а это не трудно, — ея героини прелестно сыграла бы, наприм., Грановская. Эти женщины сроднены общими чертами. Ни у одной изъ нихъ нѣтъ ни глубокихъ страстей, ни серьезныхъ потрясеній. Ихъ основной признакъ — жизненная разсѣянность. Онѣ легкомысленны, но не преступны, забавны, но не предосудительны, ихъ легкомысліе производитъ впечатлѣніе шалости, а ихъ измѣны, паденія, ошибки окрашены подкупающей наивностью, поэтому никогда не вызываютъ осужденія, ихъ невольно прощаешь. А чтобы простить, надо только улыбнуться.

Героини Тэффи — безгрѣшныя грѣшницы, и искупающей и примиряющей чертой здѣсь является ихъ прелестная бездумность, милая чепуха ихъ дѣлъ, незамысловатость морали, дѣтская простота ихъ логики.

Но въ творествѣ Тэффи это дѣтское начало вообще

имѣеть большое значеніе, играетъ огромную роль, чувствуется на каждомъ шагѣ, и въ этомъ тоже одно изъ очарованій Тэффи, ея образовъ, простоты ея письма, довѣрчивости ея тона.

Юморъ какъ-то невольно сближается съ ребячествомъ. Недаромъ юмористы съ такой любовью отдаются темамъ дѣтскаго міра. Но у Тэффи и тутъ — женское. Ея фаворитки — дѣвочки. Онѣ выходятъ у нея особенно интересными тогда, когда въ нихъ пробуждается намѣчающаяся или зрѣющая женщина. Съ этой точки зрѣнія, любопытно сопоставить маленькую кокетку изъ „Зеленаго Чорта“ хотя бы съ Маркитой, а этимъ заняться совсѣмъ легко: оба разсказа напечатаны въ одной и той же послѣдней книжкѣ.

Маркита — мать. Надя — дѣвочка. У Маркиты уже ребенокъ, а у Нади всего только зеленый чортъ съ серебрянымъ канителевымъ хвостомъ, да и тотъ краденый. Но обѣ — женщины. У той и другой — общая психологія. И Маркита и Надя упоены восхитительной ложью, онѣ во власти чудеснаго самообмана, обѣ играютъ роль, и если въ дѣвочкѣ уже чувствуется женское кокетство, то Маркита сама кажется простодушной дѣвочкой. У нихъ не только одни и тѣ же приемы, одна и та же маска и поза, но и цѣль обѣихъ та же: невѣроятно блеснуть и покорить. Онѣ и кончаютъ одинаково — полнымъ проваломъ, и это опять-таки потому, что и тамъ и тутъ — простодушіе, довѣрчивость и наивность, т. е. снова оно, — дѣтское, ребяческое начало.

Своихъ героинь Тэффи любить.

— За что?

Только за ихъ довѣрчивость, — за то, что онѣ сами любятъ людей, жизнь, даже за ихъ невинное, никому не

вредящее себялюбие. Тэффи сочувствует вообще всѣмъ неприспособленнымъ къ борьбѣ. Ей нравится беспомощность, ее подкупаетъ растерянность. Вотъ почему прежде она сочувствовала Людмилѣ Александровнѣ, закутавшейся въ „сбѣтахъ логики“, ласково улыбалась дамѣ съ „бѣлымъ боа“, напрасно старающейся привести въ порядокъ свои мысли. Вотъ почему теперь она такъ дружелюбно и сочувственно рассказываетъ о Геддѣ Габлеръ, — она же мадамъ Элизъ Д'Ивановъ, а попросту Ольга, — рвущейся въ заоблачныя страны мечты и необычайно презирающей свою прозаическую профессію модистки. Вотъ почему Тэффи любитъ и Дэзи, тоже мечтательницу, фантазерку и бездѣльницу. И во всемъ этомъ сказывается жалостливость, — мотивъ, такъ часто звучащій въ этихъ рассказахъ, цѣликомъ наполняющій „Два“, прокрадывающійся въ душу одинаково ребенка, какъ и ресторанныго пса: оба обидѣли, оба сознали это, оба искупили свою вину.

Тутъ мы подходимъ къ одному интересному опредѣленію. Ничто такъ не властвуетъ надъ сердцемъ Тэффи, какъ великодушіе. Въ эту черту Тэффи влюблена. Нигдѣ она не говоритъ прямо о героизмѣ, но она всегда плѣнена именно и только героизмомъ. Неважны его формы, не имѣютъ значенія его размѣры, — привлекательны и обаятельны сама красивая сущность человѣческаго духа, порывъ и безбоязненность, — все равно, какаѧ.

Быть можетъ, и всѣхъ своихъ героинь она любитъ только потому, что онѣ бездумны и уже по одному этому безстрашны, легкомысленны и, слѣдовательно, добры, слегка экспансивны и потому смѣлы. Естественно, что въ своемъ тайномъ преклоненіи предъ великодушіемъ и смѣлостью Тэффи неизбѣжно должна чуждаться малоду-

нія, презирать убогость, ненавидѣть трусость, неслышно, но зло клеймить заячью душу скупца Петра Ивановича („Житіе Петра Ивановича“), съ брезгливымъ отвращеніемъ смотрѣть на желчную ворчунью, недовольную всѣмъ и проклинаящую всѣхъ. Но и досталось же ей:

„Она встала на своихъ тонкихъ, какъ шпилька, кривыхъ ногахъ, сѣла, подирочила лѣвую ногу подъ стулъ, скосила глаза злоломъ и заскрипѣла“...

И это длинное скрипѣніе было такъ ужасно, что „розы въ бокалѣ потемнѣли и скрутили лепестки, каминное зеркало замутилось, посреди оконнаго стекла заплясалъ паукъ и выпустилъ длинную, сѣрую паутину, на столѣ яркимъ пятномъ вырисовался неоплаченный счетъ.“

Я нарочно привелъ эти строчки, чтобы вамъ показать, какъ Тэффи сердится, — хорошо сердится!

Но вотъ злока на кривыхъ ногахъ замолкла, — „дверь распахнулась и влетѣлъ въ нее смѣхъ“. А смѣхъ — бодрость, и Тэффи обрадована, еще бы: золотистые кудерьки, стройныя ножки, мохнатое перышко на шляпѣ, пестрая подкладка, поцѣлуй, — вихрь, беззаботность, счастье въ несчастіи, веселье въ тоскѣ — и ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного вздоха о неудачахъ, бѣдности, лишеніяхъ, — великодушное женское сердце! — довольно: Тэффи влюблена, Тэффи покорена, Тэффи въ восторгѣ.

Ее всегда восхищаетъ раскрытая душа, искренняя и порывистая человѣческая сердечность, и у Тэффи прелесть Наташа З., „одинадцатилѣтняя, яловая, бѣленькая „дѣвочка“ съ бѣлокुरыми русскими косичками“. Но и ее любить Тэффи за то, что Наташа „болѣетъ душой“ за другихъ, тревожится за всѣхъ, заботится о чужихъ,

серьезная, любвеобильная, — великодушная — („Цвѣтикъ бѣлый“).

Этой человѣческой доблестью, смѣлостью духа Тэффи покорена давно, и недаромъ ея девятилѣтнее сердце плѣнилось красивой Ганкой, половившей въ саду дорожки, — высокой и гибкой красавицей съ ровными, бѣлыми, крупными зубами, тоже смѣлой, тоже безстрашной предъ жизнью и жадно любящей эту жизнь. Въ этомъ преклоненіи предъ человѣческимъ великодушіемъ, человѣческой отвагой, откровенностью сердца, непосредственностью натуры, Тэффи постоянна, неизмѣнна и увлекательна. Ея боги — героизмъ и радость, — не ихъ ли она искала на Корсикѣ? И это тяготѣніе къ возвышеннымъ чертамъ духа — прекрасный признакъ тонкаго и мечтательнаго душевнаго аристократизма самой Тэффи.

А гдѣ возвышенное — тамъ скрытая грусть, — она проскальзывала въ книгахъ Тэффи, — и въ своемъ „Вечернемъ днѣ“ она была та и не та, знакомая намъ и новая. Все такъ же, попрежнему, она изящна, и легокъ ея языкъ и простъ стиль, и та же нѣжная прозрачность въ настроеніяхъ, въ лицахъ, въ описаніяхъ. Но рассказы не тѣ. Ихъ покинула беззаботность, отъ нихъ отлетѣлъ юморъ, въ нихъ пришла грусть. Кое-гдѣ зазвучали ноты разочарованія, — мнѣ показалось, — совсѣмъ не-мгновеннаго. Въ этомъ разочарованіи примѣчалась какая-то сворбность, будто измѣнились какія-то общія оцѣнки и строки стали чуть-чуть холоднѣй. Это не только „вечерній день“; — онъ казался днемъ осени. Осень всегда четка, — увы! — ясность не всегда радость.

Ту книгу покинула былая пылливость. Она куда-то дѣлась, можетъ быть, спряталась.

Такъ и оказалось.

И новые рассказы — „Городок“ — снова озарены солнцем, радостно и смѣхомъ. Предъ нами знакомая Тэффи, талантливый юмористъ, острая наблюдательница, отличное литературное дарованіе, писательница, не вѣдающая старанія, нажимовъ, ни подчеркнутости, ни умничанья. Она правдива и умна, проста и изящна. У нея хорошій литературный тонъ, очень своеобразный, свой собственный стиль и въ немъ, въ этой милой и небрежной литературной повадкѣ, — однако, полной большого собственного достоинства, — заключена тайна: ея обаянія, ея власти надъ нами.

И, въ самомъ дѣлѣ, Тэффи любили всѣ. Нелюбившихъ ее не было. Среди русскихъ юмористовъ она занимала первое мѣсто по дружелюбію читателей. Даже всѣмъ близкій, для всѣхъ понятный и жизнерадостный Арк. Аверченко не былъ обласкаемъ такъ, какъ Тэффи.

Къ ея изящному таланту даже читатель-дуракъ и читатель-невѣжа относились тоже съ какимъ-то изяществомъ. Надъ книгами другихъ хохотали. Ей улыбались. Иногда казалось, будто и самъ читатель хотѣлъ ей понравиться.

Предъ Тэффи подтягивались, держали себя прямо, потому что ее всѣ читали почтительно и влюбленно. Есть общества, гдѣ улыбки поощряются, но запрещается фыркать, гдѣ дозволено многое, но не все.

III.

Одинокій.

Закрывъ книгу — и воспоминавія хлынули потокомъ. Въ быстрой смѣнѣ лицъ съ обжигающей ясностью воскресли давнія встрѣчи, перевернулись легкія страницы первыхъ литературныхъ забавъ и мечтаній, закачалась толпа знакомыхъ людей, какъ листья на живомъ древѣ жизни. Книга — „Дневники“ Валерія Брюсова.

Его гимназическіе годы, юность, дерзкое начало его поэтической карьеры, общее участіе въ литературныхъ кружкахъ связываютъ насъ многими нитями: подаромъ мое имя появляется въ самыхъ начальныхъ записяхъ этого дневника.

Брюсовъ былъ самонадѣянъ. Самому себѣ онъ казался избранникомъ. Въ кипѣніи силъ онъ готовъ былъ смотрѣть свысока на весь міръ. Съ пыломъ повстанца, въ страстной ослѣпленности, онъ шелъ на борьбу и крушеніе заповѣдныхъ истинъ. Одинъ изъ его молодыхъ афоризмовъ, часто мной слышанный, устанавливалъ, какъ новый законъ: „въ искусствѣ искренности нѣтъ и не должно быть!“ Не знаю: подъ вліяніемъ ли этой промовѣди, или ею защищаясь, Брюсовъ любилъ позу. Въ нашемъ кружкѣ онъ

разыгрывалъ роль генія, основателя новой эстетической религіи. Эта черта отразилась въ дневникахъ. Проповѣдникъ неискренности, въ своихъ интимныхъ замѣткахъ онъ очень искрененъ. Только поэтому книга становится не только цѣннымъ матеріаломъ для характеристики и пониманія ея автора: эти опредѣленія и наблюденія рисуютъ портреты многихъ его современниковъ, больше всего, конечно, писателей. По природѣ замкнутый, молодой Брюсовъ отличался большой литературной общительностью. Онъ желалъ и искалъ знакомствъ.

Къ людямъ пера онъ приближался съ горячей любовательностью. Будто ревнивецъ, онъ изучалъ своихъ соперниковъ.

Его опредѣленія кратки. Сознательно и убѣжденно онъ тянулся къ математикѣ, любилъ строгость формулъ, увлекался діалектикой. Въ ту пору — юные — мы вмѣстѣ мечтали о критикѣ, построенной какъ теорема, и враждовали съ голословностью утвержденій. Это осталось мечтой, но строгость методовъ, скупость фразы, — при явномъ тяготѣннн къ эпитету, — сжатая мысль сохранились у Брюсова до конца.

Человѣкъ власти и честолюбія, онъ выбралъ себѣ трудную позицію. Умѣющій достигать, онъ захотѣлъ стать и стать литературнымъ революціонеромъ. Не всегда способный скрывать, склонный къ рѣзкости и вызову, онъ сразу поднималъ противъ себя лагерь враговъ и зажигалъ огни возмущенія. Врубелъ написалъ Брюсова почти въ наполеоновской позѣ: наглухо застегнутый сюртукъ и скрещенныя руки. Такъ себя втайнѣ и мнилъ Брюсовъ — побѣждающимъ полководцемъ на полѣ литературныхъ битвъ.

Шла ожесточенная война. Долгіе годы Брюсовъ чувствовалъ себя одинокимъ, — долго, если не всегда. Его не любили, не вѣрили его прямогѣ, подозрѣвали рисовку, упрекали въ рекламности. Въ теченіе цѣлаго періода Брюсову негдѣ было писать, и онъ ютился въ дешевомъ и вульгарномъ „Русскомъ Листкѣ“ Казецкаго, отъ времени до времени помѣщая свои протестующія „письма въ редакцію“ захудалаго тогда „Русскаго Слова“ и „Новостей Дня“. Остальная печать для него была закрыта. Даже редакторскія приглашенія кончались неудачей. Дерзкое брюсовское новаторство пугало. Съ нимъ не мирились даже молодые, что жъ говорить о старикахъ!

Но отчужденію помогаль самъ Брюсовъ, отталкивала рисовка и надменность. Ихъ сознавалъ самъ Брюсовъ.

Вотъ онъ въ гостяхъ.

— Я выдѣлывалъ всѣ штуки ученаго звѣря, — записываетъ онъ, — говорилъ о символизмѣ, декламировалъ, махалъ руками (признакъ оригинальности).

Другая запись:

— Сегодня... меня „показывали“: демонстрировали, какъ символиста. Декламировалъ и произвелъ извѣстное впечатлѣніе.

Молодой Брюсовъ не только рисовался, — онъ издѣвался. Онъ презиралъ и враговъ, и поклонниковъ:

— Моя будущая книга „Это — я“ будетъ гигантской насмѣшкой надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ. Въ ней не будетъ ни одного здраваго слова — и, конечно, у нея найдутся поклонники.

Эта игра въ демонизмъ и непонятость обходилась

дорого. Непрiязнь росла. Не было откликовъ. Брюсова обходили. Въ дневникѣ онъ восклицаетъ:

— Я одинокъ. Въ университетѣ горько. Впрочемъ, — прибавляетъ онъ, — держу я себя такъ надменно, что старыя знакомыя не рѣшаются кланяться.

Конечно, въ этомъ было много мальчишества. Оно оправдывалось возрастомъ. Но многое осталось навсегда. Никогда отъ него не отходила заносчивость. Брюсовъ оставался дерзкимъ. Однажды на литературномъ вечерѣ у В. А. Морозовой, извѣстной благотворительницы, тѣсно связанной черезъ проф. Соболевскаго съ „Русскими Вѣдомостями“, читалъ Садовниковъ о Вл. Соловьевѣ. Собралось большое общество, — литераторы, студенты, артисты. Бесѣда перепрыгнула на символизмъ. Брюсовъ отмѣчаетъ что онъ „былъ достаточно умѣренъ“ и „очень большихъ рѣзкостей не говорилъ“. Выразался же онъ такъ:

— Это элементарная истина, — если угодно, могу ее вамъ объяснить.

— Если вы не понимаете, не могу вамъ помочь.

Естественно, Брюсова чуждались. Никто не вѣрилъ въ его искренность. Послѣ одной изъ „пятницъ“ Случевского Брюсовъ, Бальмонтъ, Сафоновъ и Коринфскiй отправились въ ресторанъ. Сафоновъ поставилъ Брюсову откровенный вопросъ:

— Скажите, Брюсовъ, шарлатанъ вы или искреннiй?

— Я — объясняетъ Брюсовъ — сказалъ что-то о странности вопроса.

Между тѣмъ никакой „странности“ не было. Подозрѣнiя напрашивались сами. Тогда же въ Петербургѣ Брюсовъ попалъ къ Ф. Сологубу. Тамъ были

Гиппіусъ, Минскій, Коринфскій, Лебедевъ и „молоденькій студентъ Ореусъ“.

— Мы съ Бальмонтомъ — записываетъ Брюсовъ — держались въ сторонѣ.

О Брюсовской книгѣ Минскій, считавшійся въ ту пору „молодымъ“ и даже декадентствующимъ, ядовито сказалъ:

— Ждешь появленія привидѣнія, а выходитъ дя-дюшка и говоритъ „здравствуйте“.

Съ недоувѣріемъ относились журналы. Редакторы, даже цѣнявшіе Брюсова, признававшіе его, потомъ отказывались и возвращали рукописи. Такъ случилось съ „Русскимъ Обзорѣніемъ“ и повторилось въ облеуховскомъ „Знамени“. Брюсову пришлось воспользоваться страницами историческаго журнала „Русскій Архивъ“. Здѣсь ему по душѣ была личность самаго редактора Бартенева. Его обширныя знанія, большая память внушали Брюсову уважительныя чувства. Предъ этими достоинствами Брюсовъ всегда почтительно склонялся. И въ себѣ онъ цѣнилъ горячія жажды знанія и трудоспособность. По всему дневнику разбросаны записи, свидѣтельствующія о громадныя планахъ чтенія и изученія. Одна изъ нихъ перечисляетъ его темы и работы:

— Чѣмъ я занятъ теперь? Непосредственно: предисловіе къ „Исторіи Русской Лирики“. — Рефератъ Герье о Руссо. Рефератъ Ключевскому. Моя символическая драма. Повесть о Руссо. — Романъ: „Эта исторія“... — Повѣсть о Еленѣ — Переводъ Энеиды. — Повесть о Москвѣ. Монографія „Неронъ“. — „Легионъ и Фаланга“. — Задумано: драма „Марина Мни-

шекъ“, „Атлантида“ и переводъ Метерлинка „Ле Трезоръ“. — Разсказъ „Изгнанница“.

Въ будущемъ: Исторія римской литературы. Исторія императоровъ. Исторія схоластики. Публичная лекція о Римбо. Читаю Вебера, Метерлинка, Библию, Сумарокова. Надо читать: Канта, Новалиса, Буало. И т. д. И т. д. Такихъ плановъ у Брюсова было много. Они разсыяны по всѣмъ дневникамъ. Всю жизнь онъ учился.

* * *

Замѣчательно: объ его начитанности знала и широкая публика. Но ни эта эрудиція, ни отказъ Брюсова отъ дерзновенныхъ крайностей, ни бѣжавшіе годы — ничто не могло устраничь недоброжелательства и скептицизма. Прошло много лѣтъ, давно были забыты первыя голубыя, юныя брюсовскія книжки, но столкновения продолжались, и однимъ изъ самыхъ крупныхъ было освистаніе Брюсова на торжественномъ засѣданіи „О-ва Любителей Россійской Словесности“. Это произошло во время брюсовской рѣчи о Гоголѣ, произнесенной по случаю открытія памятника въ 1909 году. Свистъ былъ вызванъ невиннѣйшимъ и совершенно справедливымъ замѣчаніемъ Брюсова, опредѣлявшимъ Гоголя, какъ гиперболиста. Его не только освистали, но большая часть публики даже покинула залъ.

Правда, къ этому времени росъ и выросъ уже серьезный и крѣпкій успѣхъ Брюсова. Сточивъ углы, смягчивъ остроту формулъ, сошедшій съ путей декадентства, онъ становился „парнасцемъ“, преданнымъ пушкиніанцемъ, „метромъ“ новой школы, наставникомъ молодыхъ. И ему, дѣйствительно, обязаны многіе.

Онъ открывалъ дарованія и направлялъ ихъ. Около него окрѣпли таланты Блока, Андрея Бѣлаго, Гумилева. Михаила Кузмина онъ разыскалъ въ альманахѣ начинающихъ, — „Зеленомъ Сборникѣ“, а „молоденькій студентъ Ореусъ“ — это рано умершій талантливый Иванъ Коневской, обласканный Брюсовымъ, пользовавшійся его дружескимъ наставничествомъ, много разъ поминаемый въ брюсовскихъ статьяхъ, сохраненный для будущаго критическими признаніями своего учителя.

Но и это пѣстованіе у Брюсова шло изъ чувства своей власти и превосходства и, быть можетъ, хранило въ своихъ тайникахъ и корняхъ высокомерныя удовлетворенія, сознаніе силы, ума и чутья. Онъ любилъ тѣхъ, кого велъ, и тѣхъ, кто съ нимъ шелъ, если вообще онъ кого-нибудь любилъ. Но онъ всегда былъ съ ошиканными, непризнанными и гонимыми. Въ неровныхъ, измѣнчивыхъ, то ласковыхъ, то колючихъ отношеніяхъ съ Бальмонтомъ были моменты самаго полного и искренняго восторга, идущаго отъ Брюсова, и они всегда совпадали съ публичными неудачами Бальмонта, — когда онъ претерпѣвалъ непріятности и гоненія за вызовъ и дерзость проповѣди.

Точно также Брюсовъ относился и къ Волинскому. Въ своей московской лекціи Волинскій сказалъ, что „Михайловскій — либеральный жандармъ, стоящій на своемъ полустанкѣ и пропускающій мимо поѣзда современности“. Раздались свистки. Послѣ лекціи студенты очень волновались. Произшелъ скандалъ. Но разъ это — вызовъ, если это дерзновенное исповѣданіе собственной истины — конечно: Брюсовъ тутъ. Залъ волнуется, залъ негодуетъ, „а мы съ С. А.

Поляковымъ пригласили Волынскаго въ Эрмитажъ и чествовали его“, „купили у него статью о поэзіи“. Мережковскому запретили лекціи о Толстомъ и Достоевскомъ: „Я хлопочу за него при помощи Ю. П. Бартенева“.

* * *

Брюсовъ былъ проникателенъ. Его опредѣленія интересны и мѣткі въ своей краткости. Онъ схватывалъ быстро и спокойно. Иныя изъ его замѣчаній сейчасъ у меня вызываютъ тихую улыбку, и она происходитъ не только оттого, что я легко представляю себѣ, съ какимъ негодованіемъ будутъ прочтены многими изъ живыхъ эти дневники, но и потому, что знаю, какой гнѣвъ обрушился бы на эту книгу, если бы она вышла нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда еще были живы иные изъ помянутыхъ здѣсь писателей и поэтовъ. Напримѣръ, Гумилевъ.

Брюсовъ пишетъ, что на него произвели неприятное впечатлѣніе его плохіе зубы.

И по этому поводу я вспоминаю одинъ эпизодъ. Въ 1909 г. у Гумилева съ Волошинымъ состоялась дуэль. Она кончилась курьезомъ. Никто не былъ раненъ, но на полѣ битвы ея памятникомъ осталась калоша. Я написалъ статью и назвалъ ее: „2 испанца“, а въ ней неосторожно (писалъ въ раздраженіи) упомянулъ о недостаткѣ Гумилева. Послѣ этого прошло цѣлыхъ восемь лѣтъ, мы встрѣтились, — но Гумилевъ все еще не могъ забыть моей выходки. Упоминаніе о зубахъ его кололо и не залечивалось. Безъ всякаго труда мнѣ удалось его успокоить. Мы разговорились и, вотъ, тутъ онъ не безъ гордости мнѣ подчеркнул, что его

считаютъ и величаютъ „наслѣднымъ принцемъ русской поэзіи“.

— А — король?

— Король — Брюсовъ.

Что чувствовалъ бы этотъ принцъ, прочтя о своихъ зубахъ въ дневникѣ короля, благословившаго его на будущее царство!

Но мои улыбки вызываетъ и еще многое, рядъ фигуръ, лишь намѣченныхъ или заботливо нарисованныхъ этими дневниками. То далекое, надламывавшееся, слегка закипавшее и тотчасъ же стынущее время съ подцензурной печатью, съ дикими издателями, съ литературной удрученностью создавало странные типы, смѣшныя фигуры растерянныхъ и больныхъ людей, кичливыхъ неудачниковъ, кривляющихся геніевъ темнаго чулана. Окруженный общимъ недоумѣемъ, Брюсовъ не встрѣчалъ его и у поэтовъ. На вечерѣ у Ланга, одного изъ участниковъ перваго декадентскаго сборника, Брюсовъ встрѣтился съ Л. М. Медвѣдевымъ. „Замѣчательнъ онъ лишь тѣмъ, что у него волосы на всемъ тѣлѣ повылѣзли“. Медвѣдевъ былъ грубоватъ. У него была модная тогда манія величія: онъ гдѣ-то и какъ-то политически „пострадалъ“, считалъ себя „гражданскимъ поэтомъ“ и потому ко всему „не-гражданскому“ относился съ величайшимъ пренебреженіемъ. Брюсову онъ сказалъ:

— Я васъ воображалъ въ мантии, а вы добрый малый.

Потомъ какъ-то Брюсовъ зашелъ въ „Русское Слово“ и увидѣлъ тамъ Медвѣдева, „ругательски ругавшагося и требовавшаго обратно свои рукописи“. И я снова не могу удержаться отъ улыбки при воспоминаніи.

наніи объ этомъ лысомъ съ головы до ногъ человѣкѣ въ пенснѣ на вздернутомъ носу, неизмѣнно пребывавшемъ въ состояніи отчаяннаго бушеванія, повсюду и всегда требовавшемъ свои рукописи обратно. Онъ получалъ ихъ безъ затрудненія и шелъ клясть редакторовъ и издателей къ своимъ пріятелямъ. Однимъ изъ нихъ былъ Любичъ-Кошуровъ.

* * *

Собственно, эту главу я могъ бы назвать даже загадочно: „Юсафъ и Фаина“. Любичъ-Кошуровъ сотрудничалъ въ провинціальныхъ газетахъ, въ дешевыхъ юмористическихъ журналахъ, но это былъ талантливый беллетристъ для дѣтей и его книжки охотно покупались издателями — „на корню“, т. е. оплачивались впередъ, за то грошами.

Ходилъ онъ въ черной поддевкѣ и ея воротъ былъ повязанъ коричневымъ башлыкомъ. Любичъ-Кошуровъ происходилъ изъ курскихъ дворянъ. Дворянская несуразность и взбалмошность отразились на всемъ его существованіи. И звали его тоже оригинально: Юсафъ Арисмовичъ.

Въ довершеніе своей оригинальности онъ женился на женщинѣ, носившей имя „Фаина“. И она была не совсѣмъ обычной литераторской женой, и ихъ жизнь текла тоже по особенному.

Фаина, бывшая цвѣточница, не знала даже грамоты, а жили они въ Химкахъ подь Москвой. Къ нимъ меня привезъ Медвѣдевъ. Кошуровъ снималъ огромное помѣщеніе, болѣе похожее на сарай. Въ этомъ сараѣ онъ занималъ собственно всего одну комнату, и въ ней стояли столъ, стулъ, табуретка и кровать, всѣ трехногіе — четвертой поддержкой служили полѣнья.

Кошуровъ побѣждалъ за пивомъ. Подмигнувъ мнѣ, лысый Медвѣдевъ обратился къ Фаинѣ:

— Скажите, чѣмъ занимается вашъ мужъ?

И смотря въ землю, Фаина отвѣтствовала:

— Онъ — писарь.

Часто бывавшій у нихъ Медвѣдевъ, повидимому, продѣлывалъ эту комедію уже не разъ и задалъ женщинѣ второй вопросъ:

— А вы сами чѣмъ занимаетесь?

Она подняла голову и на минуту задумалась:

— Я стрѣляю — медленно произнесла она.

— По какой же вы дичи охотитесь?

— Мы стрѣляемъ воронъ.

Она сказала это раздѣльно и убѣжденно, и сказала правду. Дѣйствительно, изъ какого-то стараго проржавленнаго ружья, у котораго курокъ былъ привязанъ нитками, Юсафъ и Фаина стрѣляли воронъ и жарили ихъ, а лѣтомъ Фаина ходила еще и по грибы, и это былъ ихъ обычный столъ.

Какъ много можно было бы рассказать о томъ времени. Однихъ воспоминаній о В. Е. Ермиловѣ, носившемъ почему-то прозвище „пѣтушиная нога“, можетъ хватить на большую главу. Это была догоравшая старая литературная Москва. Уже кое-гдѣ трещалъ ледъ, но еще не видно было солнца, не наступала весна и не пѣли никакіе буревѣстники. Но символическія чайки уже стали появляться. Трудно понять, почему тогда Брюсовъ и тѣ, кто былъ съ нимъ, эти пзруганные декаденты, были сопричислены къ лику отъявленныхъ реакціонеровъ. Правда, самъ Брюсовъ открыто враждовалъ съ политикой, презиралъ либераловъ, не смущаясь это высказывалъ и все-таки по пла-

менному пафосу, дерзновенности вызова, внутренней непокорности, молодому гнѣву они стояли въ лагерѣ протестующихъ. Этому не понимали. Сознательно и бессознательно Брюсовъ самъ ширилъ пропасть.

Онъ былъ встрѣченъ ненавистью, а теперь послѣ смерти нашель осужденіе. И въ этомъ одиночествѣ большого талантливаго писателя таится глубокой интересъ его жизни, его біографіи и этихъ искреннихъ молодыхъ дневниковъ.

Федоръ Сологубъ.

Погасая въ бѣгѣ дней, уходятъ и блѣднѣютъ даже близкія лица. Сумерки бываютъ и у памяти. Уже сейчасъ не припомнишь многихъ, съ кѣмъ жилъ и встрѣчался. Пожалуй, легче назвать тѣхъ, кого все еще берегаютъ воспоминанія. Но нельзя забыть Сологуба.

Его надо было увидѣть, съ нимъ поговорить хоть разъ — и надолго, навсегда запоминался этотъ человекъ, внутренне сосредоточенный, очень скупой на слова, замкнутый и молчаливый. Онъ казался отшельникомъ. Въ его прямой фугурѣ, строгомъ наклонѣ головы, рѣдкой улыбкѣ чувствовалась недовѣрчивость. Жила въ немъ глухая, спокойная, но совѣмъ не вызывающая гордость все познавшаго философа съ огорченной навѣки душой.

Многіе и часто, то серьезно, то шутливо, называли его „колдуномъ“. Нельзя говорить, что это было только удачное прозвище. Нѣтъ, это — опредѣленіе Сологуба.

И въ его внѣшности, и въ его ровномъ, прорицающемъ голосѣ, неживой, почти отсутствующей мимикѣ, въ его стихахъ, его излюбленныхъ, то зыбкихъ, то

страшныхъ образахъ была какая то маяющая ворожба, и онъ самъ производилъ странное и немного пугающее впечатлѣніе мертвенности, неизмѣнно представляя нашему воображенію и любознательности таинственной скульптурой, вѣнымъ каменнымъ изваяніемъ.

Федоръ Сологубъ появился въ литературѣ 34 года тому назадъ. Потомъ въ 1896 году вышла первая книжка его стихотвореній. Въ ней легко разслышать лермонтовскіе отголоски. Въ томъ же „Сѣверномъ Вѣстникѣ“, гдѣ помѣщались его первыя вещи, была напечатана и его повѣсть „Тяжелые сны“, несшая въ себѣ задатки, настроенность и предреченія великолѣпнаго, знаменитаго, чудовищно-прекраснаго „Мелкаго бѣса“, сотворившаго Сологубу настоящую славу. Это случилось почти тотчасъ же послѣ первой революціи. Тогда же состоялось и наше знакомство.

Не надо напрягаться, чтобъ установить, гдѣ и когда. Конечно, на одномъ изъ литературныхъ собраній.

Это была пора цвѣтенія всякихъ кружковъ. Нарождались, шумѣли и очень быстро гибли различныя литературныя содружества и группы, объединенія и школы, создавшіяся повѣтріями моды, влеченіемъ къ успѣху и просто рекламѣ, дерзостными полемическими войнами, борьбой символистовъ съ реалистами.

И на этихъ вечерахъ Сологубъ оставался все тѣмъ же молчаливымъ свидѣтелемъ чтеній и преній. Въ немъ таился скептикъ, увѣренный въ своей силѣ, съ тайной насмѣшливостью взиравшій на изливавшуюся вокругъ него искреннюю и напускную многорѣчивую страстность: самъ Сологубъ былъ неизмѣнно безстрастенъ.

Въ немъ сидѣлъ упрямецъ, и у этого упрянца была влюбленная вѣра въ непревосходимую гибкость русскаго языка. Его онъ чувствовалъ тонко и глубоко, имъ владѣлъ въ совершенствѣ. Въ своихъ отношеніяхъ къ языку Сологубъ былъ властенъ. Едва ли у кого нибудь есть еще такая смѣлость и безбоязненность словеснаго виртуоза, такой непронзвольно богатѣйшій, драгоценный лексиконъ. Обворожительна его стихотворная музыка.

Не проповѣдуя, не поучая, онъ открываетъ изумительныя тайны, и если въ „ласкѣ“, „ликованіи“, „легкости“, „любви“ — вездѣ — „Л“, то въ передачѣ этихъ эмоцій, этихъ чувствованій Сологубъ воистину колдуетъ, онъ чудесно ворожитъ, онъ славить этотъ мягкій звукъ, передающій и нѣжность, и упоеніе, и обреченность, и жертвенность человѣческаго сердца, неразрывно сочетанную у Сологуба съ неуходящимъ и вѣчнымъ, самымъ дорогимъ для него видѣніемъ и символомъ смерти.

.
*. . . «Лила, лила, лила, качала
Бокалы тѣльнаго стекла,
Бѣлой лилей, алѣе лала
Была бѣла ты и ала.
И въ звонахъ ласково хрустальныхъ
Отраву сладкую тая,
Была милый ты дѣвъ лобзальныхъ,
О, смерть отрадная моя!» . . .*

Вездѣ у Сологуба земная разочарованность. Его міръ не здѣсь. Его признанія отданы не жизни, а смерти. Онъ увлеченъ странной мечтательностью, — странной потому, что за ней стоятъ глубокая убѣжденность.

Сологубъ захватываетъ своей силой. Поражаетъ въ этой силѣ внутреннее знаніе. Въ своей символикѣ онъ необыкновенно ясенъ. Его творчество сочетало въ себѣ реалистическую правду и мечтательную сказочность. Это — реальная фантастика, или (можетъ быть, еще точнѣй) фантастическая реальность.

Эти черты опредѣляютъ его литературную наслѣдственность.

Предшественники Сологуба — Гоголь и Достоевскій. Герой „Мелкаго бѣса“ Передоновъ — олицетвореніе гоголевскаго ужаса: „Мертвыя души“ — тоже сборище мелкихъ бѣсовъ, и всего одинъ шагъ отдѣляетъ „Бѣсы“ Достоевскаго отъ „Мелкаго бѣса“ Сологуба. Разница только въ сюжетѣ, колоритѣ и авторской личности. Но и у Гоголя, и у Достоевскаго, и у Сологуба — мистическія маски.

Передоновъ страшенъ. Его бѣсовство разрушительно. Передоновъ — типъ. Онъ зеркало, непрерывно вертящееся, отражающее многихъ, безчисленныхъ, всѣхъ другихъ. Передоновъ не одинъ изъ героев Сологуба, а его главный и единственный герой. Онъ не одно изъ дѣйствующихъ лицъ „Мелкаго бѣса“, а одно въ немъ дѣйствующее, живущее, его заполняющее лицо.

Передоновъ бредетъ „среди томленія на улицахъ и въ домахъ подѣ этимъ отчужденіемъ съ неба, по нечистой и безсильной землѣ“. Такой она всегда казалась, такой должна была представляться самому Сологубу.

Для Передонова, какъ и для Сологуба — „не было утѣшенія и отрады въ земномъ, потому что и теперь, какъ и всегда, смотрѣлъ онъ на міръ мертвенными глазами, какъ демонъ, томящійся въ мрачномъ одиночествѣ

страхомъ и тоской.“ Искренно, какъ никто, Сологубъ презираетъ жизнь. Тутъ все развѣнчано.

Палящимъ пламенемъ своего ума, своимъ глубочайшимъ отрицаніемъ онъ превратилъ землю въ безплодную, заброшенную и печальную пустыню. Ея грѣхъ и огромное преступленіе — въ попораніи красоты и тайны: „воистину въ нашемъ вѣкѣ надлежитъ красотѣ быть попоранной и поруганной.“ Жизнь грязна, убога и пошла. Она „безликое чудовище“. Близка и любима только смерть. Дѣйствительность отталкиваетъ. Свята и утѣшительна мечта, — сіяющая звѣзда Маиръ и заколдованная, дальняя и скрытая, сказочная земля Ойле. Міръ раскололся.

Наша живая реальность воплощается Сологубомъ въ образѣ дебели Альдонсы, но возвышенной Дульцинеей предстаетъ мечта. „Творимая легенда“ Сологуба тоскуетъ по прелестной исчезнувшей Лилитъ. Эту Лилитъ онъ сдѣлалъ героиней своихъ „Заложниковъ жизни“. Я помню эту пьесу, и, какъ живой, будто только что видѣнный, встаетъ передо мной образъ Лилитъ, ея нѣжный и печальный танецъ на темносинемъ фонѣ декораций, въ трехцвѣтномъ освѣщеніи, — желто-золотомъ отъ горящихъ свѣтильниковъ, голубоватомъ отъ луннаго сіянія и красномъ, огненномъ отъ пыланія камина, подъ „Лунную сонату“ Бетховена.

— „Я превозданная Лилитъ, первая жена Адама“.

Будто вѣчно живя въ страстномъ и вѣчномъ разговорѣ съ тѣнями, „дѣя чары“, „тихо ворожа“, отшельничая и колдуя, Сологубъ иногда казался стоящимъ внѣ жизни, свободный отъ притяженій всѣхъ земныхъ страстей. И, дѣйствительно, его имя никогда не соче-

талось ни съ одной женщиной. Исключеніе — его жена.

Мимолетно, случайно и прерывисто мнѣ приходилось однимъ глазомъ наблюдать начало ихъ любви.

Я помню этотъ клубъ, большую комнату, налѣво отъ передней, далекій задній столъ и ихъ двухъ, сидящихъ другъ передъ другомъ: взволнованно говорящаго Федора Кузьмича и разгорячившуюся, нервно подвижную Анастасію Николаевну Чеботаревскую. Такого оживленія до тѣхъ поръ никто не примѣчалъ за молчаливымъ Сологубомъ. Это была счастливая пара.

Съ радостнымъ самозабвеніемъ, ревниво оберегая, она качала колыбель его славы, стала его помощницей, рѣдкимъ другомъ, ангеломъ хранителемъ его дней и трудовъ, собирателемъ его книгъ, коллекціонеромъ критическихъ отзыовъ о немъ, составившихъ потомъ отдѣльный томъ.

Въ послѣдній разъ я ихъ увидѣлъ въ Одессѣ. Это было давно. вмѣстѣ съ Игоремъ Сѣверянинымъ Чеботаревская и Сологубъ совершали концертное турне по Россіи. Мы сидѣли въ кафе. Съ веселой, всегда открытой, немного широкой — улыбкой, Чеботаревская потребовала „мороженого изъ сирени“ и звонко хохотала, когда лакей отвѣтилъ:

— Все вышло!...

И веселѣлъ и смѣялся замкнутый, не смѣющійся Сологубъ. Только она умѣла его возвращать въ жизни, только Анастасіи Николаевнѣ такъ легко удавалось вызывать улыбку на этомъ каменномъ лицѣ.

Скрытность, глухую молчаливость Сологуба сразу подмѣчали всѣ встрѣчавшіеся съ нимъ и его знавшіе. Такъ было раньше, такъ осталось потомъ, навсегда.

Тридцать лѣтъ тому назадъ Брюсовъ познакомился съ Сологубомъ. Тогда Сологубъ жилъ въ труппномъ Щербаковомъ переулкѣ, въ грязномъ домишкѣ, взбираться къ нему приходилось по узкой, залитой лѣстницѣ, на самый верхъ.

— Мы поговорили съ полчаса, — записываетъ Брюсовъ, — впрочемъ, достаточно официально.

Слѣдующая встрѣча состоялась почти черезъ два года на одной изъ пятницъ Случевского. И опять впечатлѣніе то же:

— Сологубъ привыкъ молчать по цѣлымъ вечерамъ.

На другой день они сошлись у поэта Сафонова, и Брюсовъ вновь отмѣчаетъ:

— Сологубъ молчалъ по обыкновенію.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и состоялась новая встрѣча на литературномъ вечерѣ. Но и тутъ было знакомое молчаніе.

Впрочемъ, на одну минуту Сологубъ оживился. Онъ любилъ иногда прозносить шутливые афоризмы, и Брюсовъ былъ очень удивленъ:

— Сологубъ обнаружилъ вдругъ нѣкоторое оживленіе!

Съ затаенной ироніей онъ обратился къ Брюсову:

— Надо думать, — вдругъ предрекъ онъ, — что сегодня будетъ скандалъ...

— Почему? Что вы?

— А это такая теорема: „гдѣ люди, тамъ скандалъ.“ Обратная: „гдѣ скандалъ, тамъ люди.“ Противуположенная „гдѣ нѣтъ людей — нѣтъ скандала.“ Обратная противоположенной: „гдѣ нѣтъ скандала, нѣтъ людей.“

Миновало цѣлыхъ три года. Брюсовъ опять посѣтилъ Сологуба.

— Лежитъ у себя въ берлогѣ и сосетъ лапу, — такъ его опредѣляла тогда Зинаида Гяппіусъ.

Брюсовъ добавляетъ:

— Говорили съ нимъ сдержанно.

И такое впечатлѣніе Сологубъ производилъ всегда и на всѣхъ, оживляясь, кажется, лишь въ присутствіи одной жены.

Время бѣжало и ничего не измѣняло, и замкнутый, занавѣсивъ жизнь и душу, неслышно проводилъ свои дни Сологубъ, а съ нимъ неизмѣнно рука объ руку шла Анастасія Николаевна. Наконецъ измучившись въ Совѣтской Россіи, издерганная обѣщаніями коммунистовъ, съ ними никогда не имѣвшая ни единой точки соприкосновенія, какъ и самъ Сологубъ, отчаявшись попасть за границу, Чеботаревская бросилась въ Неву. Ея тѣло нашли только черезъ годъ. Непостижимо, какимъ образомъ Сологубъ пережилъ этотъ ужасъ. Невообразимо, что онъ долженъ былъ перечувствовать.

Но въ немъ вообще не все вообразимо.

И литературный изслѣдователь въ своей любознательной жаждѣ могъ бы грѣховно пожалѣть о томъ, что смерть пришла за Чеботаревской раньше, чѣмъ за Сологубомъ: мы лишились цѣннѣйшаго источника познанія загадочнѣйшей души, отдавшей себя обольстительнымъ чарамъ, воспѣвшей волшебницу смерть, — правдивую подругу этого скрытаго мечтателя, прекраснаго поэта, одного изъ оригинальнѣйшихъ и превосходныхъ русскихъ прозаиковъ, ушедшаго изъ тѣсной земной обители въ незнаемую, сказочную страну, къ сіяющей звѣздѣ Маиръ.

Онъ остался вѣрепъ давнему зову, тревожившему
его сердце, огданное великой тайнѣ.

*Безъ жизни отжилъ я, и жду,
Что смерть свой блѣдный ликъ покажетъ
И грозно скажетъ:
„Иду!“*

Семень Юшкевичъ.

Онъ былъ наивень и эту наивность пронесъ черезъ всю свою жизнь, отразилъ ее въ своихъ книгахъ, отношеніяхъ къ людямъ, во всѣхъ своихъ спѣшныхъ, довѣрчивыхъ и въ тоже время настойчивыхъ сужденіяхъ.

Это не былъ по-дѣтски раскрытый ротъ на міръ, но большая лысая голова Юшкевича и его большіе выпуклые глаза, и большія ступни широко шагающихъ „печатающихъ“ ногъ, и его занканіе, — впрочемъ, совсѣмъ не тяжкое, — выдавали наивнаго и упрямаго человѣка.

Юшкевичъ умеръ 59 лѣтъ, а я его узналъ тогда, когда ему не было еще и 40. Намъ пришлось встрѣтиться и сразу проговорить цѣлый тотъ вечеръ еще въ 1906 г. Бесѣдовали объ... Юшкевичѣ. Онъ всегда придавалъ большое значеніе своей дѣятельности, рассматривалъ ее будто въ микроскопъ, все время расцѣпывалъ, искалъ въ ней особеннаго смысла, словно самъ не все понимая въ ней и въ своемъ творествѣ, и въ мучившихъ его чувствахъ и настроеніяхъ.

Иногда казалось, что онъ пишетъ безъ всякаго участія разсудка, безъ всякаго контроля, единственно

по наитію, выкладывая на бумагу свою сердечную порывистость, всегда для него туманную, всегда неясную, смутную и страстную.

Тогда онъ былъ подѣ многими вліяніями. Его прельщаль и Горькій, и Андреевъ, и Достоевскій. Особенно неудержимо онъ влекся къ Горькому. Уже тогда Юшкевичу казалось, что его предназначеніе — стать еврейскимъ буревѣстникомъ, и романтическая риторика стала явно захлестывать его писанія. Появился приподнятый тонъ. Запестрѣла раскрашенность. Загрѣмѣло витійство, заплясала витіеватость. Андреевское вліяніе сказалося впоследствии, особенно въ нѣкоторыхъ пьесахъ („Мизерере“). Меньше Юшкевичъ примѣчалъ надъ собой власть Достоевскаго. А она была. Я ему объ этомъ сказалъ. Юшкевичъ по обыкновенію раскрылъ свои оригинальные сѣро-зеленые глаза и молчаливо уставился на меня неподвижно-изумленнымъ взглядомъ, потомъ съ минуту позаякался и вдругъ, къ моему удивленію, вымолвилъ:

— А, вѣдь, это вѣрно.

Почему-то ему захотѣлось, чтобъ я написалъ объ этомъ именно въ „Театръ и Искусство“, и черезъ нѣсколько дней я получилъ отъ А. Р. Кугеля любезное письмо съ предложеніемъ дать критическую статью объ Юшкевичѣ. Такъ началось мое сотрудничество въ этомъ журналѣ, такъ мы познакомились съ Юшкевичемъ.

Черезъ три года я разѣжалъ съ лекціями по югу Россіи и вдругъ получилъ телеграмму отъ А. И. Куприна. Онъ звалъ меня въ Одессу, на „16-ю станцію“, гдѣ снималъ огромную дачу, почти у самаго берега моря. Я встрѣтилъ Куприна въ синемъ пиджакѣ, бѣ-

лыхъ брюкахъ, съ турецкой феской на головѣ. Мы прожили вмѣстѣ нѣсколько недѣль и здѣсь случилось одно обстоятельство, давшее мнѣ въ послѣдствіи возможность оказать небольшую услугу Юшкевичу.

Купринъ познакомилъ меня съ редакторомъ „Одесскихъ Новостей“ И. М. Хейфецомъ и онъ предложилъ мнѣ присылать статьи. Я вернулся въ Петербургъ, но очень скоро И. М. Хейфецъ и Купринъ стали меня опять звать въ Одессу. Газета предлагала мнѣ, между прочимъ, писать о театрѣ. Я пріѣхалъ и почти тотчасъ же Юшкевичъ прочиталъ мнѣ только что написанную имъ пьесу „Комедія брака“. Живая, остроумная, сценичная, она мнѣ очень понравилась. Правда, какъ всегда у Юшкевича, — и здѣсь была нѣкоторая сгущенность красокъ, каррикатурность лицъ, но это смягчалось общей веселостью тона и беззлобіемъ.

Юшкевичъ совершенно правильно оцѣнилъ судьбу пьесы: если она не пройдетъ въ Одессѣ, ей грозитъ смерть. Еврейскую пьесу, написанную въ Одессѣ одесситомъ Юшкевичемъ и не поддержанную „Одесскими Новостями“ — всѣ другіе театры, разумѣется, остереглись бы принять. А Юшкевичъ какъ-то неосторожно ухитрился осложнить и затемнить свои отношенія съ газетою и боялся неблагоприятнаго или, по крайней мѣрѣ, сухо-сдержаннаго отзыва. Мнѣ выпала нелегкая задача. Къ счастью, все обошлось благополучно. Трудность заключалась не только въ томъ, чтобъ провести благопріятную статью въ газетѣ, но и въ другомъ: надо было съ пьесой примирить еще и зрительный залъ. А онъ могъ быть шокированъ и даже возмущенъ. Юшкевичъ сознательно билъ по его нервамъ и по его самолюбію. „Комедія брака“ обличала

„буржуазную семью“. Я написал статью: „Зачѣмъ же сердиться на „Комедию брака“?“

Пьеса прошла съ аншлагомъ, но Юшкевичъ нервничалъ. И, правда, можно было ожидать протеста: „вдругъ кто-нибудь зашкаетъ или свистнетъ?“ Ничего не случилось. Пьеса была разыграна съ большимъ успѣхомъ, и я до сихъ поръ помню, какъ хороша была въ роли мадамъ Соловей Л. Н. Мельникова. Особенно ярко развернулся 2-ой актъ — сцена у дамскаго врача. Послѣ этого пьеса полетѣла въ самыхъ радостныхъ окрыленіяхъ настоящаго всероссійскаго успѣха.

Изъ Одессы я уѣхалъ, потомъ спустя годъ вернулся снова и сразу — „съ корабля на балъ“ — попалъ на другую пьесу Юшкевича „Мизерере“, а въ главныхъ женскихъ роляхъ увидѣлъ Жвирблисъ, Лисенко и Кузнецову. И эта пьеса прошла дружно, шумно, красиво и трогательно, а сцена на еврейскомъ кладбищѣ вызвала въ залѣ пѣсколько истерякъ. Юшкевичъ былъ на седьмомъ небѣ, торжествовалъ и на его наивныхъ глазахъ я видѣлъ тоже слезы, можетъ быть умиленія, но, возможно, и просто нервнаго авторскаго потрясенія.

Этотъ милый, наивный и добрый человекъ былъ совершенно новыносимъ во время репетицій. Онъ священнодѣйствовалъ. Къ своему тексту Юшкевичъ относился, какъ къ писанію святыхъ отцовъ. Не говоря о какихъ-нибудь купорахъ (объ этомъ никто думать не смѣлъ!), но даже малѣйшее, совсѣмъ непримѣтное измѣненіе текста приводило его въ гнѣвъ и заставляло сверкать молніями небеснаго негодоваанія. Внимательно напряженный, Юшкевичъ сидѣлъ рядомъ съ режиссеромъ на сценѣ,

слѣдилъ за пьесой и все время испытывалъ такое нескрываемое безпокойство, все время такъ нервно по-рывался вскочить, обводилъ актеровъ и суфлера такимъ удивленно-оскорбленнымъ взглядомъ, что казалось, будто его кто-то подкальываетъ и, — еще минута, — Юшкевичъ бросится впередъ и репетиція прервется. Все же онъ сдерживался, дѣйствіе оканчивалось, и тогда, заикаясь, съ лицомъ, покрытымъ отъ волненія красными пятнами, закинувъ голову назадъ, глуша вибрирующей головой и жестикулируя правой рукой, онъ настойчиво заявлялъ:

— О-п-шпш-пять вы п-переставили слова!

Легко себѣ представить, что онъ долженъ былъ испытывать на спектаклѣ! И, дѣйствительно, въ антрактахъ онъ производилъ впечатлѣніе невмѣняемаго человека. Онъ слушалъ и не понималъ, въ его глазахъ стояла влага, голосъ былъ умирающимъ, дрожали руки и ноги.

Внутренне Юшкевичъ былъ очень спутанъ. Онъ вообще былъ не отчетливымъ и даже безотчетнымъ. Его вело смутное переполненіе сердца. Никогда онъ не стремился къ ясности. Четкость ему была чужда. Отсюда его устремленность къ символамъ. Отсюда черезполосица вліяній, растерзывавшихъ его творчество на совершенно непримиримыя части. Отсюда одновременное его подчиненіе Горькому, но и Андрееву. Отсюда его капризная рѣшимость стать не только художникомъ, но и обличителемъ соціальной неправды. Отсюда сосѣдствованіе у него романтизма и реализма, риторики и простоты, жизненности и выдуманности. Отсюда его внутренняя литературная неуравновѣшенность, бессиліе устоять предъ гиперболой, сгущенностью, подчеркнутостью и даже

уродливостью. Отсюда, изъ этого презрѣнія и пренебреженія съ точности и ясности, происходили у Юшкевича всѣ его погрѣшности противъ русскаго языка.

Когда ему на нихъ указывали, онъ протестовалъ:

— А можетъ быть, я говорю и пишу на южне-рускакъ вы хотите, и такъ, какъ пишутъ другіе, а не такъ, какъ мнѣ слышится и мнѣ чувствуется?

Вдругъ становился прямымъ, будто проглотивъ аршинъ, закусывалъ удила и несся:

— А можетъ быть, я говорю и пишу на южне-русскомъ нарѣчій? Можетъ быть я выражаюсь по областному?

И тогда съ Юшкевичемъ не надо было спорить. Переубѣдить его вообще было очень трудно. Когда онъ закипалъ въ своемъ упрямствѣ, всѣ доводы были бесполезны, и онъ принималъ ихъ, какъ личную обиду. Между тѣмъ къ этимъ спорамъ онъ призывалъ многими сторонами, давалъ для нихъ обильнѣйшую пищу, и они всегда должны были возникать, какъ слѣдствіе необычайныхъ тумановъ, клубившихся во всемъ міроощущеніи Юшкевича. Именно міроощущеніи, потому что весь интересъ его духовной личности, и вся прелесть его творчества, и все его литературное своеобразіе, и всѣ его личные и авторскіе недостатки, и манера говорить, писать, объяснять и разсуждать коренились и находили свое оправданіе только здѣсь, въ этомъ міроощущеніи, а не въ его программахъ, не въ заданіяхъ, даже не въ какихъ-нибудь ведущихъ и направляющихъ симпатіяхъ.

Онъ, дѣйствительно, „мыслилъ образами“, если только слово „мыслилъ“ вообще можетъ быть примѣнено къ этому человѣку и писателю. Самыя великія затрудненія

онъ переживалъ тогда, когда ему надо было что-нибудь обосновать или доказать. Тутъ онъ путался и задыхался. Казалось, будто вдругъ въ жаркій лѣтній день раскрыли огромный улей и тысячи жужжащихъ, обрадованныхъ и растерянныхъ пчелъ завертѣлись въ раскаленномъ воздухѣ. Ни одной нельзя поймать. Всѣ жужжать и кусаются, всѣ смѣшиваются, всѣ обгоняютъ другъ друга, но никуда не летятъ, а только кружатся.

Символизмъ проникъ въ его творчество, не только какъ чужое вліяніе, но и органическимъ спутникомъ его врожденной затуманенности. Разобраться въ немъ онъ не могъ. Символическая облачность его окутывала и сбивала съ дороги. Въ своихъ писаніяхъ онъ бросался изъ стороны въ сторону. Юшкевичъ былъ надѣленъ превосходнымъ искрящимся юморомъ. Въ своей доброй, мягкой насмѣшливости онъ былъ превосходенъ и занимателенъ. Тутъ было его царство. Свои юмористическія вещи онъ писалъ легко и размашисто, и нельзя было не хохотать отъ всей души, слушая его рассказы, его изустныя воспроизведенія намѣченныхъ лицъ, характеровъ и фразъ. Его юмористическій талантъ не только подмѣчалъ и наблюдалъ, — онъ всегда выдумывалъ, сочинялъ, именно творилъ. Это была сильнѣйшая сторона дарованія Юшкевича, сродненная опять-таки все съ той-же основной, природной чертой его личности, — съ его наивностью.

А онъ хотѣлъ не смѣха, а рыданій, тянулся къ трагическому, впадалъ въ декламационный пафосъ, подвигивалъ колки, по-горьковски выходилъ на трибуну, или, отпряметью закрывъ глаза, бѣжалъ въ розовыхъ и золотыхъ сумеркахъ символической таинственности, ловилъ ея уплывающія видѣнія, ея ускользающіе образы. Такъ все

время онъ прокачался сверкающимъ маятникомъ отъ одной крайности къ другой, до самыхъ послѣднихъ дней, отдаваясь то юмористикѣ, то символикѣ. Совсѣмъ недавно мы читали его тонко характерные „Эпизоды“, повѣсть о злоключеніяхъ еврейской буржуазной семьи при большевикахъ, этихъ перемежающихся вспышкахъ надежды и отчаянія, возникающей бодрости и душевной протрапціи, тяжелыхъ предчувствіяхъ и мгновенной обрadowанности. А потомъ, незадолго предъ смертью Юшкевича написалъ типично символическую, сугубо неясную пьесу: „Всѣ въ маскахъ, кромѣ одной“ съ загадочными персонажами, именующимися: „Мундиръ“, „Фракъ“, „Сюртукъ“, „Декольте“, „Величественная дама“, „Молодой гость“, „Юноша“, „Встрѣчный“, „Прохожій“, „Мужчина“, „Бездомный“. Въ этой пьесѣ символизмъ будто подавилъ Юшкевича, омертвилъ его и засушилъ. Юшкевичъ былъ силенъ тамъ, гдѣ его не покидала искренность, когда отъ него не отлетала непосредственность, разсыпался его смѣхъ, искрился и сверкалъ его чудесный юморъ.

Ни въ символическихъ, ни въ социальныхъ пьесахъ онъ не въ силахъ былъ оживить тенденціозную надуманность. Она выпирала, осложняла рисунокъ, теряла мѣру, лѣзла на показъ, оправляла и уменьшала ростъ несомнѣннаго и яркаго таланта, который у Юшкевича былъ нескрываемъ, чувствовался даже въ его ошибкахъ и заблужденіяхъ, ощущался неимѣнно при каждой встрѣчѣ. А этихъ встрѣчъ съ Юшкевичемъ у меня было много. Особенно запечатлѣлись послѣднія, а среди нихъ его юбилей. Его Юшкевичъ праздновалъ въ не совсѣмъ обычныхъ условіяхъ. Это было въ 1919. г. Бѣлая армія уже скатилась къ югу. Въ воздухѣ чувствовалось

приближеніе большевиковъ. Было не до празднествъ и раутовъ. Но редакція „Одесскаго Листка“ рѣшила справить юбилей Юшкевича, начавшаго свою литературную дѣятельность на его страницахъ. И вотъ собрались сотрудники, пришелъ я, былъ писатель А. М. Федоровъ, были рѣчи, царило даже легкое воодушевленіе, но чего-то не хватало. Должно быть, увѣренности въ завтрашнемъ днѣ.

Юшкевичъ сидѣлъ на предсѣдательскомъ мѣстѣ и говорилъ о Петербургѣ, о литературѣ, о своихъ первыхъ шагахъ и опытахъ, и всѣ другіе говорили о многомъ, о разномъ, только не о томъ, что неминуемо ждало насъ, что потомъ разогнало насъ, разбросавъ всѣхъ по градамъ и странамъ. И мы всѣ, дѣйствительно, разошлись, разбѣжались, разсѣялись. Но и въ эмиграціи наши встрѣчи съ Юшкевичемъ начались съ перваго же этапа, потому что и съ нимъ мы столкнулись тоже въ Кишиневѣ.

По приѣздѣ туда Юшкевичъ устроилъ публичное чтеніе отрывковъ ненапечатанной части своего многотомнаго романа „Леонъ Дрей“. На другой день я его спросилъ:

— Каковъ же успѣхъ твоего вечера?

Зайкаясь, онъ началъ:

— Большой успѣхъ м-м-м...

Я разсмѣялся:

— Моральный или матеріальный?

— М-моральный.

— Сейчасъ я пожелалъ бы тебѣ м-матеріальнаго.

— Все равно, — сказалъ Юшкевичъ, — я уѣду... въ Парижъ.

Наканунѣ отъѣзда, на прощанье, предъ разстаньемъ мы сидѣли втроемъ, — я, Юшкевичъ и Леонидъ Доброура-

вовъ, — и, конечно, спорили, — т. е. спорилъ Юшкевичъ, вновь развивая какую-то смутнѣйшую путаницу своихъ переживаній и чувствованій, а я и Добронравовъ, натурально, ему возражали.

Потомъ прошло полтора мѣсяца. Я прїѣхалъ въ Бухарестъ и снова, уже въ послѣдній разъ, встрѣтился съ Юшкевичемъ. Онъ только что продалъ собраніе своихъ сочиненій для перевода на румынскій языкъ, получилъ деньги, былъ веселъ и счастливъ и торопился въ Парижъ. Я пришелъ къ нему въ номеръ за два часа до отхода поѣзда и засталъ самого Юшкевича, его жену и уже тогда взрослую дочь. Даже не присѣвъ, я пожелалъ ему счастливаго пути. Въ тотъ вечеръ я былъ почему то печально настроенъ и, цѣлуя напоследокъ Юшкевича, сказалъ:

— Ну, прощай, Семень. Что то мнѣ чувствуется, что мы съ тобой больше не увидимся.

И снова на меня устремился удивленный и спорящій взглядъ наивныхъ сѣро-зеленыхъ глазъ:

— Т.-е. какъ это мы я-не увидимся?! Прїѣдешь въ П-парижъ, в-вотъ и увидимся.

Но, оказалось, правъ былъ я. Предчувствіе не обмануло. Закрылись и эти глаза. Еще одинъ хорошій и мнѣ дорогой человекъ ушелъ изъ жизни. Въ эту минуту я вдругъ вспомнилъ, какъ Юшкевичъ относился къ смерти и покойникамъ.

Онъ относился совсѣмъ не символически и не мистически. Когда умиралъ ктонибудь изъ нашихъ общихъ знакомыхъ, Юшкевичъ передавалъ этотъ моментъ очень странно: наивно и удивленно смѣялся, будто кто-то показывалъ неожиданный и мудреный фокусъ, потомъ раскандывалъ (а не складывалъ на груди) руки, запрокидывалъ голову, закрывалъ глаза, издавалъ ртомъ какой-то за-

мысловатый звукъ, похожій отчасти на прицѣлываніе, отчасти на шипѣніе затворяемой двери, и изумленно произносилъ:

— И все! И готовъ! И — нѣтъ!

И смотря мнѣ въ глаза, улыбался. Умеръ ли онъ самъ съ этой улыбкой, я не знаю.

О немъ же.

Безпокойный, онъ прожилъ жизнь въ непрестанномъ волненіи и тревогахъ, онъ умеръ съ улыбкой на устахъ, и подходилъ къ могилѣ, освѣщенный послѣдней ясностью человѣческой успокоенности. Все понялъ онъ и люди разгадали его.

Это не всегда случалось при жизни.

Упреки въ погрѣшностяхъ противъ русскаго языка, ошибкахъ стиля Юшкевича обижали. Но былъ одинъ укоръ, вызывавшій въ немъ искренній протестъ. Обвиненіе въ антисемитизмъ его язвило, жалило, дыбило гнѣвъ. Подозрительность всегда колюча, —злая подозрительность возмутительна. Юшкевичъ страдалъ. Его волновала не слѣпота, а нежеланіе понять.

Между тѣмъ это было совѣсть не трудно.

Дѣло въ томъ, что въ своемъ лирическомъ пафосѣ, какъ и смѣхѣ, Юшкевичъ былъ неудержимъ. Имъ владела большая литературная страсть. Отсюда масштабъ и размахъ его гротесковъ. Онъ смѣялся надъ еврейскою буржуазіей, а его обвиняли въ издѣвательствѣ надъ еврейскимъ народомъ. Эти нападки бывали иногда неосторожны и слишкомъ горячи, и я самъ былъ свидѣтелемъ такого взволнованнаго недоброжелательства.

Шло первое представленіе „Комедіи брака“. Въ залѣ чувствовалось повышенное настроеніе, подготовѣтое сплетеніями и толками, спорами и слухами, и ихъ сѣяль не крутъ недоброжелательныхъ людей, а цѣлыя группы, притомъ общественно-политическія. Въ антрактахъ происходили словесныя битвы, залѣ кипѣлъ, напряженный ожиданіемъ скандала. Я вглядывался и прислушивался. Слова „антисемитизмъ“ я не поймалъ. Въмѣсто него были другія: „клевета“, „презрѣніе“, „враждебность“. Это у Юшкевича враждебность!

Теперь вышель томъ его „посмертныхъ произведеній“ и должна навсегда исчезнуть, растаявъ въ свѣтломъ небѣ, „последняя туча разсѣянной бури“. Разказы глубоки и простиы. Ушелъ повышенный пафосъ, пришла великая грусть, наступила пора осторожнаго постиганія міра, людей и страданія. Конечно, это все тотъ же Юшкевичъ, прежній Юшкевичъ, но и какой же преображенный Юшкевичъ!

По этимъ страницамъ пролилась утонченная лирика. Еще не отлетѣли улыбки, еще слышенъ добрый и порывистый смѣхъ, но и онъ звучить иначе, новый, тоже смягченный страданіемъ. Добрѣе стала сатира и особенно громко зазвучала тоска по родинѣ. Юшкевичъ ее чувствуетъ самъ, тоску переживаетъ со своими героями, она неразлучно путешествуетъ съ нимъ и съ ними въ Америку, неотступно слѣдуетъ по Европѣ, въ Парижѣ, Берлинѣ, на пароходахъ, въ кафе и по отелямъ. Каждый изъ нихъ охваченъ и одержимъ воспоминаніемъ и тоской, у каждого въ головѣ — „домикъ сумасшедшаго“.

Вотъ, въ парижскомъ кабачкѣ „Золотой Олень“ си-

дѣтъ только что встрѣтившіеся Натансонъ и Шмиреръ, эмигранты изъ Николаева.

— Чего же тебѣ нужно, Шмиреръ? — спрашиваетъ онъ самъ себя.

И изумленно отвѣчаетъ:

— Понимаете вы меня? Николаева, чтобы чортъ меня взялъ!

Эта мечта о родномъ городѣ стала его безуміемъ. Кажется, все хорошо: есть дѣла, изъ башмачника Шмиреръ сталъ антикваромъ, но не хватаетъ Николаева, николаевского базара, синагоги, знакомыхъ, улицъ. Не хватаетъ кладбища, а тамъ лежалъ отецъ, мать, бабушка, родственники:

— Хочется плакать, когда гарсонъ спрашиваетъ, чего я хочу. Смерти хотѣлъ бы, но кто мнѣ ее подастъ?

И „Въ Берлинѣ“ тоскуетъ Розенштейнъ, — тоже тоскуетъ о Россіи. Берлинъ для него — „фе“. И по года — „фе“, и дѣла — „фе“, и „куда ни помотришь, на что ни помотришь — „фе“, — „все тутъ „фе“. Но и давно обамериканившійся Лякель Бронштейнъ, — теперь мистеръ Джейкобъ Броунъ, — тоже съ сожалѣніемъ говоритъ о Россіи, о своей молодости, о погибшихъ силахъ и напрасно потраченномъ трудѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ, — скорбно спрашиваетъ онъ своего собесѣдника, тоже русскаго еврея, — что мнѣ осталось отъ 28-лѣтняго труда? Почти ничего. — четыре могилы.

И ситъ, „какъ ребенокъ, беззвучно и безутѣшно заплакалъ“. Не выдержалъ и прослезился его собесѣдникъ, тоже еврей-эмигрантъ: „можетъ быть, онъ плакалъ о своемъ горѣ, о своихъ могилахъ“. („Краткая исторія“.)

Юшкевичъ одинъ изъ самыхъ эмоциональныхъ писателей. На всемъ лежитъ печать его личныхъ переживаній. Вездѣ онъ субъективенъ. Герои Юшкевича не только отражаютъ, но и выражаютъ своего создателя. Они полны его чувствами, его думами, ихъ рѣчи — его рѣчи. Юшкевичъ не умѣлъ и не хотѣлъ скрывать самого себя. Такимъ онъ остался до конца своей жизни, такимъ онъ предстаетъ и въ этой, своей послѣдней книгѣ.

Она — его исповѣдь, его признаніе, его жалоба. Здѣсь вскрываются его новыя настроенія, а изъ нихъ самымъ главнымъ является чувство осиротѣлости, ощущение своей оторванности, и уже это чувство рождаетъ пришедшую въ его душу умиленную и трогательную нѣжность.

Послѣдніе годы въ душѣ Юшкевича заскреблась и встала мучительная потребность любви и братства, — просто братской любви.

Тоска по родинѣ создала исканіе родного, а это исканіе привело Юшкевича къ сознанію своей кровной близости не только съ Россіей, но и съ еврействомъ. Точно такъ же, какъ это случилось съ самимъ Юшкевичемъ, и его Песковскій, покидая родину, переправляется черезъ Днѣстръ, и въ этотъ послѣдній часъ разстанія на русскомъ берегу у него вырываются знаменательныя признанія:

— Странный мы народъ, — говоритъ онъ о евреяхъ, — одни изъ насъ фанатически стоятъ за него, другіе такъ же фанатически отказываются отъ него. Никто такъ страстно не нападаетъ на евреевъ и такъ не преклоняется передъ величіемъ ихъ, какъ сами же евреи. Единственный народъ!

чилося такъ печально и страшно, унесенное безкалостной смертыю.

Все время въ этой посмертной книгѣ Юшкевича свѣтъ, маячитъ, чередуется съ черными тѣнями, пропадаетъ и возникаетъ. Два слова здѣсь подмѣчаются сразу „трогательность“ и „тревожность“. Только иногда прокрадываются улыбки. Но и онѣ — примирительны и ласковы, улыбки мудрости, скользящія по всѣмъ страницамъ талантливаго разсказа „Америчка“. Но среди трогательности и улыбокъ наиболѣе слышной нотой послѣднихъ призваній Юшкевича звучитъ все-таки тревожность.

И это понятно.

Юшкевичъ, это — сосредоточенное увлеченіе. Онъ тотъ, кто умѣлъ смотрѣть только въ одну точку, горѣлъ однимъ единственнымъ чувствомъ. Ему была чужда и невѣдома пестрота и многокрасочность. Такимъ онъ былъ, такимъ остался.

Подъ конецъ пришла новая боль. Она — отъ разрыва съ прошлымъ, съ родной и роднымъ, и Юшкевичъ затревожился.

Всегда, очень быстро онъ настораживался и поражался, а пораженный вникалъ и начиналась полоса тяжелыхъ размышленій. Такъ случилось и сейчасъ. Передъ зрѣлицемъ сдвинутой жизни, самъ вытолкнутый изъ ея ритма, онъ стоялъ въ удивленіи, какъ и прежде, поражаясь, размышляя, обеспокоенный и обычно нетерпѣливый. Въ этой книгѣ есть разсказъ „Еврейское счастье“. Его героиня жалуется на то, что у нея вездѣ болитъ, — „жужжать и рыскать, и ломить, и колеть, и вѣть, и сверлить“ такъ, что она одна могла бы занять цѣлую больницу.

У Юшкевича — наоборотъ.

Если у него болить, то болить въ одномъ мѣстѣ, и онъ занедеужилъ гложущей тоской по Россіи, прошлому, поверженному быту, налаженной жизни и ея порядку, — по ритму. Пока былъ ритмъ, сердце стучало тоже ровно, тоже ритмически, и все шло своимъ чередомъ. Теперь жизнь стала давать перебои и имѣть въ безпорядочномъ тактѣ вторило сердце.

Юшкевичъ умеръ не отъ нужды и не отъ неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ или будущемъ, — онъ умеръ оттого, что оборвался ритмъ, смѣшался и спутался.

Но и тревожность Юшкевича не разставалась съ улыбкой, и улыбками же излѣчивалась. Его біографъ, Петръ Нилусъ рассказываетъ о миломъ обычаѣ въ семьѣ Юшкевича. Когда бывало трудно, онъ и жена говорили другъ другу:

— Улыбнемся!...

И улыбались, и на душѣ становилось лучше.

Юшкевичъ такъ и умеръ.

Въ три часа ночи онъ проснулся отъ боли въ желудкѣ, потомъ она перешла на сердце, были приняты мѣры, стало какъ будто лучше.

— Улыбнись мнѣ! — сказала ему жена, памятуя обычай.

И Юшкевичъ улыбнулся, закурилъ папиросу, но закинулась голова, глаза закатились и все было кончено.

Р. S. Два слова. Сборникъ рассказовъ Юшкевича, прекрасно изданный, сопровождаемый интереснымъ біографическимъ очеркомъ, критическими статьями, не избѣжалъ промаха.

На обложкѣ начертано: „Посмертныя сочиненія“, а

пора бы отказаться отъ этого страннаго наименованія: по смерти не мы сочиняемъ — послѣ смерти сочиняютъ о насъ. И эти рассказы Юшкевича — не „посмертные“ а „послѣдніе“ и во всякомъ случаѣ „предсмертные“. „Посмертной“ можетъ быть только книга.

Леонидъ Добронравовъ.

Высокій, слегка сутулый, свѣтловолосый, съ голубыми глазами подъ большимъ лбомъ, онъ умѣлъ внимательно и вдумчиво слушать, заразительно, по дѣтски, искренно смѣялся, и въ этомъ смѣхѣ открывалась его душа, чистая и довѣрчивая.

Съ горькой тоской я принялъ извѣстіе о его смерти, и сердце кольнуло заснувшія воспоминанія объ этомъ талантливомъ писателѣ, миломъ собесѣдникѣ, товарищѣ моихъ изгнанническихъ вечеровъ, а самъ онъ восторженно, любовно и торжественно любилъ вспоминать о Петербургѣ, этомъ городѣ нашихъ сновъ на яву. Тамъ Леонидъ Михайловичъ Добронравовъ окончилъ университетъ, тамъ началъ печататься, тамъ въ журналѣ „Завѣты“ помѣстилъ свою первую большую работу „Новая бурса“, въ свои 26 лѣтъ сразу обрѣлъ извѣстность и литературное положеніе, тамъ вышла книга его рассказовъ „Горькій цвѣтъ“, тамъ въ ежемѣсячникѣ „Современный Міръ“ онъ сталъ редакторомъ провинціального отдѣла, потомъ во время революціи вошелъ въ плехановскую группу „Единство“.

Но не шумный Петербургъ меня связываетъ съ Леонидомъ Добронравовымъ, а тихіе бессарабскіе вечера, рдяная осень, далекая безшумная улица, гдѣ я жилъ, лѣнивый Кишиневъ въ буйной зелени своихъ садовъ, хранящій и понинѣ святѣя воспоминанія о Пушкинѣ.

Въ Кишиневѣ я бѣжалъ августовской ночью 1920 года, и въ первый же часъ со мной приключилось анекдотическое происшествіе. Я пріѣхалъ сюда, какъ былъ, какъ украдкой ходилъ по совѣтской Одессѣ: отпущенная, скомканная борода, давно не стриженные волосы, синяя косоворотка и какая-то рвань на ногахъ. Если бы въ такомъ видѣ стать на паперти, навѣрное подали бы.

Я отправился въ редакцію мѣстной газеты. За столомъ задумчиво сидѣлъ секретарь и что-то строчилъ. Я назвалъ себя. Его скромные глаза взглянули на меня исподлобья, и въ нихъ я прочелъ испугъ, стыдъ и полное недоверіе. Онъ почмокалъ губами и чуть слышно произнесъ:

— Вы не Пилъскій.

И замолчалъ. Можете вообразить мое положеніе!

Недоразумѣніе разъяснилось очень скоро и секретарь потому мнѣ объяснилъ:

— Между бѣженцами уже появились самозванцы. Недавно къ намъ въ редакцію пришелъ одинъ и назвалъ себя N N, взялъ авансъ и исчезъ. Уже впоследствии мы узнали, что N N въ Америкѣ.

Въ тотъ же вечеръ мы сидѣли съ Леонидомъ Добронравовымъ въ саду Благороднаго Собранія, слушали музыку и вели быструю, веселую, безтемную бесѣду, первую изъ многихъ и самую легкомысленную изъ всѣхъ. Чѣмъ чаще мы встрѣчались, тѣмъ серьезнѣй становился нашъ

разговоръ. Я сталъ сотрудничать въ газетѣ „Наше Слово“, туда же перешелъ Добронравовъ, мы были неразлучны, Добронравовъ мнѣ нравился. Онъ былъ талантливъ. Реалистъ въ своихъ писаніяхъ, душой онъ былъ отданъ мечтательному міру романтики, и это особенно сильно сказывалось на его отношеніяхъ къ женщинѣ. Въ своей молодой жизни онъ уже тогда успѣлъ извѣдать тяжкую и мрачную драму любви, еще въ Петербургѣ разойдясь со своей женой, но и это не затемнило его мечты, его рыцарскаго и красиваго боготворенія женской возвышенной чистоты, его безкорыстнаго преклоненія предъ образомъ вѣчно зовущей женственности.

И этотъ романтизмъ, не влившись въ его книги, отразился въ его восхищенной любви къ музыкѣ. Не отрываясь, по цѣлымъ часамъ, онъ просиживалъ за роялемъ, на память разыгрывая цѣлыя оперные акты, много работая надъ ихъ передачей, и ничто не закидало его такъ вдохновенно и пламенно, какъ воспоминанія о часахъ, проведенныхъ въ петербургской оперѣ, о бесѣдахъ съ Шаляпинымъ, о встрѣчахъ съ пѣвицами, музыкантами и композиторами.

Въ тотъ годъ съ кишиневскихъ эстрадъ звучали хороше голоса, а среди нихъ я особенно благодарно и хорошо помню концертныя выступленія Лучезарской и Гвоздецкой, щедро баловавшей насъ своимъ пѣніемъ и у себя въ ея гостепріимномъ домѣ.

Добронравовъ жилъ въ сладкой беззаботности. И въ самомъ дѣлѣ, его не могъ пугать завтрашній день. На главной, Александровской улицѣ у его матери былъ собственный домикъ, и Добронравовъ имѣлъ тамъ свою отведенную ему комнату. Онъ былъ любимъ въ семьѣ, его любили бессарабцы, какъ своего человѣка, имъ горди-

лись, какъ „нашимъ“ писателемъ; очень сочувственно къ нему относились румыны, и это было тоже естественно: Добронравовъ прекрасно владѣлъ разговорнымъ и литературнымъ румынскимъ языкомъ, писалъ въ бухарестскихъ газетахъ (подъ псевдонимомъ Леонъ Доничъ), его книги были переведены на румынскій языкъ, онъ самъ вѣдуще зналъ румынскую литературу, и былъ моментъ, когда министерство народнаго просвѣщенія предложило ему почетный постъ въ своемъ отдѣлѣ изящныхъ искусствъ.

Но самый большой успѣхъ и многочисленныя связи Добронравовъ имѣлъ въ средѣ бессарабскаго духовенства. Съ нимъ онъ былъ спаянъ кровными узами, сплетенный цѣлою сѣтью нитей родства, свойства, семейственности, общей духовной школы, и эту нѣжность мѣстное священство старалось показать и доказать Добронравову на каждомъ шагѣ и при всякомъ удобномъ случаѣ.

Однажды мы съ нимъ рѣшили устроить вечеръ, посвященный памяти Леониды Андреева. Мы задумали его въ траурныхъ тонахъ, въ черно-серебряномъ драпированнѣ, въ тяжелой мрачности чернаго бархата, но эту задачу мы могли разрѣшить тоже благодаря исключительному мирволію настоятеля мѣстной церкви, и нашъ траурный вечеръ, дѣйствительно, прошелъ такъ, какъ мы хотѣли: на эстрадѣ, затянутой чернымъ, съ кафедрой, покрытой бархатомъ церковныхъ облачений, въ отсвѣтахъ скорбной и величавой торжественности.

Иногда мы уѣзжали въ одинъ изъ бессарабскихъ монастырей, такъ непохожихъ на наши русскіе, обычно расположенныхъ среди огромныхъ садовъ, въ эти скромныя полевыя церкви съ длинной одноэтажной, деревянной гостиницей, — монашескимъ общежитіемъ, — раздѣ-

леннымъ на кельи. Въ монастырскихъ затѣшняхъ быть незатѣшливымъ, не строго и просто.

И тутъ снова я могъ наблюдать, съ какой искренней, именно отцовской заботливостью, съ какимъ родственнымъ, дружескимъ встрѣчали Доброуравова игумены и монахи. Мы гуляли по саду, мы слушали исторію монастыря, мы пили великолѣпное монастырское, старое, густое, янтарное вино, сидѣли на ветхихъ крылечкахъ, любовались закатомъ солнца, потомъ, не торопясь, шли по заснувшей зеленой дорогѣ и за нами долго ѣхалъ пустой экипажъ.

Объ этихъ дняхъ, объ этой жизни, Леонидъ Доброуравовъ любилъ вспоминать и въ Парижѣ и незадолго до смерти писалъ мнѣ:

— „Не то что волосы, душа дыбомъ встаетъ при воспоминаніяхъ — а воспоминанія все-таки хороши!“

Я думаю, что они были для него еще и чуть-чуть грустны, какъ всегда у приговоренныхъ людей, а приговоренность Доброуравова была въ его длительномъ недугѣ. Газеты говорятъ, что въ парижскомъ госпиталѣ Сень-Луи онъ умеръ отъ скоротечной чахотки. Увы, здѣсь не было никакой скоротечности, и чахотка была его давней болѣзью. Примѣчались сразу эта внезапная слабость, этотъ долгій сонъ, не приносящій отдохновенія, частая испарина, быстрая утомляемость, внезапная, безпричинная тоска, смѣнявшаяся такими же бурными жаждами жить.

Въ сентябрѣ 1924 года онъ переехалъ въ Парижъ и сталъ работать у Г. А. Алексинскаго въ газетъ-журналѣ „Родная Земля“, взявъ на себя редактированіе литературнаго отдѣла, и серьезно занялся своимъ большимъ, новымъ романомъ. Его центральнымъ героемъ Добро-

правовъ избралъ Побѣдоносцева, и романъ долженъ былъ называться „Князь міра“.

— Благодаря „Родной Землѣ“, — рассказывалъ мнѣ въ письмѣ Леонидъ Доброправовъ, — могу сидѣть надъ романомъ о Побѣдоносцевѣ, о церкви, о монастыряхъ, архіереяхъ, сановникахъ, барыняхъ, растригахъ, купчихахъ, студентахъ и т. д... Три отрывка напечаталъ и посылаю тебѣ ихъ. Напиши мнѣ о нихъ! Романъ выходитъ большой, два тома, 600 страницъ. Пишу и переписываю, исправляю, — не тороплюсь.

И эти отрывки, какъ все что писалъ Леонидъ Доброправовъ, носятъ на себѣ благородную печать истинной литературности и отмѣчены чудеснымъ твердымъ и глубокимъ знаніемъ и чувствованіемъ хорошаго русскаго языка. Говорю съ увѣренностью: этотъ романъ Доброправа достоинъ и заслуженно занялъ бы почетное мѣсто въ русской книжной сокровищницѣ, гдѣ давно обрѣла себѣ гостепримство его „Новая бурса“.

Леонидъ Доброправовъ умеръ молодымъ, въ цвѣтѣ лѣтъ и зрѣніи силъ, и память знавшихъ, надолго сохранилъ этотъ образъ добраго и уступчиваго человѣка, не помнящаго зла, этого талантливаго писателя и стыдливо-цѣломудреннаго романиста.

О немъ немногіе заплочутъ и о немъ многіе вздохнутъ...

Петръ Потемкинъ.

Изъ Рима отъ старой матери въ Петербургъ къ заблудшему сыну пришло огорченное письмо, а къ нему была приложена газетная вырѣзка изъ двухъ кусковъ, наивно сшитыхъ бѣлой ниткой. Укоризны посылала мать Потемкина своему сыну Петру, студенту университета, а такъ огорчившія ее газетныя строки говорили о стихотворномъ легкомысліи ея сына.

Тогда „Петрушѣ“ Потемкину шелъ 22-ой годъ и и помню его въ мушкетрѣ съ синимъ воротничкомъ. У него была... да, пожалуй, это самое точное опредѣленіе: — у него была веселая мрачность. Въ его литературной душѣ, какъ и въ его человѣческомъ обликѣ, уживчиво сочеталась простодушіе съ ироніей. Впрочемъ, эта тайная ироничность никогда не заострялась въ насмѣшку; она оставалась неизмѣнно шутливой.

Фуражкой, чуть-чуть сдвинутой на затылокъ, своей походкой, образомъ жизни, отношеніемъ къ завтрашнему дню, къ людямъ, къ работѣ онъ производилъ впечатлѣніе мягкой безопасности, казался однимъ изъ героевъ „Дней нашей жизни“, ласковый въ товариществѣ, довѣрчивый

и незлобивый, чуждый скрытности, не боявшийся откровенности, до наивности правдивый.

Такъ съ этой шляпой, сдвинутой на затылокъ, онъ прошелъ всю свою жизнь, и на послѣдней фотографіи, гдѣ онъ снятъ въ венеціанской группѣ кинематографическихъ актеровъ, на съемкахъ „Казановы“, я вижу все того же Потемкина съ открытымъ лицомъ, какъ всегда, внѣшне спокойнаго, все съ той же доброй улыбкой.

Въ тѣ начальныя годы своей литературной работы онъ ближе всего стоялъ къ М. А. Кузмину и его кружку, и его стихи были отмѣчены кузминскимъ вліяніемъ, не погасившимъ, однако, его природной любви къ гротеску и каррикатурности.

И именно этими тяготѣніями къ чуть-чуть кокетливой изощренности темъ и образамъ, объясняется его влюбленность въ театръ, его близость къ сценическому шаржу, къ артистической изящной шалости, къ духу театральнымъ подваловъ, миниаторнымъ сценамъ, ихъ темамъ веселаго лукавства и все той же простодушной проны, вѣчной спутницѣ стиховъ и пьесокъ Потемкина.

Онъ былъ тѣсно связанъ и съ „Кривымъ Зеркаломъ“, и съ „Летучей Мышью“ и „Домомъ Интермедій“, и съ „Бродячей Собакой“, съ этими театрами, гдѣ шутливость была украшена изяществомъ, смѣлость и просторъ замысловъ не разставались съ граціей, живая, не колкая каррикатура была весела, веселость остроумна, остроуміе легко, а легкость очаровательна.

Потемкину театръ былъ ближе и родственнѣе, чѣмъ литература. Совсѣмъ чужда для него была проза. Но и стихамъ онъ отдавался безъ большихъ заботъ, безъ напряженія, безъ творческихъ мукъ, безъ ухищреннаго

тшанія. Стихомъ шалилъ. Для него это былъ радостный, вѣтренный и ласковый трудъ.

Но въ театрѣ онъ оживалъ. Это была его сфера. Сюда онъ вкладывалъ всю свою душу, время, замыслы, энергію, готовъ былъ проводить среди кулисъ дни и ночи. Недаромъ и первая его жена была тоже артистка, Е. А. Хованская, и настоящія дружбы онъ велъ съ артистами, и изъ Совѣтской Россіи въ Кишиневѣ бѣжалъ тоже съ актерами балета.

Въ Бессарабіи мы встрѣтились въ послѣдній разъ и прожили тамъ цѣлый годъ. Потемкинъ сталъ сотрудничать въ мѣстныхъ газетахъ. Онъ дѣлалъ это нехотя. Статьями побрасывался. Талантливый поэтъ, въ этой фельетонной прозѣ онъ выдавалъ свою слабость, и статьи вскрывали другія черты его человѣческой личности, — его пассивность, его обломовскую вялость, быть можетъ, рыхлость.

Въ жизни Потемкинъ былъ очень уступчивъ, казался безтемпераментнымъ, безпредметно мечтательнымъ, безъ желанія борьбы, безъ умѣнья побѣждать и достигать, безъ охоты рассчитывать и распоряжаться.

Черты его юношеской беззаботности не стерлись ни годами, ни опытомъ, ихъ не убили невзгоды, ихъ милую прелесть не потушили и не растратили бѣды, а у Потемкина онѣ были, и его равнодушіе къ нимъ должно было вызывать въ насъ не только удивленіе, но и зависть къ тому спокойствію, съ какимъ онъ переступалъ черезъ эти жгущія чудовища и умѣлъ отдирать и отбрасывать шепріятности, — и большія и малыя, — словно докучный репейникъ.

Конечно, я хорошо помню этотъ, недавній, этотъ ки-

пшневскій 1920—1921 годъ, и нашу общую гаветную работу, и наши ежедневныя встрѣчи, и его стихи, и бѣженскую квартиру, его семью и тогда только что родившуюся дочку Ирку, ошастливившую его любимицу, трогательно восхищавшую молодого отца своимъ сходствомъ.

Но, вотъ, въ городскомъ саду открылся лѣтній театръ. Конечно, туда пригласили Потемкина, и съ этого момента для редакціи онъ сразу былъ потерянъ.

Какъ сейчасъ, вижу Петра Петровича, — милато Петрушу, — высокога, лысѣющаго челоуѣка безъ шапки, хлопчущаго за кулисами, режиссирующаго свои пьески, лубки, злободневныя куплеты, суматошливаго, всегда куда-то торопящагося.

Потомъ спектакль. Петръ Петровичъ сидитъ рядомъ со мной. Я хохочу. Его вещицы заставляли смѣяться: такъ онѣ были мѣтки и въ то же время беззлобны, избѣтательны и нарочито наивны, лукавы и просты.

Но самъ Потемкинъ въ эти минуты сохранялъ поразительное спокойствіе. Онъ не волновался. Какъ всегда было задумчиво лицо. Онъ безстрастно слушалъ похвалы и опять казался все тѣмъ же равнодушнымъ, задумчивымъ, — какимъ-то постороннимъ.

Совсѣмъ не интересовала его матеріальная сторона дѣла. Онъ никогда не торговался, тотчасъ же сходился въ условіяхъ, былъ настоящимъ безсеребрянникомъ. Ничего такъ не презиралъ онъ, какъ корыстолюбіе. Въ этомъ отношеніи характерной статьей были недавнія воспоминанія Потемкина о Мейерхольдѣ, напечатанныя въ парижскихъ „Последнихъ Новостяхъ“. Тутъ онъ — эта божья коровка, этотъ незлобивый и всепрощающій челоуѣкъ, никогда не обидѣвшій

утенка, — Потемкинъ не могъ преодолѣть и скрыть своихъ мягкихъ и все же осудительныхъ укоровъ прославленному режиссеру за его страсть къ деньгамъ, за его сухую и жадную разсчетливость, готовую размѣнять на кредитныя бумажки даже театр и театральность, сценическія радости и артистизмъ.

Это была одна изъ лучшихъ статей Потемкина, быть можетъ, потому, что въ ней зашевелился его рѣдкій гнѣвъ, вытолкнувшій безстрастную апатію, побѣдившій вялость, зажегшій пусть сдержанную, все же страсть.

Послѣ этихъ воспоминаній о Мейерхольдѣ мнѣ пришлось прочесть въ „Сегодня“, на горькій послѣдокъ, его фельетонъ изъ Венеціи; гдѣ, вмѣстѣ съ Можухинымъ, онъ участвовалъ въ кинематографической съемкѣ. Я смотрѣлъ на это улыбающееся лицо, на эту длинную фигуру, на эту пляшку, сдвинутую на затылокъ, и думалъ о кипишевскомъ годѣ, о пьесѣ „Катенька“, написанной Потемкинымъ, о внѣшне серьезной и смѣшной до слезъ его „Блэкъ андъ Уайт“, убѣжденно и торжественно коверкавшей какія-то странныя слова псевдо-англійскаго языка, вспоминалъ давній 1907 годъ, молодого студента, его первую книжку стиховъ „Герань“, его символически-шаржированныхъ парикмахерскихъ куколъ съ ихъ странной молчаливой любовью, и трагическое двустишіе:

„Передъ тѣмъ, какъ быть бѣдѣ,

„Въ домѣ зеркало разбилось“...

Теперь оно разбилось и въ домѣ самого Потемкина. Всегда скверная гостя, смерть перешагнула и этотъ порогъ. Бѣда пришла скоропостижно, но она не явилась неожиданно. Больное сердце у Потемкина было давно, и объ этомъ вѣдуть я слышалъ еще въ Кипишевѣ.

Да, еще недавно тамъ жили, говорили, надѣялись, вмѣстѣ сидя, три русскихъ литератора: Леонидъ Добронравовъ, Петръ Потемкинъ и еще пишущій эти прустныя строки. Двое изъ нихъ ушли одинъ за другимъ, въ самый короткій срокъ и, старшій изъ нихъ, я, получилъ печальный удѣлъ провожать въ могилу сначала Добронравова, потомъ — Потемкина... Часто что-то стали хлопать ворота нашего кладбища!...

В. В. Розановъ.

1.

Какъ мало интересныхъ людей!.. Горсть! Что такое: „интересный“? Уродъ! Въ психологическомъ отноше-
нии это — то же, что заспиртованные головастики, люди
съ тремя руками или безхвостыя обезьяны. „Интерес-
ные“ — неожиданность. Они — исключеніе. Умъ, кра-
сота, сила, даже талантъ — обыкновенное. Но „интерес-
ные“ — рѣдкость.

Такимъ интереснымъ, единственнымъ, ни на кого не
похожимъ былъ В. В. Розановъ. Недаромъ многіе смо-
трѣли на него, какъ на нѣкое явленіе.

— Онъ былъ — говоритъ З. Н. Гиппіусъ — до та-
кой степени не въ рядъ другихъ людей, до такой степени
стоялъ не между ними, а около нихъ, что его скорѣе можно
назвать „явленіемъ“, нежели человѣкомъ.*).

Это — мѣтко. Но какъ бы ни стремиться къ
абстрагированію, какъ ни замѣнять человѣка схемой,
жизнь — формулой, Розановъ остается реальнымъ су-
ществомъ, человѣкомъ, писателемъ.

Онъ былъ странный и странствующій.

*) З. Н. Гиппіусъ, Живыя лица. Выпуска 1-ой и 2-ой. Изд-ство
„Пламя.“ Прага. 1925 г.

Умственное кочевничество въ эту четверть вѣка въ Россіи стало распространеннымъ. Эта одержимость у насъ окрасилась притемненнымъ свѣтомъ какого-то сквозного нигилизма, какъ бываетъ сквозной вѣтеръ. И, собственно, въ идейномъ странствованіи Розанова нѣтъ ничего ни удивительнаго, ни исключительнаго.

Его эпоха не шла ровнымъ шагомъ, а бѣжала, все время припадая то на одну ногу, то на другую. Стремилась, волочась. Интересъ розановской личности заключался въ томъ, что онъ былъ еще и страненъ.

И одной изъ сторонъ его общей странности было его одиночество. И оно казалось особеннымъ. Эта внутренняя отгороженность не заслоняла міра и не строила глухой стѣны. Эти перегородки были сквозныя. Черезъ нихъ Розановъ былъ виденъ міру, и міръ былъ виденъ ему. Но оба другъ отъ друга были занавѣшены. Раздѣляющую грань не переступали. Полнаго сближенія не было. Въ обоихъ жило большое и острое взаимное любопытство. Но и оно было необычно. Въ этомъ взаимномъ прищуренномъ разглядываніи таилось недоувѣріе, это недоувѣріе происходило отъ незнанія, потому что даже интеллигенція, даже писатели не знали Розанова, какъ и онъ въ свою очередь не зналъ міра, людей и жизни. Отсюда — скептицизмъ, изъ скептицизма — непріязнь. Скептицизмъ и неуувѣріе, т. е. неуувѣренность, — обычные спутники невѣдѣнія. И Розановъ боялся, а міръ его отрицалъ.

2.

Впрочемъ, уединенная душа Розанова была обречена нѣкому отшельничеству еще и его некрасивостью. Онъ

этимъ тяготился. Себя, внѣшняго, онъ не любилъ и этимъ мучился. Въ своей замѣчательной книгѣ („Уединенное“) онъ такъ и записалъ:

— Неестественно-отвратительная фамилія дана мнѣ въ дополненіе къ мизерабельному виду. Сколько я гимназистомъ простаивалъ передъ зеркаломъ... „Сколько тайныхъ слезъ украдкой“ пролилъ. Лицо красное. Волоса... торчатъ кверху... какой-то поднимающейся волной, совсѣмъ мелѣпо, и какъ я не видалъ ни у кого. Помадилъ я ихъ, и все — не лежать. Потомъ домой приду, и опять — зеркало: „Ну, кто такого противнаго полюбить?“ Просто ужасъ бралъ... Въ душѣ думалъ: женщина меня никогда не полюбитъ, никакая. Что же остается? Уходить въ себя, жить съ собою, для себя (не эгоистически, а духовно), для будущаго?...

Это было горькое чувство. Въ немъ надо искать корень розановской трагедіи. Для него она была особенно тяжка. Надо помнить, что „поль“ для него играла первенствующую роль. Все свое міростолкованіе Розановъ сводилъ къ этой „проблемѣ“. Въ его философіи поль роднился съ Богомъ, и разгадка и воспріятіе божества имъ чужались не въ путяхъ ума, а все тамъ же и въ томъ же — въ полѣ.

Этотъ вопросъ его беспокоилъ. Розановъ былъ имъ навѣки встревоженъ. Въ этой области было зажжено его наибольшее любопытствованіе.

Женщина влекла его, какъ загадка. Онъ былъ полонъ какой-то особенной, первой чувственности. Можетъ быть, жадной страстностью. Его раздумье надъ семейнымъ вопросомъ, надъ бракомъ пронизано рѣдкой напряженностью. Тутъ онъ былъ у себя дома. Даже соб-

ственные писанія, свою вдохновенность онъ выводилъ отсюда же — изъ чувства пола. Объ этомъ есть печатное свидѣтельство. Сравнительно недавно вышла книга о письмахъ Розанова. Это — „Кукха“ Алексѣя Ремизова. И онъ говоритъ о томъ же: „Разговоръ зашелъ на тему о писательствѣ — кто какъ пишетъ. Розановъ сказалъ: когда онъ — въ ударѣ, и исписанные листы такъ сами собой, непророхшіе, и отбрасываются у него...“

Дальше идетъ слишкомъ интимное признаніе.

Какъ-то у Ремизова собрались гости. Были Соллогубъ, Чулковъ и Ермиловъ изъ Москвы, теща Чехова. Читалъ. А позже пришелъ Розановъ.

— „Въ минуту совокупленія“ — сказалъ Василій Васильевичъ — „звѣрь становится человѣкомъ“.

— А человѣкъ? Ангеломъ? Или ужь?...

— Человѣкъ — Богомъ?*)

Въ этомъ вопросѣ онъ былъ, воистину, одержимымъ.

3.

Почти гениальный, человѣкъ рѣдкихъ прозрѣній, оригинальнѣйшій мыслитель, безстрашный въ своихъ признаніяхъ, заключающій въ себѣ властныя очарованія и гибельную опасность многдушія, таящійся отшельникъ, абсолютно лишенный чувства общественности, не считающійся и нежелающій считаться съ ея мнѣніемъ, судомъ и приговорами, погруженный въ тихую, таинственную глубь интимной мудрости, авторъ „Семейнаго вопроса“, ребенокъ, напуганный шумомъ и силой міра, онъ лѣпилъ къ весельшному, къ отгороженному, къ затѣненному,

*) Ал. Ремизовъ. Кукха. Розановы письма. 1923 г.

жить „въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго“, мыслить „въ своемъ углу“ *) и былъ одинъ и въ своихъ идейныхъ розыскахъ и въ построеніи своей философіи, въ своей необщительности, аморальности, противорѣчивости и въ своей дерзкой искренности утвержденій.

Строгая послѣдовательность мысли отмѣтила лишь его неизмѣнное отношеніе къ полу и семьѣ. Домъ, ограда, женщина, дѣти являлись предметомъ его хлопотливыхъ заботъ и единственнымъ успокоеніемъ. Онъ былъ откровененъ и въ этомъ:

— „Общественность“, — записываетъ Розановъ — „кричатъ вездѣ, „пробужденіе“ общественнаго интереса... Когда я встрѣчаю человѣка съ общественнымъ интересомъ,“ то не то, чтобы скучаю, не то, чтобы враждую съ нимъ: но просто умираю около него. Весь омокнулъ и растворился: ни ума, ни воли, ни слова, ни души. Умеръ.

Бросалъ какъ вызовъ:

— „Народы, хотите ли, я вамъ скажу громовую истину, какой вамъ не говорилъ ни одинъ изъ пророковъ?..“

— Ну? Ну?.. Хх...

— Это, что частная жизнь выше всего.

— Хе-хе-хе! Ха-ха-ха!

— Да, да! Никто этого не говорилъ. Я — первый... Просто, сидѣть дома и хотя бы ковырять въ носу „и смотрѣть на закатъ солнца!..“

Эти признанія — искренни. У Розанова не было рисовки. Позерство ему было чуждо. Общественность онъ просто не понималъ. Ему она говорила какъ бы на иностранномъ языкѣ. Онъ ея совсѣмъ не чувствовалъ.

*) „Въ мірѣ неяснаго и нерѣшеннаго—книга В. Р. Розанова. „Въ своемъ углу“ — постоянный отдѣлъ Розанова въ журналѣ „Новый Путь.“

Отъ ея холоднаго раціоналізма Розановъ забъ. Писалъ, что было на душѣ, — то, что жило въ ней вотъ сейчасъ, въ эту минуту, безъ системы, безъ плана, безъ программъ.

Долго работалъ въ „Новомъ Времени“ и никогда ничѣмъ не былъ съ нимъ связанъ. И въ общемъ представленіи тоже никогда не казался сотрудникомъ этой газеты. Его аполитичность, общественная безучастность были такъ наглядно-явны, что съ этой стороны къ нему никто не подходилъ всерьезъ. Только поэтому онъ могъ параллельно работать и въ „Новомъ Времени“, и въ „Русскомъ Словѣ“, и въ „Русской Мысли“. Это было противорѣчіе. Но для Розанова никакихъ противорѣчій не было. Онъ самъ являлся какъ бы живымъ воплощеніемъ сплошной и необычайной противорѣчивости. Про самого себя удивленно говорилъ:

— Душа моя — какая-то путаница...

Помню, въ Петербургѣ мнѣ рассказывали о Розановѣ, быть можетъ, анекдотъ, быть можетъ, истинное происшествіе. Онъ принесъ статью въ консервативный „Русскій Вѣстникъ“. Ее приняли. Розановъ прислалъ вторую. Въ редакціи развели руками. Розанову сказали:

— Василій Васильевичъ! Вы, должно быть, ошиблись адресомъ. Несите эту статью въ какой-нибудь либеральный журналъ.

И онъ отнесъ. Статью приняли. Черезъ нѣкоторое время Розановъ принесъ вторую. Теперь уже въ либеральной редакціи ему сказали:

— Это не для насъ, Василій Васильевичъ! Съ этой статьёй Вамъ надо идти въ консервативный „Русскій Вѣстникъ“.

И Розановъ отправился, одалъ, быть принятъ и. т. д. и. т. д. Сказка про бѣлаго бычка. Повторяю: разсказъ, вѣроятно, анекдотиченъ. Но для Розанова онъ очень характеренъ. Такимъ его понимали и считали всѣ, потому что самъ онъ быть не „какъ всѣ“.

4.

Безобщественный, онъ, однако, не чуждался иныхъ кружковъ — религіозныхъ, эстетическихъ, но могъ бы стать участникомъ и эротическихъ. Въ началѣ вѣка кружки были модны и распространены. Петербуржцы ихъ помнятъ. Среди нихъ особенно многолюднымъ и интереснымъ кружкомъ была „башня“ Вячеслава Иванова. Тамъ бывали всѣ: поэты, беллетристы, критики, философы, общественники, издатели — вся тогдашняя петербургская интеллигенція. Бывалъ тамъ и Розановъ, когда „тамъ водили „хороводы“ и пѣли вакхическія пѣсни въ хламидахъ и вѣнкахъ“, — такъ пишетъ теперь З. Н. Гиппиусъ.

Долженъ признаться, самъ я этихъ „хороводовъ“ никогда у Вяч. Иванова не видѣлъ, а когда-нибудь о видѣнномъ и слышанномъ разскажу съ большимъ удовольствіемъ, какъ о пріятномъ и интересномъ воспоминаніи. Это были годы кружковъ, дни нашихъ литературныхъ встрѣчъ. Конечно, среди этихъ обществъ можно было припомнить много курьезнаго, забавнаго, шарочитаго, и З. Н. Гиппиусъ разсказываетъ о какомъ-то „радѣніи“ у поэта Минскаго, „гдѣ для чего-то кололи булавкой палецъ у скромной, неизвѣстной женщины, и кашлю ея крови опускали въ бокалъ съ виномъ“.

Словомъ, карикатурное было. Индѣ любили играть въ загадочность. Кое-кто нарочно распускалъ дутье слухи. Было въ ходу мистификаторство. Ал. Ремизовъ вспоминаетъ, какъ однажды его жертвой сталъ Розановъ. Къ нему прѣехали С. П. Ремизова и Л. Ю. Бердяева. У Розанова болѣло горло, и онъ рѣшилъ просидѣть дома. У обѣихъ дамъ было по «красной гвоздикѣ».

— А откуда у васъ цвѣты и почему одинаковые?

Василій Васильевичъ сказалъ это совсѣмъ ужъ чисто.

— Мы поступили въ одно общество — отвѣтила С. П.

— Какое?

— Въ эротическое. Мы, собственно, и прѣехали, какъ делегатки, просить Васъ быть почетнымъ членомъ за Ваши большія заслуги въ этой области.

— Ну, рассказывайте, рассказывайте!

— Тамъ три отдѣленія: мужское, женское и смѣшанное.

— Я — въ женское.

— Мы не можемъ. Вы тамъ сами скажете.

— Ну, ѣдьте, ѣдьте!

Конечно, никакого „эротическаго общества“ не было. Надъ Розановымъ подшутили. Межъ тѣмъ, я очень хорошо помню, какъ и мнѣ тогда съ большимъ воодушевленіемъ рассказывали о такомъ обществѣ, и о томъ, что тамъ принимаетъ участіе Розановъ, и какіе тамъ происходятъ оргіи, съ удивительными подробностями, обстоятельностью, именами, съ описаніемъ ритуала, съ расписаніемъ дней, часовъ и даже оргіастическаго порядка. Лгали много. Выдумывали, кому не лѣнь. На самомъ дѣлѣ все было очень просто, скромно и въ то же время оживленно и весело.

Но для Розанова этот эпизодъ типиченъ. Въ этой области онъ страдалъ большимъ любопытствомъ. Въ то же время это былъ прекрасный семьянинъ, преданный и вѣрный мужъ. Но семейная жизнь у него сложилась не сразу. Его первый бракъ былъ, воистину, страшенъ. 18-лѣтнимъ мальчишкой Розановъ женился на 40-лѣтней женщинѣ, любовницѣ Достоевскаго. Она была похотлива, ревнива и зла. Розановъ едва спасся. Типичную семейнаго уюту принесла съ собой его вторая жена, блѣдная, незамѣтная, молчаливая и очень религіозная женщина, Варвара Дмитріевна.

Революція обросила въ могилу и Розанова. Отъ потрясеній, голода, холода, пустынности онъ сникъ, у него одѣлалось кровоизліяніе, потомъ второе, онъ сломился, сталъ недвижимъ. Тѣды не было, лѣкарствъ не было, онъ жилъ подъ Москвой, въ Троицко-Сергіевскомъ Посадѣ. Сына Васю забрали въ красную армію — онъ заразился сыпнымъ тифомъ и умеръ. Очередь пришла за Розановымъ. На смертномъ одрѣ онъ писалъ:

— „Душа возстанетъ изъ гроба и переживетъ, каждая душа переживетъ — и грѣшная, и безгрѣшная — свою невыразимую „пѣснь пѣсней.“ Будетъ дано каждому человѣку по душѣ этого человѣка и по желанію этого человѣка. Аминь“.

Въ своей жизни, въ своихъ книгахъ, чувстваваніяхъ, въ своихъ тайныхъ притяженіяхъ, въ своей необъятности предъ нашимъ взоромъ прошелъ интереснѣйшій и замѣчательный человѣкъ любопытной и замѣчательной эпохи. Но и ей онъ принадлежалъ только частично, ибо своей гениальностью, своей рѣдкой, исключительной ори-

гинальностью онъ отданъ не времени, а временамъ, не
одному поколѣнью, а будущему.

Это былъ человекъ, не имѣвшій въ мірѣ двойника.

Ю. И. Айхенвальдъ.

Среди русскихъ критиковъ покойный Айхенвальдъ могъ по праву считаться вѣжнѣйшимъ. Его любовь къ литературѣ излучалась красивой и мягкой лаской. Литературу онъ лелѣялъ, къ ней пылалъ всю жизнь чисто юношеской восторженной и благоговѣйной влюбленностью.

Литература для него была небесной дѣвственницей и къ ней онъ подходилъ съ молитвеннымъ преклоненіемъ, страпась эту святѣнно оскорбить, совершить по отношенію къ ней какую-нибудь неловкость или обидную неосторожность. Въ ея дѣла и поступъ Айхенвальдъ всматривался, какъ въ святыя дѣлїя, вслушивался, какъ въ слова молитвы, ловилъ ея голосъ, какъ горній нагѣвъ.

И сердцу этого критика ближе всего были тоже ласковые люди, лирическія души, трогательныя жизни, моральная красота, чистота и возвышенность порывовъ. Поэтому Гаршинъ Айхенвальду представлялся „живымъ кипарисомъ нашей литературы“ и въ немъ его прельщала и очаровывала „человѣкъ съ лучистой душою и лучистыми глазами“. Айхенвальдъ славилъ у Гаршина „благородное безуміе великой совѣсти“, этой „настоящей челоуѣческой мудрости“.

Точно также въ Короленкѣ покойнаго критика подкупали „неутомимая гуманность“, непоколебленныя самой жизнью „вѣра и любовь“, его достойное служеніе добру и челоѣчности, ставшее „дѣломъ и словомъ его жизни“. И Чеховъ ему дорогъ потому, что „въ его грустныхъ глазахъ міръ достоинъ акафиста“, и свое восхищенное сочувствіе Айхенвальдъ подарилъ Чехову за то, что онъ такъ тонко чувствовалъ „всю неуловимую отраду жизни“, „зналъ, любилъ и благословлялъ жизнь“, „оплахнулъ ее своей лаской и озарилъ тихой улыбкой своего юмора“.

Айхенвальдъ вообще очень цѣнилъ въ писателяхъ, поэтахъ, какъ и въ людяхъ, сіяющую внутреннюю тихость, созерцательность, мечтательность, грусть, и ему особенно близка „тихая муза“ Гаршина, „тихая улыбка“ Чехова, „тихое горѣніе чистой звѣзды Бориса Зайцева“.

И это совсѣмъ не случайность.

Айхенвальда властно притягивала къ себѣ стихія лиризма. Въ своей статьѣ объ Александрѣ Блокѣ онъ опредѣлялъ „челоѣческую соловьиность“, какъ плѣняющую лирику. Въ своемъ преклоненіи передъ ней, предъ ея державностью, Айхенвальдъ готовъ былъ отрицать даже дѣленіе поэзіи на лирику, эпосъ и драму. По его неискоренимому, какъ бы врожденному убѣжденію, эти разграниченія были „не психологичны“. Онъ настойчиво утверждалъ, что существуетъ только одна поэзія и лирическая душа — „книга пѣсенъ“.

Лиризму въ мірѣ Айхенвальдъ отводилъ совершенно особое, главенствующее мѣсто. „Лиризмъ, — писалъ Айхенвальдъ, — по своей природѣ — утвержденіе“. Въ нѣжномъ обоготвореніи этой возвышенной области челоѣческаго духа и художественнаго творчества Айхен-

вальдъ вѣрилъ въ существованіе „обителѣй космическаго лиризма“.

И эта стихія должна изливаться, пѣть, захватывать, исповѣдываться. Вотъ почему Айхенвальду были такъ чужды расчетливыя сердца, вымѣренныя души, геометрически построенная жизнь, такъ ненавистенъ разсудочный холодъ и такъ далеки были отъ него талантъ Валерія Брюсова, его „сознательное, слишкомъ сознательное“, „окоченѣлость“, возведенная въ канонъ этимъ „пѣвцомъ холода“, его склонность къ „прозаическому трафарету“, его „интеллектуализмъ“. И Айхенвальдъ назвалъ Брюсова „трудодобивымъ кустаремъ поэзіи“, опредѣлилъ его страшнымъ словомъ: „преодолѣнная бездарность“.

Поэтому же Айхенвальдъ остался равнодушнымъ и къ Л. Андрееву.

Основной причиной этого отчужденія было опять то же самое, — заподозрѣнное критикомъ отсутствіе у автора „Василія Фивейскаго“ естественно схватывающей „интуиціи“, преобладаніе „мысли, тезисовъ, разсудка въ соединеніи съ холодной аллегоричностью“. Гдѣ холодъ души, гдѣ хоть на минуту проскальзываетъ разсчитанная искусственность, — тамъ Айхенвальдъ забнетъ, стѣнетъ, чувствуетъ себя не въ своемъ мірѣ.

И тѣ же самыя чувстваванія, эта влюбленность въ лиризмъ, въ тишину духа, въ его внутреннее сіяніе продиктовали Айхенвальду сочувственныя слова о Борисѣ Зайцевѣ, хвалу его „тихости“, ласковое привнаніе его „хрустальной лирики“.

Со своей точки зрѣнія, по закопной логикѣ своего интуитивнаго критическаго постиганія писателей, Айхенвальдъ долженъ былъ очень отрицательно отнестись и къ Максиму Горькому. Это — только послѣдовательно.

Дѣло даже не въ томъ, что у этого пѣвца просторовъ очень „душно“ и „тѣсно“, что своимъ вмѣшательствомъ въ изображаемую жизнь онъ обнаруживаетъ „скудную и слабую мысль“, — Айхенвальда отталкиваетъ отъ Горькаго особенно его „резонерство“. Но главный упрекъ Айхенвальда попрежнему тотъ же: „у Горькаго нѣтъ лиризма“. Отсюда — „неумѣстные размышленія“, замѣняющія „непосредственный драматизмъ“.

Зато Анна Ахматова Айхенвальду близка. Онъ не могъ не оцѣнить „интимности ея творчества“, — „образъ женской души“, „страдальцы любви“. Анна Ахматова ему представлялась, какъ „моральная монастырка“, „монашенка съ крестомъ на груди“, и „ея любовь — та же властныца“, и предъ ней „сіяетъ ея сѣверная родина“. Какая? Конечно, опять „тихая“.

И съ Гумилевымъ критикъ примиренъ потому, что этотъ поэтъ „счастливно уклонился отъ позы и презрительности“, преодолѣлъ ихъ непосредственнымъ „благородствомъ“, потому что у него искренняя „почтительность къ родной старинѣ“, и „онъ болѣзненно отзывается на русскія боли“. Я сказалъ, что Айхенвальдъ съ этимъ „примиренъ“. Но примираются послѣ ссоры, и у Гумилева прежде былъ для Айхенвальда большой изъянъ: въ его стихахъ мало „душевной теплоты“.

Въ этомъ воспріятіи чужой души, въ этомъ пониманіи и истолкованіи литературныхъ произведеній, въ признаніи исключительной роли лиризма, непосредственности, искренности заключена тайна, покоится ключъ всего критическаго міросозерцанія Айхенвальда.

Онъ самъ былъ лирикомъ. Недаромъ его статьи кто-то называлъ „стихотвореніями въ прозѣ“. Особенно чутко и остро Айхенвальдъ угадывалъ взволнованныя и

опечаленныя души. На эти зовы онъ откликался страстно и созвучно, воспринимая эти клики, какъ отголоски своей собственной души, отзвуки своего собственного сердца. Айхенвальдъ аужался съ исповѣдничествомъ писателей и поэтовъ.

Это былъ критикъ-мечтатель. Его плѣняла и покоряла красота, всегда, однако, безбурная, безшумная, и печаль была ему понятнѣй и родственнѣй, чѣмъ бравурность побѣдныхъ и гордыхъ гѣсей. Въ его отношеніяхъ къ искусству было что-то уединенное, онъ любовался на литературныя иконы, какъ бы сидя въ овоей кельѣ, запершись въ четырехъ стѣнахъ своей молельни.

Любя и гѣня непосредственность у другихъ, отрицая надуманность, врагъ тенденціи, отрицающій всякій деспотизмъ, въ томъ числѣ и деспотизмъ навязанныхъ теорій, Айхенвальдъ во всѣхъ своихъ сужденіяхъ и приговорахъ былъ исключительно субъективнымъ. Отъ этого ничего не проиграли его книги. Положеніе и роль Айхенвальда въ исторіи критики спасены и оправданы его прощающимъ художественнымъ чутьемъ, — если не стройностью критическихъ предпосылокъ, то безспорной гѣльностью и послѣдовательностью его міровоспріятія, его художественно-лирическаго мірочувствованія.

Въ этомъ смыслѣ Айхенвальдъ съ начала и до конца остается единымъ и завершеннымъ, не оставивъ послѣ себя ни одного повода для упрека въ капризахъ вкуса, неожиданности пристрастій, обманахъ постиганія, или лживой тенденціозности. Во всѣхъ его писаніяхъ подкупаетъ искренность. Онъ былъ честенъ съ собой и прямо съ своимъ читателемъ.

Очень боялся Айхенвальдъ односторонности и высоко

цѣнилъ объективность. Самой горькой отравой былъ бы для него упрекъ въ личныхъ пристрастіяхъ. Этого онъ боялся больше всего. Даже нападая, отрицая, отгалкиваясь, онъ умѣлъ находить положительные стороны въ нелюбимыхъ авторахъ, и какъ бы ни были иногда густы брошенные имъ тѣни, рядомъ съ ними неизмѣнно ложились полосы теплаго свѣта.

Айхенвальдъ любилъ, хотѣлъ и умѣлъ писать красиво. Формѣ онъ придавалъ исключительное значеніе. Всегда онъ стремился къ образной рѣчи, къ яркой картинной фразѣ, дорожилъ свергающимъ сравненіемъ. Критикъ-эстетикъ, Айхенвальдъ неохотно откликался на общественно-политическія темы. Это понятно. Онъ не только упрямо хотѣлъ отграничить область художества отъ преходящихъ интересовъ дня, оградить вѣчное отъ суетнаго, свой монастырь отъ шума площадей, — это само собой разумѣется, — нѣтъ, онъ отходилъ отъ политики, высоко цѣняя и всегда храня и тая въ себѣ чистѣйшее цѣломудріе мечтателя, идеализмъ возвышеннаго лирика, почитая красивое слово, какъ великое и завершенное дѣяніе.

Но ни созерцательность Айхенвальда, ни его влюбленность въ „тихость“, ни его щепетильная осторожность не истребили и не сузили въ немъ благородной критической смѣлости. Ее диктовала ему все та же искренность. Вотъ почему онъ не убоялся отстаивать свою собственную точку зрѣнія на Тургенева, на Островскаго, рѣшился сказать даже, что „Тургеневъ не глубокъ“, что „во многихъ отношеніяхъ его творчество — „общее мѣсто“, что онъ избралъ жизнь „поверхностно и въ тонахъ слишкомъ легкихъ“. Но и тутъ Айхенвальдъ вѣрно почувствовалъ и хорошо угадалъ дѣйствительно разми-

ряющую тургеневскую черту — временами его подчеркнутое любованіе своей образованностью, справедливо показавшееся Айхенвальду „непріятным“. Не во всемъ, не всегда можно соглашаться съ покойнымъ критикомъ, но никогда и ни въ чемъ нельзя заподозрить его открытую и правдивую искренность.

Нужно спорить, нельзя не спорить съ его взглядами на театр, какъ на служебное, стоящее внѣ искусства дѣло, заимствующее только чужой свѣтъ, никогда не сверкающее своимъ собственнымъ блескомъ. Межь тѣмъ, Айхенвальдъ этотъ взглядъ пронесъ до конца дней, и еще недавно я читалъ въ его статьѣ по поводу книги о театрѣ и актерахъ строки тихаго возмущенія тѣмъ, что въ прежней Россіи такое большое мѣсто въ сердцахъ и умахъ занималъ театр.

Послѣ себя Айхенвальдъ оставилъ цѣнное наслѣдство. Его „Силуэты русскихъ писателей“ являются какъ бы критической хрестоматіей новѣйшей литературы, останутся надолго полезнымъ и пріятнымъ литературнымъ справочникомъ, вѣрнымъ указателемъ путей къ познанію русской прозы, русской поэзіи, русской литературной души, ея воскрыленій, печали и побѣдъ. Эти книги отъ многого предостерегутъ, онѣ предупредятъ опасныя ошибки вкуса, побѣдятъ вредныя тяготѣнія къ одностороннимъ соціально-политическимъ истолкованіямъ художественнаго творчества, научатъ любви къ слову, покажутъ его богатство, сроднятъ и сблизятъ широкаго читателя съ писательскимъ міромъ, откроютъ его тайны для тѣхъ, отъ кого онѣ остались бы скрытыми навсегда, притянутъ и прикуютъ вниманіе равнодушныхъ и чуждыхъ писаніямъ, литературѣ, ея дарамъ и талантамъ.

Придетъ часъ, — и его не долго ждать, — когда,

сами по себѣ, сотрутся всѣ минусы, поставленные Айхенвальду его односторонними цѣнителями, забудутся невѣрные строки С. Венгерова, вызовутъ сожалительную улыбку сужденія совѣтскихъ судей, укоряющихъ Айхенвальда въ отсутствіи „историчности и социальнаго анализа разсматриваемыхъ фактовъ“. Айхенвальдъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть, что составляло самую сокровенную сущность его души, было его лучшимъ опредѣленіемъ, — критикомъ-эстетикомъ, мечтательнымъ лирикомъ, влюбленнымъ прихожаниномъ литературнаго храма.

О, конечно, совѣтскіе литературные историки должны вычеркнуть его имя, — еще бы! — Айхенвальдъ такъ точно, такъ рѣшительно заявлялъ, что „великіе мастера и ихъ великіе цѣнители не только не служатъ продуктами своей эпохи, не только не подчиняются ей, а наоборотъ, часто выступаютъ въ рѣзкой противоположности къ ней и современному обществу“, и „художникъ, который дѣлается работъ социальныхъ запросовъ, унижаетъ этимъ и искусство, и самое общество“.

Айхенвальдъ былъ независимъ. Онъ являлъ собой яркій типъ критика-индивидуалиста, цѣнилъ и въ писательствѣ яркую и сильную индивидуальность. И для него „каждый писатель — особая страна“. По этимъ странамъ онъ бродилъ, какъ упоенный отшельникъ, счастливый мечтатель, разгадывавшій сладкія тайны взволнованныхъ и творящихъ литературныхъ душъ. Должно быть, въ эти минуты онъ слышалъ пѣніе ангеловъ, — тихая радость, доступная дѣтскимъ душамъ.

К. С. Баранцевичъ.

Въ Петербургѣ, на углу Невскаго и Владимірскаго, былъ ресторанъ съ двумя входами, — „Москва“, а въ этой „Москвѣ“ былъ кабинетъ, называвшійся „некрасовскимъ“. Говорили, что въ немъ Некрасовъ любилъ посидѣть со своими друзьями и сотрудниками „Отечественныхъ Записокъ“. Въ этомъ историческомъ кабинетѣ по поведѣніямъ устраивались т. наз. „беллетристическіе обѣды“. Почему — „обѣды“ — не знаю: они начинались въ 8 часовъ вечера. Впрочемъ, Петербургъ обѣдалъ поздно.

Вотъ на одномъ изъ такихъ обѣдовъ я познакомился съ Казиміромъ Станиславовичемъ Баранцевичемъ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе необыкновенно сдержаннаго и даже робкаго человѣка. Вечеръ былъ очень оживленъ. Помню, какъ А. М. Федоровъ рассказывалъ о своей новой пьесѣ, только что принятой Александринскимъ театромъ, шумѣлъ Свирскій, молчаливо щуря наблюдательный глазъ, противъ меня сидѣлъ Купринъ, перебрасывались темами, и одинъ только Баранцевичъ былъ какъ-то особенно сдержанъ. Можетъ быть, потому, что чувствовалъ себя какъ бы авторитетомъ и председателемъ

среди насъ, молодыхъ и начинавшихъ писателей. Когда время подошло къ часу ночи и пора было уходить, кому-то влетѣла въ голову мысль переселиться напротивъ къ Палкину. Большинство согласилось. Но Баранцевичъ сталъ упрямитъся. Его уговаривали, — онъ отнѣживался. Наконецъ, его сломили. Но и тутъ, чуть ли не каждыя 10 минутъ, Баранцевичъ, то и дѣло, вынималъ часы, вынималъ, смотрѣлъ и пряталъ, покачивалъ головой и, видимо, тревожился.

Попивая бѣлое вино, смотря живыми и недобрыми, большими глазами сквозь темныя синіе очки, бросалъ сердитыя характеристики Н. Селивановъ, театралъ, впоследствии членъ редакціи „Театра и Искусства“. Отъ него я узналъ причину безпокойства Баранцевича. Онъ служилъ на конно-желѣзной дорогѣ, его обязанность состояла въ ежеутренней выдачѣ кондукторамъ билетныхъ катушекъ, и онъ долженъ былъ вставать очень рано. Нашъ „обѣдъ“, перешедшій въ ужинъ, разбилъ все его расписание, и теперь онъ не зналъ: идти ли домой, или прямо изъ ресторана отправиться на службу.

Уже на этомъ вечерѣ, при этомъ первомъ знакомствѣ, сразу почувствовалась его робость, страхъ передъ жизнью, матеріальная необезпеченность. И, дѣйствительно, онъ жилъ очень скромно. Это было ушедшее въ себя, занавѣшенное существованіе. Женатъ былъ Баранцевичъ на простой крестьянкѣ и она, какъ мать, оберегала его покой и дни.

И жизнь, и литература Баранцевича спаяли вмѣстѣ съ Альбовымъ, и эти два имени какъ-то неразрывно связались въ общемъ представленіи, въ отзывахъ критики и даже стали рядомъ на обложкѣ романа, коллективно написаннаго вкупѣ двумя беллетристами, — едва ли не пер-

вый опыт такого совместнаго творчества, породившій затѣмъ многочисленныя подражанія, изъ которыхъ первымъ я помню большую вещь, состряпанную чуть ли не десяткомъ писателей и напечатанную въ „Синемъ Журналѣ“, а послѣднимъ совсѣмъ недавно видѣлъ романъ въ совѣтскомъ „Огонькѣ“. Склонность къ „планетарности“ сказалась и тутъ, и авторами этого всеосознаго романа оказалось 25 человѣкъ. Да будетъ благословлено трудолюбіе этого литературнаго взвода!

Такъ слились воедино два имени: Баранцевичъ и Альбовъ.

Между ними не было ничего общаго. Литературно они не имѣли ни одной родственной черты. Въ своей склонности къ психологическому анализу, въ своемъ подчиненіи Достоевскому Альбовъ былъ очень далекъ отъ безприязнательно-реалистической, будничной прозы Баранцевича съ ея чисто описательнымъ методомъ и уклономъ къ безхитростному, зрѣвшему рисунку. Альбовъ былъ глубже. Баранцевичъ — наивнѣй.

Общая сближающія черты ихъ біографіи: они оба рано покинули гимназію, съ юности должны были прокармливать себя, но и тутъ стояло существенное различіе: свою первую вещь Альбовъ напечаталъ, когда ему было всего 14 лѣтъ, Баранцевичъ выступилъ на литературномъ поприщѣ уже зрѣлымъ 27-лѣтнимъ человѣкомъ.

И это соединеніе, это смѣшеніе воедино двухъ несхожихъ писательскихъ ликовъ иногда приводило критику въ злое раздраженіе, и я помню ядовитый отзывъ Зинаиды Гиппіусъ (Антонъ Крайній), гдѣ она не безъ жестокости отмѣчала „веселый отблескъ“, который бросаетъ на Альбова сосѣдство Баранцевича.

Вообще же, къ покойному зрѣлика относилась съ вѣ-

жливо-снискодительной сдержанностью, безъ восторговъ, но и безъ придиричиваго осужденія. Баранцевичъ держался какъ-то въ сторонѣ. Бурливая литературная жизнь съ ея скрытой борьбой, редакціонными заворухами, столкновениями самолюбія шла мимо него, огибая его хату съ краю и никакъ не задѣвая и не омывая ее своими приливами и отливами.

Онъ вращался въ тѣсномъ кружкѣ. Это былъ какъ бы уѣздъ въ Петербургѣ. Впрочемъ, и самъ Баранцевичъ и его книги казались тоже провинціальными. Заринъ, Альбовъ, Баранцевичъ, Щегловъ (Леонтьевъ) держались своей обособленной группой, собираясь то у одного, то у другого, — иногда по воскресеньямъ, у покойнаго критика Измайлова и — уже не помню въ какой день — у Щеглова, знавшаго таинственный секретъ приготовленія макаронъ „а ля Гоголь“, вывезенный знаменитымъ авторомъ „Мертвыхъ душъ“ изъ Италіи.

Все же изрѣдка зашумали и Баранцевича. Какъ-то онъ обмолвился въ печати фразой: „ѣхать на извозчикъ“, и она вызвала бурное негодованіе Чуковского. Свое насмѣшливое стихотвореніе, помѣщенное въ „Руси“, Чуковский заканчивалъ двустрочіемъ:

„Ѣдетъ лошадь на извозчикъ,

Баранцевича везетъ“.

По отношенію къ скромному, всегда державшемуся въ тѣни Баранцевичу это было жестоко, а вообще спорно и значить вздорно. Въ своей нетребовательности онъ исполнѣ удовлетворялся скупыми отзывами, отмѣчавшими не его талантъ, не обаяніе, не роскошь красокъ, не глубину психологіи, а всего только „искренность тона“, „симпатичное дарованіе“, „человѣческое отношеніе“, „любовь къ меньшему брату“ — какія ничего не говорящія

слова, опредѣленія, похожія на подсолнечную шелуху, какія шамкающія привѣтствія!...

Все же иногда нѣкоторый успѣхъ выпадалъ и на долю Баранцевича. Въ 1878 г. этотъ успѣхъ принесли ему „Порванные струны“, потомъ — чуть ли не черезъ 20 лѣтъ — повѣсть „Борцы“, появившаяся въ „Русскомъ Богатствѣ“. Но и тутъ интересъ былъ не столько въ литературныхъ достоинствахъ, сколько въ темѣ, въ новомъ, вдругъ вошедшемъ въ моду и общее вниманіе былъ этихъ двухъ кумировъ арены — борцовъ. Скромный и въ своихъ писаніяхъ, боявшійся неправды, честный фотографъ, Баранцевичъ всегда рассказывалъ только то, что онъ зналъ, рисовалъ то, что видѣлъ самъ, и своего борца извелъ изъ міра той кондукторской бригады, которой въ ранній утренній часъ выдавалъ билетныя катушки.

Послѣдняя встрѣча моя съ Баранцевичемъ состоялась во время войны. Это было у издателя „Пробужденія“ Н. В. Корецкаго, замѣчательнаго своимъ неукротимымъ пристрастіемъ ко всяческимъ финтифлюшкамъ, въ дешевымъ орнаментамъ съ завертомъ, кричаще-раскрашенному уродству обстановки, доходившему до курьезовъ. Онъ жилъ въ шоколадномъ домѣ, въ гостиной у него стоялъ рояль бѣлый съ золотомъ, была розовая золоченая мебель, на потолкахъ были наляпаны какіе-то замысловатые узоры, канделябры обвѣшаны нестерпимо блестящими стекляшками, гатчинская дача изумляла балконной рѣзьбой, коньками, смѣсью красокъ, замысловатыми выкрутасами.

Въ тотъ годъ ему очень посчастливилось. Подписка принесла что-то около полумилліона. Всѣ ахнули — и было отчего. Корецкій ухватилъ своего читателя приложеніями, а давалъ онъ совершенно загадочную чепуху —

нѣмецкія олеографіи съ подписями изъ русскихъ романсовъ, и картины носили названія: „Подъ душистою вѣткою сирени“, „Мѣсяць плыветъ по ночнымъ небесамъ“, „Глядя на лучъ пурпурнаго заката, стояли мы“ и т. п.

Все же читатель могъ бы кое какъ устоять и предъ этой приманкой, но Корецкій его окончательно побѣдилъ такой выдумкой, предъ которой всякое противодѣйствіе было безсильно. Въ тотъ 1915 годъ, въ видѣ приложенія, онъ далъ не только „картины“, но еще и двѣ... полудыни, т. е. попросту картонную дыню, разрѣзанную пополамъ, причѣмъ обѣ ея половины имѣли зеленыя шелковыя ушки, чтобы на нихъ висѣть въ столовой у подписчика. И этотъ благодарный подписчикъ пошелъ, поплылъ, потекъ густо и слѣпо. Результатъ - полмилліона.

Корецкій былъ гостепріименъ и добръ, говорилъ про себя: „люблю пожить“, и 6-го декабря, въ день своихъ именинъ, назвалъ къ себѣ пропасть гостей. Господи, кого тутъ же было! Тутъ и Ходотовъ, и сѣдѣвшій Потапенко съ молодой беллетристкой Наталіей Грушко, и полный Карповъ, режиссеръ Александринскаго театра съ большой бородой (за нее Юрій Бѣляевъ въ одномъ изъ своихъ фельетоновъ прозвалъ его „большой метлой“), и глупый, баящій Муйжель, иправшій подъ „народника“, и въ то же время гордо вравшій, будто женатъ на княжнѣ Васильчиковой, впрочемъ, однако, едва ли очень настаивавшій на этомъ впоследствии, тогда, когда онъ сталъ вѣрнымъ и преданнымъ членомъ великой коммунистической партіи.

Такъ, вотъ, между этимъ самымъ Викторомъ Муйжелемъ и мной въ тотъ вечеръ сидѣлъ Баранцевичъ. Прошло 13 лѣтъ со дня нашего знакомства, а Баранцевичъ былъ

все тотъ же, остался все тѣмъ же, какъ и тогда, — лысый, сухенькій, не словоохотливый, очень вѣжливый и робкій.

Только послѣ черезчуръ развязной рѣчи Ходотова, увѣрявшаго съ бокаломъ шампанскаго, что его труды, приносимые здѣсь „на благо Россіи“, ничуть не легче и не меньше, чѣмъ трудъ и рискъ сидящихъ въ окопахъ, — только тутъ возмутился даже Баранцевичъ. Откинувшись на спинку кресла, онъ тихо, чрезъ сосѣда, обратился ко мнѣ, и я услышалъ въ первый и въ послѣдній разъ у Баранцевича слово укора:

— Какъ ему не стыдно! — сказалъ онъ.

Но Баранцевичъ, — я уже говорилъ, — всегда былъ провинціаломъ. Ходотовы же являли собой „блистательный Санктъ-Петербургъ“. Въ этомъ была огромная разница. Немногіе знаютъ, что и Петербургъ былъ на три четверти провинціаленъ, и въ немъ жили и были не только студенческія землячества, но многія другія, и отъ нихъ въ Петербургъ еще вѣяло какой-то жизнью, прочностью, русскимъ укладомъ и скрытой, хотя и никому тамъ ненужной правдой.

Баранцевичъ былъ уѣзднымъ человѣкомъ въ Петербургъ, — постороннимъ человѣкомъ, — и писалъ онъ не для Петербурга, а тоже для русскихъ уѣздовъ, и герои его были уѣздные, съ уѣздной душой, съ уѣздной неувѣренностью и съ уѣзднымъ страхомъ предъ Петербургомъ и его спесью.

М. К. Первухинъ.

Никто, ничто не смѣетъ требовать отъ насъ ни полной жертвенности, ни самоотреченія. Какъ бы ни была сладостна литературная дѣятельность, это — все-таки трудъ. Какія бы чудесныя ощущенія и отрадныя минуты ни давало творчество, одно оно не можетъ наполнить жизнь, изгнать изъ чреды нашихъ дней милья и обманчивыя земныя радости.

Но для Первухина онѣ не существовали. Ихъ не было, и онѣ не искали ни удовольствій, ни развлеченій, ни увлеченій.

Въ литературномъ отшельничествѣ, среди непрерывной работы, промелькнула его молодость, прошла зрѣлая пора, и въ тѣхъ же непрерывныхъ трудахъ потянулась медленная и большая старость. Впрочемъ, свой недугъ онъ носилъ въ себѣ давно, чуть ли не 30 лѣтъ подрядъ. Злая чахотка перебросила его къ началу 900-хъ годовъ въ Крымъ, сдѣлала редакторомъ провинціальной ялтинской газеты „Русская Ривьера“, затѣмъ вытолкнула совсѣмъ изъ Россіи, и Первухинъ поселился навсегда въ Италиі, ставшей ему близкой и дорогой.

Какжется, одинъ единственный разъ онѣ рѣшились покинуть Римъ для Москвы, чтобы тамъ стать во главѣ

дѣтскаго журнала, издававшася И. Д. Сылпнымъ. Нужно было имѣть энтузіазмъ Первухина, горѣть, какъ горѣлъ онъ, такъ любить дѣтей, какъ любилъ ихъ этотъ, изможденный, физически слабый, приговоренный врачами человекъ, чтобъ взвалить на себя эти трудныя обязанности, принять отвѣтственное руководство дѣтскимъ журналомъ. Но сюда Первухина влекло и еще одно, его неизлечимое литературное пристрастіе, — влюбленность въ фавулу, въ изобрѣтательный сюжетъ, беллетристическую фантастику.

Ничего, кромѣ огорченій это редактированіе дѣтскаго журнала Первухину не принесло. Съ горечью и поздними сожальствіями онъ вспоминалъ объ этомъ періодѣ въ письмѣ къ мнѣ, написанномъ три года тому назадъ.

— Помню, — писалъ Первухинъ, — какъ издатель Сылпнъ поручилъ завѣдываніе редакціей очень бойко шедшаго — 25.000 тиража! — журнала нѣкоей Т—ой, отставной начальницѣ женской гимназіи. Эта старая классная дама заявляла: „Мы въ оригинальныхъ вещахъ не нуждаемся“. И въ два года журналъ зарѣзали: тиражъ съ 25 тысячъ сошелъ на 10.

Это особенно огорчало Первухина потому, что въ такомъ требованіи сказалось укоренившееся русское пренебреженіе къ фавулѣ, презрѣніе къ выдумкѣ, отрицаніе правъ свободной творческой фантазіи. Первухинъ перedaвалъ грустную и глушую стѣну, когда одинъ изъ директоровъ издательства ему заявилъ:

— Я принципиально противъ печатанія фантастическихъ вещей, ибо я — позитивистъ!

Другой посоветовалъ:

— Создайте при журналѣ (а его читали даже гимназистки 2-го и 3-го класса!) политическій отдѣлъ. Зна-

комьте вашего читателя съ конституціонно-парламентскимъ строемъ, а при случаѣ — и съ французской революціей!

Третій, приваль-доцентъ, ему заявилъ:

— Такъ какъ журналъ идетъ и въ школьную среду, то не мѣшало бы по-легоньку проводить „народническую идею“ и непремѣнно бороться съ милитаризмомъ!

Сейчасъ все это кажется злымъ анекдотомъ, но тогда для пламенѣвшей души Первухина это звучало оскорбленіемъ и предрекало ему и всѣмъ его порывамъ могильный холодъ и самую скорбную безутѣшность.

Первухинъ страдалъ.

Отдавая очень много времени чисто газетной работѣ, ради заработка ставъ корреспондентомъ цѣлага ряда газетъ, — сердцемъ и душой онъ тянулся къ беллетристикѣ, къ роману, вымыслу, и все время въ немъ боролся вольный художникъ съ повиннымъ работѣ газетнымъ труженникомъ.

Но литературная живость, особенный запахъ, присущій истинному писателю, чувствовались и тутъ, въ этихъ спѣшныхъ, мятущихся корреспондентскихъ строкахъ, безсмысленно и непрерывно откликавшихся на мелькающія злобы итальянскаго дня. Онъ писалъ не только внѣшне интересно, но и какъ-то внутренне весело, будто это былъ бы не трудъ, а удовольствіе, не работа по обязанности, а пріятное развлеченіе.

Писать онъ любилъ. Быть можетъ, самый процессъ словеснаго расточенія его увлекалъ самъ по себѣ, волновалъ и доставлялъ особенное, рѣдко кому понятное, счастливое удовлетвореніе.

Но иногда онъ остро чувствовалъ себя скованнымъ, рвался изъ тѣсныхъ рамокъ невольнаго журнализма на

просторъ широкихъ беллетристическихъ темъ, хватался за романъ, новеллу, и, завороченный счастливымъ вымысломъ, начиналъ суесться, весь въ творческой тревогѣ, колеблясь между корреспондентскимъ долгомъ и художественной жаждой.

Послѣдніе четыре мѣсяца мы съ нимъ находились въ непрерывныхъ сношеніяхъ. Между прочимъ, я предложилъ Первухину сотрудничать въ моемъ журналѣ „Литература и Жизнь“, и онъ прислалъ мнѣ цѣлую исповѣдь.*) Отъ начала до конца она проникнута самой неподдѣльной искренностью. Въ этой шутиливой, отрывочной автобіографіи онъ рассказываетъ о своей работѣ въ тянь-дзиньской газетѣ „Нашъ Путь“, мечтаетъ объ американскихъ долларахъ, говоритъ о редакціяхъ, но вдругъ самъ себѣ задаетъ вопросъ:

— А какъ съ беллетристикою?

И отвѣчаетъ:

— Тянетъ! Иной разъ страсть какъ тянетъ!

— Чѣмъ же это плохо?!

— М-м-мъ... Съ какой точки посмотрѣть, видите-ли...

И объясняетъ:

— Въ старые годы, когда меня начинало тянуть отъ повседневной газетной, главнымъ образомъ — корреспондентской работы къ беллетристикѣ, — я этимъ не огорчался. Теперь иной разъ — огорчительно, и вотъ почему именно: засядетъ идея новеллы или романа въ мозгу коломъ, и становится этотъ „колъ“ стержнемъ, вокругъ котораго упорно навиваются нити мысленія. И отпадаетъ охота писать что-либо другое.

*) „Литература и Жизнь“ № 2-3 (Ноябрь—Декабрь) 1928. Писателя о себѣ, — М. Первухинъ.

Сдерживало Первухина на этомъ пути и еще одно ущемляющее соображеніе:

— Куда приткнуть?

Отъ этого вопроса ему приходилось въ послѣдніе годы не мало страдать. Газетное и журнальное поле зарубежья оказалось слишкомъ тѣснымъ и узкимъ сравнительно съ былымъ просторомъ, всегда открывавшимся прежде для первухинскихъ писаній. Теперь онъ разбрасывался, помѣщая свои корреспонденціи въ „Сегодня“, въ бѣлградскомъ „Новомъ Времени“, въ софійской „Руси“, въ парижскомъ „Русскомъ Времени“, въ бухарестской „Нашей Рѣчи“, въ тяндзиньскомъ „Нашемъ Пути“ и др. газетахъ и жаловался, что его безпощадно и безцеремонно перепечатываютъ въ Нью-Йоркѣ, и въ Буэнос-Айресѣ, „чуть ли не въ Рейкявикѣ и Таванаривѣ“.

Надо удивляться этой энергіи, этой неистощимой силѣ совершенно больного, окончательно изможденнаго человѣка, неостывно, чуть ли не сутками, прикованнаго къ своей пишущей машинкѣ. Три года тому назадъ Я. І. Брамсъ, будучи въ Италиі, посѣтилъ М. К. Первухина. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетикѣ, конечно за работой. Чѣмъ-то бѣлымъ была обвязана вся голова, въ послѣднее время никогда не перестававшая болѣть, около него стояли двѣ чашки, — въ нихъ онъ сплевывалъ свою мокроту, и весь видъ его производилъ впечатлѣніе умирающаго, во всякомъ случаѣ, приговореннаго, но мечтаній и надеждъ, но плановъ и темъ въ этой больной головѣ и этомъ измученномъ сердцѣ роилось и кипѣло безъ счета и конца.

Въ своей литературной страсти Первухинъ вообще былъ безразсчителенъ. Особая страстность чахоточныхъ у него выливалась къ одной единственной его прекрасной

дамъ, — литературѣ. Запершись отъ всего и отъ всѣхъ, отъ интересовъ, отъ жизни, отъ людей, онъ проводилъ дни, вечера и ночи влюбленнымъ отшельникомъ, отдавшимъ свои силы единому божеству, одной неутолимой и, должно быть, тоже больной, страсти къ писательству, словесному мотовству, расточенію строкъ и темъ.

Какъ странно (и завидно!) читать сейчасъ его признание, сдѣланное почти наканунѣ смерти:

— Я — двуязыльный, чтобы не сглазить!...

Уже стоя одной ногой въ могилѣ, въ преддверіи самой смерти, минувшей весной онъ какъ-то быстро закончилъ свой романъ „Жемчужное ожерелье“. Въ то же время написалъ другой романъ изъ жизни эмиграціи довоеннаго времени, — „Островъ сирень“. На фонѣ Капри тамъ изображена русская колонія съ Максимомъ Горькимъ въ центрѣ и Евно Азефомъ въ тѣни, и чуть ли не въ послѣдній мѣсяцъ своей жизни этотъ удивительный человѣкъ все еще возился надъ заключительными главами своего историческаго, слегка оккультнаго романа „Земной богъ“.

Куда онъ готовилъ ихъ? Гдѣ можно было бы помѣстить? Зачѣмъ этотъ трудъ? Но для такихъ людей, какъ Первухинъ, существуетъ не только „зачѣмъ“, но еще и „почему“. Эти загадочные люди съ непонятной душой одержимые, будто вѣчно находящіеся подъ какимъ-то темнымъ и слѣпымъ навоздѣніемъ, объятые несбыточными грезами, во власти таинственныхъ и властныхъ образовъ, пишутъ, какъ поетъ птица, безъ цѣли, единственно ради самаго процесса, не „зачѣмъ“, а потому, что они не могутъ не писать, не творить, не быть въ этомъ вѣчномъ, непрекращающемся возбужденіи. Первухинъ такъ и говоритъ: „Эти вещи я писалъ для себя“.

Сознавался:

— Не закаиваюсь и впредь: потянетъ на беллетристику — плюну и на „мексы“ (мексиканскіе доллары), и даже на полноцѣнные „амды“ (американскіе доллары).

Это была жизнь, отданная только литературѣ, только писательству, — ничему больше.

Я знаю: фразы и періоды были у него длинны, зато стиль письма былъ страшенъ. Но какое тонкое наслажденіе, даровано мечтателямъ: не знать любви и писать о ея блаженствахъ, какой трепеть переживать въ строкахъ нѣкъ, никогда не переживаемое въ жизни. Какъ напряжены бываютъ эти призывы міра людей, отверженныхъ этимъ міромъ, одержимыхъ болѣзью, лишенныхъ правъ на счастье, на очарованія женщинами, влюбленностью и многимъ другимъ, что называется нашими бѣдными, но и спасающими оболъщаніями.

Въ 1910 году я жилъ въ Римѣ, тамъ встрѣчался почти со всѣми русскими литераторами, пребывавшими тогда въ Вѣчномъ Городѣ, перевидалъ всѣхъ корреспондентовъ, и не только русскихъ, но и иностранныхъ, и только одного человѣка такъ и не встрѣтилъ нигдѣ — ни въ кафе, ни въ ресторанахъ, ни на улицѣ, ни въ эмигрантской библіотекѣ, и этотъ человѣкъ былъ М. К. Первухинъ.

Обыкновенно много трудящіеся люди испытываютъ глубокое неудовлетвореніе ихъ оцѣнкой. Невольно въ этихъ сердцахъ рождается недовольство современниками. Естественно и легко возникаетъ чувство зависти къ болѣе удачливимъ, прославленнымъ сосѣдямъ. Первухинъ былъ совершенно свободенъ отъ этихъ самоуцеленій. Ни зависти, ни даже случайнаго недоброжелательства онъ не вѣдалъ совсѣмъ. До конца своихъ дней онъ съ исключительной теплотой и самымъ искреннимъ признаніемъ

отзывался о Бунинѣ, Купринѣ, Алдановѣ, особенно Мережковскомъ и его послѣдней книгѣ „Наполеонъ“. А въ этой области Первухинъ могъ считаться однимъ изъ весьма освѣдомленныхъ людей. О Наполеонѣ онъ изучилъ богатѣйшую французскую, нѣмецкую, отчасти даже англійскую литературу, и казалось бы, имѣлъ права стать только критикомъ, и, можетъ быть, даже придиричивымъ. Но ничего, кромѣ словъ похвалы, онъ не проронилъ ни о Мережковскомъ, ни о его „Наполеонѣ“ и считалъ этотъ трудъ не имѣющимъ равнаго „по своей яркости, рельефности, картинности, по вразумительности и по жизненности“. Вообще, знанія Первухина были разнообразны, его лобопытство къ интереснымъ эпохамъ, людямъ, событіямъ, страницамъ исторіи было неутолимимъ, жаднымъ и горячимъ. И эта лобознательность росла у него изъ того же внутреннего влеченія къ фантастикѣ.

Не такъ давно имъ былъ выпущенъ романъ „Пугачевъ-Побѣдитель“. Можно было думать, что тутъ-то авторъ уже непремѣнно будетъ держаться исключительно тсчной исторической схемы. Но и этотъ романъ оказался „историко-фантастическимъ“, и это тѣмъ болѣе удивительно, что беллетристическое воображеніе автора здѣсь имѣетъ дѣло не съ будущимъ, какъ это всегда бываетъ съ утопическими произведеніями, а ограничено строгими рамками прошлаго, притомъ изслѣдованнаго и всѣмъ извѣстнаго времени. Первухинъ окружилъ пугачевщину собственными вымыслами, сфантазировалъ тревожную вѣсть о гибели Екатерины II и наследника Павла Петровича, подарилъ побѣду Пугачеву, посадилъ его на тронъ московскихъ царей, чтобы закончить романъ фразой Орлова: „Россія будетъ!“

Первухинъ былъ влюбленнымъ иллюзионистомъ. Это

былъ восторженный рабъ фантазіи. И свое письмо три года тому назадъ онъ прислалъ, откликнувшись на мою статью о значеніи вымысла и фабулы. Какъ странно! На нее же тогда откликнулся и Ю. И. Айхенвальдъ. О нихъ обоихъ одно за другимъ, будто слѣдъ въ слѣдъ я пишу сейчасъ эти прощальныя воспоминанія. Мремъ мы, мремъ, будто боясь опоздать къ какому-то сроку, отбывая поганую повинность смерти..

О ней есть умная фраза Тургенева въ письмѣ къ Флоберу:

— Нѣмая и глупая яма, которая даже не знаетъ, что она хоронитъ.

Аркадій Аверченко.

Аверченко прїѣхалъ къ намъ три года тому назадъ. Это было въ февралѣ 1923 г. Вмѣстѣ съ актеромъ Искольдовымъ и его женой, актрисой Раичъ, онъ совершалъ театральное турнѣ: ставилъ свои пьесы, самъ въ нихъ игралъ, со сцены читались его рассказы. Вечера проходили съ успѣхомъ. Почти тотчасъ же по прїѣздѣ онъ пришелъ въ редакцію. Мы встрѣтились послѣ многихъ лѣтъ разлуки, не выдавъ другъ друга болѣе пяти лѣтъ. Аверченко былъ все тотъ же.

Ахъ, конечно, я говорю не о человѣкѣ, не о другѣ, не о писателѣ. Тутъ не могло быть никакихъ неожиданностей, никакихъ превращеній и утратъ. Но и вѣдше онъ оставался такимъ же, какимъ я зналъ его 17 длинныхъ лѣтъ.

Между прочимъ, за весь этотъ періодъ судьбѣ было угодно сводить насъ въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ. Въ 1909 году я попалъ въ Харьковъ, туда прїѣхалъ Аверченко. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ мнѣ пришлось пожить въ Кіевѣ и тутъ опять произошла наша встрѣча. Черезъ нѣкоторе время мы снова сидѣли въ его номерѣ въ Одесской „Лондонской“ гостиницѣ. Затѣмъ я жилъ въ Москвѣ, но судьба занесла Аверченко ко мнѣ и сюда.

Теперь послѣднее свиданіе произошло уже въ Ревелѣ, и опять всѣ дни его пребыванія здѣсь мы провели, не разлучаясь, вмѣстѣ.

Ни выраженіе лица, ни общій тонъ рѣчи и отношеній къ жизни, ни довѣрчивая искренность, ни веселый, чуть-чуть лукавый смѣхъ, ни его льющееся остроуміе ничего не утратили въ своемъ прежнемъ обликѣ и своей свѣтлой красотѣ.

Эта недѣля мнѣ особенно памятна. Ему Ревель понравился. Его прельщала старина, эти узкія улицы, древнія зданія, ратуша, люди. Но и ревельцы сумѣли окружить его лаской, тепломъ и любовью. Аверченка приглашали наперерывъ.

Потомъ, когда онъ уѣхалъ, о немъ долго и много вспоминали, и я часто получалъ порученія посылать ему поклонны и привѣты въ письмахъ и однажды двѣ милыя дамы приказали мнѣ передать ему „поцѣлуй въ лобъ“. Я ему объ этомъ написалъ. Въ своемъ юмористическомъ отвѣтѣ (всѣ его письма ко мнѣ носятъ юмористическій характеръ) онъ выражалъ недоумѣніе:

— Ты пишешь: „Н. и Н. цѣлуютъ тебя въ лобъ“ (?!)... Милыя старомодныя чудачки! Не могли найти другого мѣста. О, какъ онъ выгодно выдѣляются на нашемъ разнузданномъ фонѣ и т. д.

Мой глазъ пріятно подмѣчалъ въ Аверченкѣ ту мягкую естественную, природную воспитанность, которая дается только чуткимъ и умнымъ людямъ. Его очарованіе въ обществѣ было несравнимо. Онъ умѣлъ держать себя въ новой и незнакомой средѣ легко, въ мѣру свободно, неизмѣнно находчивый, внимательный, ясный, равный и ровный со всѣми и для всѣхъ. Это большое искусство, имъ можетъ владѣть только талантливая душа, и Аверчен-

къ былъ данъ даръ плѣнительнаго шарма. Онъ покорялъ. Но рядомъ съ этой веселостью, внѣшней жизннерадостностью теперь въ его отношенія къ людямъ вплелась еще одна замѣтная нить: онъ былъ внимателенъ и заботливъ къ другимъ. Правда, отзывчивость всегда была одной изъ его прелестныхъ чертъ. Теперь она стала углубленной, преобразившись изъ готовности откликнуться въ исканіе возможности помочь, помочь и услужить. Прежде онъ не могъ отказывать, сейчасъ онъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи быть полезнымъ.

Изъ его писемъ я знаю, какія хорошія воспоминанія онъ сохранилъ о Ревелѣ. Черезъ годъ я его звалъ сюда для общей работы въ газетѣ. Между прочимъ, я прибавлялъ, что крупнаго аванса ему не вышлютъ. Онъ отвѣтилъ мнѣ все въ томъ же юмористическомъ тонѣ:

— „...Письмо твое я получилъ, но что я могъ отвѣтить, если въ главномъ мѣстѣ своего письма ты тихо и плавно сошелъ съ ума. Будь еще около тебя, ну... пощупалъ бы лобъ, компрессъ приложилъ, что-ли. А что можно сдѣлать на разстояніи? Ты, конечно, съ захватывающимъ интересомъ ждешь: что же это за мѣсто письма такое? А мѣсто это вотъ какъ: — (ахъ, ты ли это писалъ?). „Разумѣется о томъ, чтобы выслать тебѣ большой авансъ, — не можетъ быть и рѣчи“. Скажи: другъ ты мнѣ или нѣтъ? Какъ же у тебя повернулась рука написать такое? Да гдѣ же это видано, чтобы челоуѣкъ съ моимъ роскошнымъ положеніемъ и тѣлосложеніемъ приглашали, какъ полубѣлую кухарку?“

И заканчивалъ тоже юмористически:

— „Эхъ, братъ, горько мнѣ! А получи я гарантію — да я бы къ тебѣ на бровяхъ доползъ...“

Тогда онъ уже былъ очень ведурно устроенъ въ

Прагъ и все-таки это согласіе перебраться въ Эстонию у него было не простымъ словомъ вѣжливости, а, дѣйствительно, выраженіемъ самаго искренняго желанія.

И въ смыслѣ художественномъ, и въ смыслѣ матеріальномъ выступленія Аверченко проходили съ отличнымъ успѣхомъ и завидными результатами. Онъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ сборовъ и въ Ревелѣ и въ Юрьевѣ, отовсюду унося съ собой самыя отрадныя впечатлѣнія. Слегка, чуть-чуть его огорчила только Нарва. Ему неказалось, что съ его спектакля взяли слишкомъ большой налогъ. И съ своей обычной беззаботностью, добродушно подсмѣиваясь, онъ написалъ объ этомъ фельетонъ, а въ немъ говорилъ:

— „Всѣ знаютъ, что я извѣстенъ своей скромностью по всему побережью. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не могу удержаться, чтобы не похвастать: есть такой городъ, который я содержу на свой счетъ! Этотъ городъ — Нарва. Я пріѣзжаю въ городъ, привожу свою труппу, выпускаю афишу, снимаю театръ, въ день своего вечера играю пьесы, читаю рассказы, получаю за это деньги и потомъ... всѣ деньги аккуратно вношу нарвскимъ отцамъ города. На мои деньги эти отцы благоустраиваютъ мостовыя, проводятъ электричество, исправляютъ водопроводъ и... ахъ, да мало ли у города Нарвы насущныхъ нуждъ! И обо всемъ я долженъ позаботиться, все оплатить.хлопотливая штука!“

Конечно, и тутъ не было никакой гнѣвности. Аверченко шутилъ. Нарвцы это такъ и поняли. Кто-то прислалъ оттуда отвѣтную полемическую статью, но и она тоже была незлобной, а веселой. Редакція не помѣстила ее, не желая длить полемику между нашими

гостемъ и городомъ, взыскавшимъ все-же совершенно законный налогъ.

Во всякомъ случаѣ турнэ по Эстоніи для него не было утомительнымъ. Для него эта недѣля прошла незамѣтно. Его не беспокоили, къ нему не стучались, ему не надоѣдали. Но вообще эта новая профессія, временная профессія актера для него была тяжела.

Всю свою жизнь Аверченко провелъ независимо, оставаясь вольной птицей, издатель и редакторъ собственнаго журнала, широко расходившагося, приносившаго большія и легкія деньги. Какъ страстно ни любилъ Аверченко театр, — крѣпко связанный съ нимъ многоразличными узами автора, зрителя, друга, — доля кочующаго актера была не по немъ и не для него.

Передъ началомъ перваго спектакля я зашелъ къ нему въ уборную. Онъ былъ почти готовъ къ выходу и стоялъ, оправляясь предъ зеркаломъ. На немъ былъ чудесно сшитый фракъ. Когда я ему объ этомъ сказалъ, онъ съ улыбкой, поправивъ свое неизмѣнное пенснэ, отвѣтилъ:

— Да, всѣ воспоминанія прошлаго хороши. Теперь ужъ такого не спить.

И вотъ тутъ, въ эти короткія минуты, оставшіяся до поднятія занавѣса, онъ пожаловался мнѣ на свою актерскую тяготу. Ему были непріятны эти однообразныя повторенія однихъ и тѣхъ же пьесъ, эти перевозки, упаковки и распаковки чемодановъ, номера гостиницъ, афиши, хожденія за визами. Особенно надоѣдало играть свои собственные вещи.

Послѣдній разъ мы пообѣдали въ „Золотомъ львѣ“, тамъ-же, гдѣ онъ остановился. Все было уже уложено.

Чемоданы стояли ввызу, въ передней. Поѣздъ отходилъ въ 6 вечера.

Мы поѣхали на вокзалъ и тамъ простились.

Смѣясь, онъ, между прочимъ, сказалъ мнѣ:

— Лучшій некрологъ о тебѣ напишу я.

И шутливо прибавилъ:

— Вотъ увидишь.

— Подожди меня хоронить, — отвѣтилъ я. — Мы еще увидимся.

Но увидѣться было не суждено и некрологъ пришлось писать не ему обо мнѣ, а мнѣ о немъ.

Сейчасъ я смотрю на его карточку. Сильная кисть правой руки чуть-чуть собранная въ полукулакъ, уперлась въ подбородокъ; сквозь пенснэ безъ пшурка смотрятъ задумчивые, добрые глаза; милая голова милого человѣка чуть-чуть склонилась внизъ. На другой сторонѣ карточки смѣлая и правдивая надпись, продиктованная вѣрнымъ сердцемъ.

Затуманившійся міръ.

Перебѣжавшему въ СССР писателю Скитальцу сама судьба приготовила ядовитую месть. Никто сознательно не собирався его обидѣть. Все вышло само собой. Насмѣшка судьбы стала тѣмъ ехиднѣй, что ея жала, ея острия оказались дружественными.

Будто оговорившись, по плану, сразу въ двухъ книгахъ подняли на смѣхъ Скитальца люди, связанные съ нимъ прошлымъ, общей работой, участіемъ къ однимъ и тѣхъ же кружкахъ, сотрудничествомъ въ журналахъ и альманахахъ.

Вспоминая Леонида Андреева, Горькій рассказываетъ о его талантѣ схватывать и развивать намекъ въ картину, анекдотъ въ повѣсть, отдѣльную психологическую черту въ цѣлый характеръ.

— Что такое С.? — спрашивалъ Леонидъ Андреевъ.

— Тигръ изъ мѣхового магазина.

Для Андреева этого довольно. Онъ смѣется и понизивъ голосъ, точно сообщая тайну, начинаетъ импровизировать:

— А, знаете, — надо написать человѣка, который убѣдилъ себя, что онъ герой, эдакій разрушитель всего сущаго, и даже самъ себя страпентъ, — вотъ какъ! Всѣ

ему вѣрять, — такъ хорошо онъ обманулъ самъ себя. Но гдѣ-то, въ своемъ уголкѣ, въ настоящей жизни, онъ — просто жалкое ничтожество, боится жены или даже кошки*).

Кто же этотъ писатель „С.“?

Стоявшіе вдали отъ московскихъ литературныхъ кружковъ могли бы не угадать. Теперь послѣ того, какъ вышла книга И. А. Бѣлоусова**), этотъ „С.“ перестаетъ быть загадочнымъ: рѣчь идетъ все о томъ же злополучномъ Скитальцѣ.

Въ Москвѣ долго существовалъ кружокъ писателей, — „Среда“, и въ этотъ день собирались для литературныхъ бесѣдъ Андреевъ, Бунинъ, Горькій, Телешовъ, Тимовскій, Серафимовичъ, Зайцевъ, еще и еще.

На одной изъ такихъ „Средъ“ Скиталецъ прочелъ свой рассказъ про какого-то кочегара, описалъ его въ ультра-реалистическихъ тонахъ, надѣлили его необычайными качествами, сверхчеловѣческой силой, и руки у кочегара были „железные“, мускулы — „стальные“, жилища, какъ „проводаки“.

Послушавъ рассказъ, Горькій сказалъ:

— Ну, и герой же у тебя, Степанъ, — словно тигръ изъ мѣхового магазина.

Такъ вспоминаетъ Ив. Бѣлоусовъ.

Скиталецъ всегда былъ курьезенъ и ничтоженъ. Одѣвался, какъ Горькій, носилъ поддевку, высокіе сапоги, картузь, вмѣстѣ съ Горькимъ появлялся въ общественныхъ мѣстахъ и въ театрѣ, и его иронически называли „Подмаксимкомъ“.

*) М. Горькій. О писателяхъ. Издательство „Федерация“. Москва. 1928.

**) И. А. Бѣлоусовъ. Литературная среда. Воспоминанія 1880—1928. Коопер. издательство писателей. „Никитинскіе субботники“. Москва. 1928.

Серьезно къ нему никто не относился. Особенно любилъ его вышучивать Леонидъ Андреевъ. О немъ онъ сочинялъ самыя забавныя анекдоты.

Разсказывалъ, какъ Скиталецъ съ женой прїѣхали въ Ялту: сняли комнату, и, какъ положили чемоданъ на самомъ порогѣ у входа въ комнату, такъ и не собрались убрать его съ дороги. Все лѣто такъ и ходили, перешагивая черезъ него, до самаго отъѣзда.

Еще Андреевъ сочинилъ юмористическій разсказъ о Скитальцѣ и козѣ.

Скиталецъ женился на дочери симбирскаго городского головы, болѣзненной женщинѣ. И, вотъ, ей посоветовали нить козье молоко. Было рѣшено купить козу. Пошелъ Скиталецъ на базаръ и привелъ козла.

Дѣлать нечего, — его оставили на дачѣ. А онъ оказался такимъ озорнымъ, что съ нимъ не было никакого сладу. Козелъ забирался на постели, на столы, перебилъ всю посуду. Тогда Скиталецъ рѣшился на отчаянное средство: онъ потихоньку отъ козла собралъ все свое имущество и переѣхалъ на другую дачу, а козла оставилъ одного въ пустомъ домѣ.

Скитальцу Андреевъ давалъ иногда удивительныя совѣты.

Какъ-то онъ увидѣлъ, въ передней его енотовую шубу. За лѣто ее всю съѣла моль.

Скиталецъ пожаловался Андрееву:

— Вотъ не знаю, что дѣлать, вся шерсть выгѣзла, одна мездра осталась.

— Это не бѣда, — отвѣчаетъ серьезно Андреевъ, — купи въ аптекѣ мазь для роженія волосъ, смажь погуще шубу, — вотъ тебѣ и все.

Андреевъ уѣбралъ, что и этотъ совѣтъ Скиталецъ принялъ въ серьезъ.

Среди писателей самъ вспоминающій Бѣлоусовъ слылъ за доброжелательнаго, мягкаго и услужливаго человѣка, и многіе факты эту репутацію подтверждали и оправдывали.

Но прошли годы, человѣкъ написалъ свои мемуары, и теперь я ужъ не сказалъ бы, что техъ авторъ всегда только добръ и благожелателенъ.

Рѣшительно ничего не стояло въ жизни между нимъ и Андреевымъ. Не только не пробѣжало ни одной черной кошки, но, талантливый, кристальной души человѣкъ, Андреевъ одаривалъ Бѣлоусова вниманіемъ и лаской и дружбой. Кажется, за все время ихъ знакомства, Андреевъ одинъ единственный разъ уклонился отъ бѣлоусовскаго предложенія и теперь заслужилъ горькій укоръ.

Въ 1912 г. Бѣлоусовъ рѣшилъ выпускать ежемѣсячный журналъ „Путь“. Съ просьбой о сотрудничествѣ онъ обратился и къ Андрееву. Тотъ отвѣтилъ письмомъ, гдѣ добродушно говорилъ о своемъ „корыстолобїи“, сознавался, что „пишетъ маловато“, получаетъ 1500 рублей за листъ и совѣтовалъ подумать: „выгодно ли изда-телю платить такія безумныя деньги?“

Казалось бы, ничего, кромѣ милаго и дружескаго тона, нельзя разслышать въ этихъ строкахъ. Но Бѣлоусовъ и сейчасъ готовъ поставить этотъ отказъ въ упрекъ Андрееву, уже покойнику, и приводить въ сравненіе и примѣръ отвѣтъ Горькаго.

Это — не доброта.

Точно также никакихъ треній и столкновеній у Бѣлоусова никогда не было и съ Купринимъ. Наоборотъ: когда въ пользу раненыхъ группа московскихъ литерато-

ровъ и газетныхъ работниковъ рѣшила издать альбомъ автографовъ, и Бѣлоусовъ обратился съ просьбой къ Куприну, тотъ немедленно отозвался, и опять ничего, кромѣ благодарности, не долженъ былъ заслужить.

Какъ же вспоминаетъ теперь объ этомъ добросердечный Бѣлоусовъ?

А онъ говоритъ такъ:

— Наиболѣе воинственные изъ нихъ писали:

„Врага влечетъ гордыни темный рокъ.

Звѣзда любви сіяетъ передъ нами,

Мы міру миръ скуемъ мечами, —

За нами правда. Съ нами Богъ!...“

— Эта карточка подписана, — объясняетъ Бѣлоусовъ, — „А. Купринъ, 1914 г. 18 сентября. Гатчина“.

И прибавляетъ:

— Но не только писатели изъ Гатчины бряцали оружіемъ и лихо гарцовали вдали отъ передовыхъ позицій, — находились такіе и въ Москвѣ, — въ общемъ ихъ было немного.

Таковы эти благожелательныя воспоминанія.

Вообще въ нихъ много невѣрнаго, и пристрастнаго, и фальшиваго, принесеннаго личной неудовлетворенностью, но также, конечно, и сегодняшнимъ днемъ, со-вѣтской атмосферой, большевицкимъ деспотическимъ графаретомъ.

Что можетъ быть страшнѣй и безпощаднѣй цензуры въ СССР? Но Бѣлоусовъ объ этомъ не говоритъ ни единого слова. Зато „царской цензурѣ“ достается жестокое осужденіе.

Эта „царская цензура накладывала свою лапу на печатное слово“, „она не менѣе зорко слѣдила и за устнымъ словомъ“. Приводится примѣръ. Въ сентябрѣ 1913

г. исполнилось 50-лѣтіе газеты „Русскія Вѣдомости“. Днемъ было назначено засѣданіе въ „Славянскомъ Базарѣ“, вечеромъ подписной ужинъ-банкетъ. Начались рѣчи.

Послѣ одной изъ нихъ, дежурный приставъ закрылъ собраніе. Нѣкоторые стали уходить. Другіе остались слѣдѣть.

И. А. Бунинъ заявилъ приставу, что онъ не уйдетъ, пока ему не подадутъ заказанный кофе. Приставъ попросилъ Бунина слѣдовать за собой для составленія протокола.

— Нѣтъ, вы за мной слѣдуйте, — сказалъ Бунинъ и пошелъ къ своему столу.

— Ваше имя и званіе? — спросилъ приставъ. Бунинъ далъ ему свою визитную карточку.

Приставъ началъ составлять протоколъ. Бунинъ заявилъ, чтобы въ свидѣтели былъ поставленъ, между прочимъ, академикъ Овсяннико-Куликовскій, а на другой день поѣхалъ къ градоначальнику.

Тотъ, выслушавъ его, сказалъ, что ничѣмъ не можетъ ему помочь.

— Да я не защиты пріѣхалъ просить у васъ, — объявилъ Бунинъ, — а жаловаться на некорректное поведеніе вашихъ подчиненныхъ.

И градоначальникъ сразу перемѣнилъ тонъ, предложилъ писателю кресло и очень огорчился тѣмъ, что свидѣтелемъ былъ вызванъ академикъ Овсяннико-Куликовскій, и Бунинъ самъ оказался тоже почетнымъ академикомъ.

И дѣло было замято.

Такъ, вотъ, какъ несправедливо и жестоко обращалась „царская цензура“, и какъ тяжела была ея „лапа“. Попробовалъ бы сейчасъ Бьлоусовъ устроить банкетъ

и произнести антигосударственную рѣчь, и послушалъ бы я, какъ это онъ сталъ бы разговаривать съ дежурными чекистами, и хотѣлъ бы я узнать, что ему было бы уготовано, и какъ бы все это кто-нибудь сумѣлъ бы замѣть.

Но объ этомъ Бѣлоусову писать въ высшей степени неудобно и даже невозможно, хотя теперь „царской цензуры“ въ СССР нѣтъ.

Лишь едва слышными намеками, тихимъ шопотомъ доносятся мѣлкія жалобы нашего бѣднаго мемуариста, но и онѣ всѣ смягчены и произнесены не отъ его собственного лица, а отъ имени другихъ, между прочимъ, устами И. С. Шмелева. Бѣлоусовъ вспоминаетъ, какъ авторъ „Человѣка изъ ресторана“, „нервный, съ горячимъ темпераментомъ“, всегда очень отзывчивый на чужое горе, энергичный и бодрый, послѣ Крыма вернулся въ Москву.

И. С. Шмелевъ съ гнѣвомъ и жалостью говорилъ о молодѣ въ Поволжьѣ и самъ очень измѣнился.

— Я едва узналъ его при встрѣчѣ, — пишетъ Бѣлоусовъ. — вмѣсто живого, подвижнаго и всегда бодрого, я встрѣтилъ согнутаго, сѣдого, съ отросшей бородой, разбитаго человѣка. Въ Москвѣ онъ нѣсколько поправился, но страшно тосковалъ, что не можетъ писать.

— А писать хочется и есть о чемъ, — говорилъ Шмелевъ: — сложилась повѣсть „Черный Спасъ“.

Бѣлоусовъ неосторожно прибавляетъ:

— Страшно подумать, чтобы такой человѣкъ какъ Шмелевъ, воспитанный въ укладѣ русской жизни, въ русской жизни, любящій русскій народъ, могъ жить вдали отъ того, что составляетъ его нутро.

И впрямь: это и страшно и горько.

Но это страшное идет не только отъ страдающаго лика И. С. Шмелева, и не только отъ одной его трагедіи, страшное во многомъ, страшное — вездѣ. Развѣ можно забыть смерть Андреева въ Финляндіи, развѣ не страшны страданія его матери Настасьи Николаевны?

Цѣлые дни проводила она у гроба сына. Она читала ему газеты, бесѣдовала съ нимъ; потомъ обстоятельства заставили ее уѣхать въ Вамельсу, гдѣ она поселилась во флигелѣ. Большой домъ Леонида Андреева былъ необитаемъ.

Ее рѣдко кто посѣщалъ тамъ, но однажды, знакомые зашли навѣстить ее и нашли лежащей на полу мертвой.

Не задолго до смерти она покушалась покончить съ собой, — ее во время спасли отъ самоубійства.

За эти годы свершены большіе поѣзды страшнаго, — вездѣ, у всѣхъ, — и на нашей литературной рѣкѣ перестали переключаться веселые голоса. Счастливый міръ затуманился.

О тиграхъ.

Бываетъ слово изъ забытой пѣсни. Въ осенній вечеръ, средѣ тишины, вдругъ услышишь пропѣтую и оборвавшуюся строчку, загорятся воспоминанія, бывые дни обѣгутся, толпясь и перегоняя другъ друга.

Такъ случилось сегодня со мной.

Я прочелъ въ газетѣ нѣсколько строкъ И. А. Бунина о „тигрѣ изъ мѣхового магазина“, о Леонидѣ Андреевѣ, его подчиненіи Горькому („угодѣ“) и на минуту все стало тоже пушистымъ и мягкимъ, какъ этотъ магазинный тигръ, память воскресила далекіе образы, далекіе дни.

Бунинъ внесъ поправку въ мою статью: выраженіе „тигръ изъ мѣхового магазина“ принадлежитъ ему, а не Горькому и не Андрееву. Курьезъ въ томъ, что Горькій это сравненіе вкладываетъ въ уста Андрееву*), а Бѣлуосовъ великодушно даритъ остроумное опредѣленіе этому самому Горькому.

Спору нѣтъ: выраженіе удачно, но дѣло не въ этомъ. И. А. Бунинъ указываетъ на духовное подчиненіе Андреева Горькому. Оно было. Впрочемъ, можно сказать еще

*) М. Горькій. О писателяхъ. Изд-во „Федерация“ Москва. 1928.

точнѣй: Андреевъ не „угождалъ“ Горькому, а влюбленію имъ плѣнялся. Въ этомъ сказалась благодарная душа. Никогда Андреевъ не могъ забыть услуги, оказанныя ему Горькимъ, эти первыя ободренія и открытенія, растрогавшія его, тогда почти еще никому неизвѣстнаго сотрудника газеты „Курьеръ“.

Андреевъ былъ очарованъ. Этотъ періодъ я хорошо помню. „Алексѣй Максимовичъ“ не сходилъ у него съ языка. Такъ продолжалось долго. Андреевское отношеніе къ Горькому измѣнила война. Но и въ 1915 г. на полномъ собраніи своихъ сочиненій онъ сдѣлалъ трогательную и дружескую надпись Горькому. Въ своей любви къ нему, въ чувствѣ благодарности Андреевъ оставался неизмѣннымъ.

Сейчасъ, въ журналѣ „Красная Новь“ нѣкій К. Злинченко рассказываетъ о своемъ визитѣ къ Андрееву. Это было въ 1906 г. Андреевъ жилъ въ Глюнгѣ, въ отелѣ „Монтъ-Флери“. Тамъ же находился Горькій. К. Злинченко пріѣхалъ для полученія подписи Андреева подѣ воззваніемъ, обращеннымъ „къ рабочимъ Швейцаріи“.

И тутъ Андреевъ высказалъ все то же — свое любовное, восхищенное отношеніе къ Горькому. Знакомая съ нимъ пріѣзжаго, Андреевъ оживленно и радостно сказалъ:

— Вотъ это и есть основатель комитета безработныхъ.

Горькій захотѣлъ войти въ члены комитета, и Андреевъ съ гордостью говорилъ К. Злинченку:

— Вотъ видите, какого я далъ вамъ члена! Горькій — это побольше Андреева.

И это у него было искренне. Андреевъ не умѣлъ и

не любилъ лгать, не хотѣлъ притворяться. Въ немъ таились нѣкоторыя актерскія замалки, но и онѣ не затемняли правдивости андреевскаго сердца, его честной и смѣлой, откровенной искренности.

Тутъ надо указать еще на одну черту Андреева. Онъ не принадлежалъ къ людямъ воли. Въ немъ чувствовалась надорванность или слабость, во всякомъ случаѣ, неустойчивость, какая-то раздвоенность. Онъ это зналъ самъ. Особенно ясно эта черта стала имъ ощущаться подъ конецъ жизни.

— Во мнѣ живутъ два человѣка, непохожихъ одинъ на другого, — говорилъ онъ И. А. Бѣлоусову.

Писалъ ему:

— Последніе мѣсяцы я испытываю странную и опасную развинченность моей личности. Это не то, что раздвоеніе, а раздесятеніе и даже больше; а захватываетъ оно не только мою духовную сферу, но губительно отражается и на физической сторонѣ.

Въ этой дупѣ были поселены многіе страхи, терзающія предчувствія, ночныя безпокойства. Какъ-то послѣ одной изъ литературныхъ средъ Андреевъ остался ночевать у Бѣлоусова. Ему послали въ кабинетъ. Подъ утро зашелъ въ комнату хозяинъ. Андреевъ не ложился.

— Что же ты не спишь?

— Боюсь: думаю, что если лягу, то умру.

Горькій былъ сильнѣй, крѣиче, здоровѣй, просто выносливѣй. Въ ихъ отношеніяхъ съ Андреевымъ играло роль преобладаніе у Горькаго волевой силы. Онъ былъ проще и яснѣй, и это могло подавлять мягкую, тревожную натуру Андреева. Его природную нѣжкость, колеблемую душу пугали грубость и дѣланная прямота Горь-

каго, этой дупѣ импонировала размашистая разухабистость Скитальца.

И. А. Бунинъ правъ: къ Скитальцу, этому „тигру изъ мѣхового магазина“ Андреевъ мило относился „не только за страхъ, но и за совѣсть“.

Какъ-то мы сидѣли съ Скитальцемъ-Петровымъ, говорили о Л. Андреевѣ.

Съ большимъ самодовольствомъ Скиталець мнѣ напомнилъ:

— Вотъ, въ своей „Безднѣ“ Андреевъ заставляетъ своего студента Немовѣцкаго при воспоминаніи о Зинчкѣ произнести стихи: „Всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою.“

— Вы знаете, — неожиданно спросилъ Скиталець, — чьи эти стихи?

— Не знаю.

— Мои, — съ гордостью закончилъ Скиталець.

Въ этомъ не было ничего напускнаго: Андреевъ со-всѣмъ не восхищался Скитальцемъ. Но въ немъ жилъ всегда хорошій, сердечный и ласковый товарищъ. Вкладывая въ уста своего героя стихотворную строку Скитальца, Андреевъ хотѣлъ доставить маленькое удовольствіе своему пріятелю, товарищу по писательскую кружку, — и только.

Вообще надо знать то время, чувствовать общую настроенность этого „затуманившагося міра“, вспомнить какъ жили, дружили эти люди, какъ много воодушевленій и надеждъ трепетало въ этихъ сердцахъ, чтобъ не удивляться ни ласковой общительности, ни взаимной сердечной внимательности этихъ писателей, вдругъ молніеносно освѣтившихся золотыми лучами всходящей всероссійской славы.

Теперь почти вымысломъ кажется, ироніей звучить горячая похвала Горькаго, высказанная Бунину и его стихамъ. А похвала была.

Вотъ — только что опубликованы „Письма Максима Горькаго къ Валерію Брюсову“. *) Тогда онъ получилъ книгу стиховъ Бунина — „Листопадъ“.

— Съ благодарностью извѣщаю, — пишетъ Горькій Брюсову, — что получилъ прекрасную книжку стиховъ Бунина, коего считаю первымъ поэтомъ нашихъ дней.

Такъ въ тѣ годы отзывался нынѣшній кумиръ пролетаріата объ „идеологѣ буржуазіи“, совѣтскій пѣснопѣвецъ о „дворянинѣ-эмигрантѣ“. А эту „осеннюю поэму“ — „Листопадъ“ И. А. Бунинъ посвятилъ М. Горькому.

Правда, уже тогда между ними лежала пропасть и оба стояли на противоположныхъ берегахъ рѣки, по разному чувствуя, различно думая, каждый по своему оцѣнивая событія и ломавшуюся исторію русской жизни. Насколько охотно Андреевъ шелъ въ одной упряжкѣ съ Горькимъ, настолько далеко былъ имъ Бунинъ.

И. А. Бунинъ оставался въ сторонѣ отъ многихъ выступлений и Горькаго и Андреева. Горькаго это возмуцало. Онъ готовъ былъ упрекнуть его въ холодѣ и равнодушіи. Негодую на правительственныя мѣропріятія, направленныя противъ студентовъ, Горькій зло отзывается о Бунинѣ:

— Это возмутительно и противно до невыразимой злобы на все, — на Цвѣты „Скорпіона“**) и даже на Бунина, котораго люблю, но не понимаю, — какъ талантъ

*) „Печать и революція“. Книга V. Госизд Москва 1928. „Письма М. Горькаго къ Брюсову“.

**) Альманахъ „Сѣверные Цвѣты“ на 1901 г., собранные книгоизд-вомъ „Скорпіонъ“.

свой красивой, какъ матовое серебро, онъ не отточить въ ножъ и не ткнуть имъ, куда надо.

Эти укоры Горькаго были не послѣдніе. Горделивая холодность Бунина ему не нравилась. Въ этой чертѣ (благородной!) ему чудилось высокомеріе. Горькій допускалъ здѣсь даже рисовку или кокетство. Конечно, это вздоръ, но вздоръ понятный, такъ легко объяснимый вздоръ! Тутъ дѣло даже не въ пониманіи или непониманіи, не въ степеняхъ чуткости, не въ горьковской глухотѣ, — причина въ разности культуръ.

Духовный обликъ Бунина, самъ по себѣ, долженъ быть не только чуждымъ Горькому, но и глубоко ему враждебнымъ въ своихъ наслѣдственныхъ чертахъ, въ своемъ міровоспріятіи, во всемъ своемъ внутреннемъ строѣ, въ своей непримиримости, какъ непримиримы ложный пафосъ и спокойная мудрость, миражи и яность, пошлость и красота, гордость и расчетъ, дальновидность и ослѣпленіе, знаніе и верхоглядство, умъ и резонерство.

Ближе, родственнѣй, дороже и цѣннѣй для Бунина всегда былъ Чеховъ и, въ противоположность горьковской вывнченности тѣхъ лѣтъ, этимъ декламаторскимъ пристрастіямъ, нагроможденности, превыспренности, навинченному колочению въ грудь до звона въ ухахъ, стиль Чехова и Бунина пріобрѣтали и обрѣли прозрачную просвѣтленность. Недаромъ Чеховъ писалъ Горькому:

— У Васъ нѣтъ сдержанности. Вы, какъ зритель въ театрѣ, который выражаетъ свои восторги такъ несдержанно, что мѣшаетъ слушать себѣ и другимъ. Это не размахъ, не широта кисти, а именно несдержанность.

Еще болѣе опредѣленно эти признаки некультурности, эту литературную наивность Чеховъ отмѣчаетъ дальше:

— Въ изображеніяхъ интеллигентныхъ людей чувствуется напряженіе, какъ будто осторожность; это не потому, что Вы мало наблюдали интеллигентныхъ людей — Вы знаете ихъ, но точно не знаете, съ какой стороны подойти къ нимъ.

Это очень мѣтко. Здѣсь — тайна и основная причина духовнаго размиренія между Горькимъ и Бунинымъ. Ни о какой классовой розни не можетъ быть и рѣчи. Да и что же это за пролетарій такой — Горькій, — „богаты и знатны Кочубей“ съ одной стороны, а съ другой: давно ли марксизмъ и ленинизмъ стали выдавать боснякамъ почетные пролетарскіе паспорта, видъ на рабочее жительство?

Нѣтъ, корень сидитъ въ другомъ — въ культурѣ, ея органической отчужденности отъ некультурности, полунинтеллигентности, литературнаго демимонданства, мѣщанской лукавки, нескромной навязчивости, хитроумія, а не ума. „Холодъ, холодъ!...“ Какъ хорошо писалъ Бунину Чеховъ:

— Садитесь писать нужно тогда, когда чувствуешь себя холоднымъ какъ ледъ!

Вотъ почему въ самомъ дѣлѣ „лигръ изъ мѣхового магазина“ могъ быть выпущенъ на литературную улицу только Бунинымъ, ироніей этого человѣка, его „холоднымъ“ пониманіемъ моднаго тогда разлюли — огарочнаго декламаторства о міровомъ, о вселенскомъ воеотрицаніи всѣхъ небесъ и всѣхъ земель и всѣхъ водъ, одинаково соленыхъ и прѣсныхъ, стоячихъ и текущихъ, какъ есть какой-то загадочный, но тоже какъ-то и куда-то „текущій моментъ“.

Развѣ могъ Горькій такъ зло отозваться о Ски-талыцѣ? Вѣдь, это же былъ бы ударъ собственной палкой

по своей же головѣ, братоубійство, воистину Каиново преступленіе. Еще бы: оба — блузники, оба крушители, оба — „гусли звончаты“, оба въ угрожающей позѣ, и если на витрину поставить одного тигра — Скитальца, — то сама справедливость потребуетъ, чтобы рядомъ съ нимъ красовался и другой тигръ, а на немъ ярлыкъ: „Горькій“. Умиительно: въ горьковской книгѣ Скиталець поруганъ, но въ „Красной Новы“ этотъ Скиталець почтительнѣйше помѣстилъ „Воспоминанія о Горькомъ“. Впрочемъ, такъ вѣдь и было съ двумя братьями, — и одинъ изъ нихъ звался Авелемъ, и его убилъ Каинъ.

IV.

И. Бабель.

Онъ зыбокъ, онъ нервень, онъ талантливъ.

Я помню:

Однажды на мою петербургскую квартиру беллетристъ Ефимъ Зозуля, тогда начинавшій свой литературный путь, привелъ маленькаго Бабеля. Онъ былъ въ студенческомъ мундирѣ и своей простотой, сдержанностью и молодой доврчивостью произвелъ на меня очень пріятное впечатлѣніе. Это былъ не только веселый, но и очень смѣшливый человѣкъ. Часто, засидѣвшись у насъ до поздней ночи, онъ оставался спать, и уже только потомъ я узналъ, что у Бабеля не было права жительства, что студенческій стуртукъ онъ носилъ, какъ панцырь, защищавшій его отъ придирокъ дворника и полиціи, что онъ снималъ комнату у какого-то шумнаго и вѣчно пьянаго лакея.

Въ тогдашнемъ Бабелѣ чувствовалось скрытое беспокойство и какая-то усталость. Его подвижность, переходившая въ суетливость, вскрывала нервную непосѣдливость и неуверенность въ себѣ. Онъ мало говорилъ, зорко наблюдалъ, и въ этой наблюдательности была жадная напряженность. Вообще онъ жилъ насторожѣ.

Это было въ 1916 году.

Какъ-то разъ Зозуля показалъ мнѣ бабелевскій разсказъ. Бабель былъ на столько скроменъ, что самъ не рѣшался занять чужое вниманіе этимъ едва ли не первымъ опытомъ своего пера. Я прочелъ: безъ всякаго труда угадывалось вліяніе Мопассана. Бабель вообще былъ въ плѣну у французовъ. Сначала его дразнилъ Мопассанъ, потомъ оглушалъ Барбюсъ.

Черезъ три года — въ 1919 г. — я слушалъ въ одесскомъ „Крестыянскомъ Дворцѣ“, какъ Бабель читалъ свой новый разсказъ. И снова было то же: — Мопассанъ.

Его тревожили темы любви, — точнѣй, чувственности. Въ этой области Бабель былъ и остался вѣренъ своимъ фізіологическимъ тяготѣніямъ. Ихъ легко разыскать во всѣхъ его книгахъ, о нихъ говорятъ его сравненія, подмѣчанія, его темы. Онъ любитъ страсть и плоть. Его женщины никогда не овѣяны чистыми прелестями идеалистическихъ мечтаній. Его глазъ схватываетъ въ нихъ то скрытаго, плотояднаго, чувственнаго звѣря, то наивную и откровенную грубость большого тучнаго животнаго.

Одинъ изъ его разсказовъ называется „Первая любовь“, но и здѣсь красивая Галина Аполлоновна „слонялась съ бессмысленной улыбкой на „мокрыхъ губахъ“, „подымала халатъ выше колѣна и говорила мужу: — „поцѣлуй ваву“. Она „по цѣлымъ днямъ держала мужа за руки“, „не сводила съ него глазъ, потому что не видѣла мужа полтора года“, и Бабель, помнить, какъ уже тогда, десятилѣтнимъ мальчикомъ, онъ „ужасался ея изгляда, отворачивался и трепеталъ“, „въ ликующихъ ея глазахъ видѣлъ удивительную постыдную жизнь всѣхъ людей на землѣ“, какъ „необузданные вымыслы“ терзали его.

И все-таки образъ Галины Аполлоновны — исклю-

ченіе. Это „первая любовь“, интимныя переживанія отрочества. Но типичнымъ и наиболее частымъ гостемъ его книгъ является звѣроподобная и массивная, вожделѣющая баба, страдающая отъ желаній, „обильной пищи и любовнаго пота“ („Король“). Такъ чувствуетъ огромная Бася Грачъ, говорящая „оглушительнымъ басомъ“, такой же звѣрь Сашка, отдающаяся кучеру въ двухъ шагахъ отъ своего умирающаго любовника („Шевелевъ“). И у Любки Козака авторъ примѣчаетъ „чудовищный ея сосокъ“, и такой же промадой, тушей изъ крови и мяса, представляется еврейка, изнасилованная махновцами — „толстуха съ цвѣтущими щеками“, налитая „коровьими соками“ — и „ноги дѣвушки жирныя, кирпичныя, раздутыя, какъ шары, воняли приторно, какъ только что выпрѣзанное мясо“.

И всѣ „соски“, „шары“, „мясо“, „любовный потъ“, эта нарочитая и подчеркнутая рѣзкая грубость — все это слѣдствія горьковскаго вліянія. Это отъ Горькаго, изъ Горькаго, несчастные дары Горькаго. Въ смѣшанной черезполосицѣ испытанныхъ вліяній Бабель кажется какимъ-то французско-нижегородскимъ.

Черезъ Горькаго къ Бабелю пришла и чрезмѣрность. Онъ тянется къ гиперболѣ. Ему нужна необычайность. Такъ странно: Бабель импрессионистъ. У него почти нѣтъ фигуръ — одни силуэты. Онъ чувствуетъ неясную и зыбкую призрачность своихъ писаній, своего рисунка и именно поэтому — сознавая эти недостатки, эту нехватку — старается возмѣстить ихъ нагроможденіями, массивностью, подчеркнутостью. Онъ кладетъ краски по вѣсу, на фунты, онъ швыряетъ въ свою лѣпку пуды глины. Это приводитъ его къ однообразію. Онъ повторяется. Это напряженіе выдаетъ его изобразительную слабость.

Онъ видитъ, желаетъ, но не выговариваетъ. Мистеръ Троттибарнъ у него „похожъ на колонну изъ рыжаго мяса“. Въ другомъ разказѣ боцманъ опять „колонна изъ краснаго мяса, поросшая краснымъ волосомъ“.

Это одинъ изъ бабелевскихъ приѣмовъ.

Но у него есть еще и другой.

Какъ первый, такъ и этотъ явился результатомъ внутренней авторской шалкости Бабеля, его душевной зыбкости, его неувѣренности въ своихъ изобразительныхъ, въ своихъ художественныхъ силахъ.

И тамъ, гдѣ онъ не прибѣгаетъ къ массивности, къ вѣсу, къ тяжести и размѣрамъ, онъ хватается за вычурность, и тутъ его эпитеты, сравненія, вся речушь, всѣ краски выдаютъ его несомнѣнную истеричность, по крайней мѣрѣ, какой-то неврозъ. Вычуренъ день, который „сидѣлъ въ разукрашенной ладѣ“. Вычурны „мужики, одѣтые въ желтые нимбы стужи“ („Конецъ св. Ипатія“). Вычурна „рыжая сталь его поступковъ“ („Какъ это дѣлалось въ Одессѣ“). Вычурны звѣзды, которыя „были задуплены раздувшимися чернилами тучъ“. Вычурно „воплъ метался по кругу закованныхъ моихъ челюстей“. И. т. д. И. т. д.

Все время Бабель вытягивается, тѣнится, ловить слово, ищетъ его, не находитъ и бросается въ рискъ крайностей, въ необдуманную приблизительность. Вотъ — писатель самый неточный въ словѣ.

О, какъ законна и понятна эта потребность лексиконнаго обновленія, какъ всѣ мы гаснемъ въ толгѣ старыхъ, знакомыхъ, нами замученныхъ словъ. Каждый изъ насъ испытывалъ эту горячую ненависть къ затрепанному нами мѣшку словесныхъ черствыхъ корокъ, къ этому безсилію найти свѣжія обозначенія, непронутый молодой

словарь, — нами, по своему, сотканную, насъ выражающую формулу, не изношенную одежду нашей мысли.

Но когда для этого нужно выбирать между невѣрной кыгурностью, опасной изобрѣтательностью, съ одной стороны, и точностью, опредѣленностью и ясностью, съ другой — предпочтемъ четкость. Бабель ее не любитъ. Ему необходима заостренность. Онъ хочетъ рисовать не карандашомъ, а шиломъ. Бабель колетъ. Ему нужно, чтобы мы вздрогнули.

Въ пучину словъ онъ бросается наобумъ. Онъ играетъ въ словесную лотерею, связываетъ несоединимое. Въ его фразѣ идетъ междуособная война. Для него этотъ пріемъ страшнѣе, чѣмъ для кого-нибудь. Дѣло въ томъ, что Бабель не знаетъ и не чувствуетъ русскаго языка. Нельзя говорить: „привелъ къ отчаянію“, „запотѣвать“, „отвѣтнть, поиграя кнутомъ“, „парусовая (парусиновая) бурка“, „вода текетъ“, „своевольное хотѣніе боя“, „теплота потрясла основы моей души“, „земля тащитъ меня на веревкѣ своихъ бѣдствій“. И, наконецъ, это отравляющее, надобнѣе „одѣла“: „Баська одѣла мужскіе шпіблеты“... „она одѣла шляпу“... „Онъ одѣлъ бурку“ („Отецъ“).

Бабель — жертва своей нервной нетерпѣливости. Онъ торопится самъ и торопитъ свои рассказы. Къ сократѣнію, съ этого они не становятся подвижнѣе. Очень часто Бабель спѣшитъ, но не сдвигается съ мѣста. Это называется: суетиться. Чтобы продвинуться дальше, онъ дѣлаетъ прыжокъ. Развитие его рассказовъ идетъ по путямъ неожиданности. Бабель боленъ авторской внезапностью. Она вездѣ. Ею поражаешься и въ неподготовленныхъ рассказахъ и въ странныхъ діалогахъ, гдѣ говорящіе между собой люди не отвѣчаютъ на вопросы, ихъ рѣчи

не связаны репликами, предметы их бесѣдъ и всѣ мысли плывутъ въ противоположныя стороны.

И это тоже — пріемъ, и онъ тоже обозначаетъ все ту же авторскую неувѣренность въ себѣ, боязнь читательскаго утомленія, страхъ усыпить чужое вниманіе. Это подстегиваніе. Это хлысть. У Бабеля онъ бьетъ не по тому мѣсту. Это не бодритъ, а ошарашиваетъ, не ввинчиваетъ, а угнетаетъ.

Но въ этой неувѣренности Бабель правъ. Онъ пишетъ въ испугѣ, но этотъ испугъ не напрасенъ. У Бабеля почти нѣтъ сюжетовъ. Клубокъ его нитокъ не разматывается, а спутывается въ нервномъ спѣхѣ. Многія изъ вещей, составившихъ его сборники, всего только газетныя замѣтки. Встрѣча съ Керенскимъ („Линія и цвѣтъ“), ушедшіе съ корабля цвѣтные матросы („Ты проморгалъ, капитанъ“), посѣщеніе Ипатьевского монастыря („Конецъ св. Ипатія“), цѣлый рядъ очерковъ „Конармія“ — только интересныя корреспонденціи, живые фельетоны, впечатлѣнія наблюдательнаго и любознательнаго человѣка.

Бабель вообще лишенъ вымысла. При всей своей нарочитости, азартѣ, вычурности, словесныхъ и изобрѣтательныхъ выкрутасахъ, надуманномъ сочинительствѣ подробностей, Бабель — рабъ факта. Онъ выпускаетъ раскрашенныя фотографіи. Фотографичность — отъ дѣйствительности, — раскрашенность даетъ Бабелю фантазія. Но всегда вѣрна и убѣдительна у него только жизнь, и жива (а часто и уродлива) раскраска.

Свою нервность, впечатлительную подвижность, печальную зыбкость Бабель не скрываетъ ни отъ себя, ни отъ насъ. Вспоминая о своемъ дѣтствѣ, онъ называетъ себя „ученымъ, нервическимъ (нервнымъ?) мальчикомъ“,

признается, что уже тогда „сталъ извивающимся клубкомъ“; устанавливаетъ, какъ „выражалась моя болѣзнь“, откровенно пишетъ:

— И теперь, вспоминая печальные эти годы, я нахожу въ нихъ начало недуговъ, терзающихъ меня, и причину ранняго, ужаснаго моего увяданія.

И, дѣйствительно, по всѣмъ книгамъ Бабеля, по его темамъ пролегли печальные отсвѣты внутренняго недомоганія. Чувствуется шаткость. Бабель идетъ, качаясь. Его литературная поступь не вѣрна. У него нѣтъ ровнаго полуса. Мы слышимъ отдѣльные нервные вскрики.

Бабель — импрессионистъ. Его впечатлительность подвижна и разсѣянна. Онъ не умѣетъ сосредотачиваться.

И потому, что онъ самъ это хорошо сознаетъ (или, по крайней мѣрѣ, ясно ощущаетъ) — онъ неизмѣнно напрягается на изображеніи отдѣльнаго момента. Зная свою авторскую быстротходность и летучесть, онъ себя привязываетъ къ этому моменту, какъ къ верстовому столбу, чтобы не уклониться, не убѣжать прочь, не потерять дороги.

Изъ сознанія же слабости, непромкости и невнятности своего литературнаго голоса, онъ тянется къ страшнымъ темамъ, и у него вездѣ смерть и кровь, выстрѣлы, изнасилованія, бандиты, контрабандисты, погромные ужасы, убійства. И въ темахъ — напряженность. И здѣсь — чрезмѣрность. Вездѣ подчеркнутость.

Бабель не вѣрится въ простоту и безыскусственность. Онъ влечется къ пестротѣ, невѣроятности, массивности и разноцвѣтности. Межъ тѣмъ, въ этой простотѣ онъ иногда находитъ чудесныя откровенія, тонкую вдохновенность, трогательную красоту ясныхъ и выразительныхъ словъ.

„Соль“—хорошій разсказъ, и хороши въ немъ и „славная ночка“, раскинувшаяся шатромъ „и въ томъ шатрѣ звѣзды-каганцы“, и бойцы, вспоминающіе „кубанскую ночь и зеленую кубанскую звѣзду“.

Конечно, онъ талантливъ. Но и при всей своей талантливости, при всей впечатлительности и наблюдательности, Бабель — жертва. Эта тихая сила невелика, этотъ авторъ не плодovitъ, его путь коротокъ. Это — недолговѣчность. И когда я вспоминаю мое первое давнее знакомство съ маленькимъ чернымъ Бабелемъ, его мягкіе рѣдкіе волосы, его напряженно поднятыя брови, его большой лобъ и быстрая, суетливая манера, когда читаю теперь его книги, я понимаю, что и Бабель-авторъ тоже миниатюрень, и его вещи — миниатюрны, и самъ онъ ласковъ, тревоженъ и непрочень. Въ литературѣ онъ стоитъ, какъ цапля въ полѣ: на одной ногѣ.

Борисъ Лавреневъ.

Борисъ Лавреневъ — головастикъ. Въ немъ все отравлено отвлеченностью. Его литература остужена до нуля. Прежде о немъ сказали бы, что у него нѣтъ „натуры“. Борисъ Лавреневъ упрямъ, а это упрямство — сердито. Онъ не пишетъ, — онъ декламируетъ, онъ ипраетъ на своей сценѣ и играя гримасничаетъ. Эти гримасы разнообразны, но тоже всегда холодны. То онъ дѣлаетъ видъ умиленности, то тщится расплескать свой восторгъ, то становится обличителемъ, то внѣшне умиляется, то играетъ въ благородное возмущеніе. Все напрасно: пафосъ замороженъ, умиленность не трогаетъ. Это самый несвободный авторъ. Неизмѣнно онъ въ подчиненіи у собственной надуманности. Его признанья теоретичны, его кажущіяся увлеченія продиктованы мозгомъ и равнодушнымъ расчетомъ, его пристрастія безстрастны. Въ своихъ книгахъ онъ тотъ, какимъ хочетъ выдать себя и показаться, и не тотъ, какимъ онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Ему хочется простоты, но онъ весь завитой въ своемъ витіеватомъ слогѣ, витійственныхъ отступленіяхъ, наиправной романтикѣ, олеографическихъ сюжетахъ.

Ему хочется слиться съ массой, стать, какъ всѣ, прикоснуться къ землѣ, заговорить ея простымъ и пре-

краснымъ въ своей ясности языкомъ. Но не удается и это: слова ископаемые, разысканные и потому изысканные, ибо изысканнымъ можетъ быть и пещерный и мохнатый лексиконъ. И потому Лавреневу мало „чистоты“, — ему нужна „чисть“. Его не удовлетворяютъ засохшіе перелѣски, ему нужны „сухотные“, и у него „мухлявые домишки“, у него кокетливыми пугалами встаютъ изъ строкъ „малахольники“, „бѣдолаги“, „стоймяжкомъ“ и кто-то кого-то „отхвосталъ по хамлу“...

Бѣдная „мужицкая“ отрада Лавренева! Онъ холодно влюбленъ въ камаринскій языкъ, онъ выражается въ присядку, онъ не подозреваетъ, что это тоже гримаса, тоже кривлянье, обезьянья ухватка, рисовка, игра и опять — холодъ. Лавренева съѣдаетъ Лавреневъ. Это — самоѣдъ. Онъ весь въ себя и для себя. Иногда кажется, что его интересуеть единственно процессъ собственнаго письма.

Въ литературѣ онъ похожъ на прилежнаго писаря, безмѣрно увлеченнаго буквенными завитушками, неожиданными росчерками, тонкими кудряшками, эффектными нажимками.

Въ мірѣ Лавреневъ слышитъ только собственный голосъ, собственный акцентъ, свою собственную рѣчь. Онъ совсѣмъ не психологъ. Чужая душа для него воистину потемки. У него всѣ говорятъ по шаблону. Индивидуальностей нѣтъ. Когда онъ пытается дать характерный рисунокъ діалога, у него получается карикатура, настоящая клоунада, лейковщина — „подножіе ногъ“.

И это опять оттого, что онъ тайно никому не сочувствуетъ, никого не любитъ, ни у чьего сердца не грѣтся, — прохладный авторъ, остуженная голова.

Въ минуту сентиментальныхъ признаній лавренев-

ские герои объясняются совершенно невѣроятнымъ языкомъ: „вижу кристальность вальей души и тонкую интеллигентность ... вдохновительный ангель“. И ихъ совѣтъ нельзя отличить другъ отъ друга, когда они вдругъ исполняются порывами неслыханно героической рѣшимости. Тогда великолѣпный матросъ Гулявинъ („Вѣтеръ“) говоритъ такъ же, какъ Марютка („Сорокъ первый“), Марютка, какъ суровый и тоже замѣчательный „малиновый комиссаръ Евсюковъ“, Евсюковъ, какъ полковникъ Девышинъ, и уже совѣтъ нельзя читать эти надуманные письма, эти рассчитанные на хохотокъ паясничавшіе стихи, эти приказы, написанные въ нарочито идиотскомъ стилѣ. Замѣчательно: и эти документы, и вирши, и анонимныя посланія, и слова любви тѣмъ глупѣе и напыщеннѣе, тѣмъ велѣпнѣй и подлѣй, чѣмъ дальше ихъ авторы, эти жалкіе герои Лавренева, стоятъ отъ коммунистическаго правовѣрія. За это ихъ караютъ женщины, судьба, но больше всего самъ Лаврентевъ. Въ наказаніе за этотъ смертный грѣхъ недотыкомовскій „народный поэтъ — юбиляръ“, имѣющій „двадцать пять трагедій, исписанныхъ собственноручными чернилами“ и „живущій по лѣвую руку отъ оплота народнаго опія (церкви)“, долженъ написать безграмотно-дурацкое стихотвореніе — „Звѣздное небо 24-го сентября 1921 года“ и еще какое-то „Гимновое гѣсногнѣніе“, быть всячески униженнымъ, потерять любимую дѣвушку, учительницу коммунистку, въ концѣ концовъ, поэтически улетающую на аэропланѣ съ... Съ кѣмъ же еще? Ахъ, конечно, съ большевицкимъ комиссаромъ! („Воздушная мечта“).

Вотъ другой рассказъ „Тараканъ“. Опять: и тутъ мелко буржуазный купчикъ Сергій Сергѣевичъ Бѣгичевъ долженъ потерять свою жену, красавицу Киру, и очень

просто, почему: ее увозить Степанъ Максимовичъ, онъ — „красный директоръ“, значитъ, добродѣтель торжествуетъ, пророкъ угнетенъ, а чтобы это стало еще нагляднѣй и убѣдительнѣй, — извольте! — „мелкобуржуазный“ мужъ подброситъ своему красному сопернику анонимное письмо, снова идиотическое, вновь презрѣнное, опять рассчитанное на кокотокъ: „осмѣливаюсь предупредить отъ превратныхъ постулковъ вашей жизни по поводу пражданки“, — потому „что знаю вашу партійную слабость насчетъ женщинъ“. И. т. д. Эти люди смѣшно говорятъ, позорно ведутъ себя, совершаютъ позорные поступки, пишутъ несуразныя, идиотскіе стихи.

Лавреневъ никого не изображаетъ, онъ ничего не рисуетъ, ничего не передаетъ, — онъ доказываетъ. Это — теоремщикъ. Своихъ героевъ онъ делаетъ густо, опрометью и безразсечно, однихъ — сажей, другихъ — мѣломъ. Третьей краски нѣтъ. И у него вездѣ или рыцари пыскаго мужества и добродѣтели, или подлецы, проходимцы, эксплуататоры и убожества. Лавреневскіе персонажи построены въ двѣ шеренги, — одна противъ другой: вотъ — черныя (скверно!); здѣсь — красныя (восхитительно!). И какъ заострены всѣ черты негодяйства въ однихъ — такъ же безмѣрно возвеличены другіе.

Матросъ Василій Гулявинъ воинству — „чудо-богатырь“. Онъ бьется, вѣрится, побѣждаетъ враговъ, женщинъ, опасности, онъ летитъ надъ міромъ волшебнымъ рыцаремъ, не знающимъ ни страха, ни упрёка, ни ошибокъ и даже неудачъ, со сказочной отвагой проникаетъ въ станъ бѣлыхъ, въ порывѣ благороднаго возмущенія „съ размаху всѣмъ кулакомъ ударяетъ по зубамъ“ какого-то князя, вырывается отъ „кадетской сволочи“, бѣжитъ, расталкиваетъ всѣхъ и, конечно, въ тотъ же

мигъ — „бѣшенный вихрь ударилъ ему въ лицо холодомъ и пылью, и онъ бросился туда, навстрѣчу вѣтру, повинуваясь его зовущему, родному, радостному вою“. Но этого мало. Для прекрасной жизни долженъ быть уготованъ великолѣпный къснецъ и онъ по заслугамъ ждетъ и Василія. Его настигаютъ, онъ взбѣгаетъ на чердакъ, онъ отстрѣливается и, выпустивъ послѣднюю пулю, изругавъ преслѣдующихъ „бѣлыхъ“, — „прытнулъ внизъ на вытянутыя жала шпиковъ“ („Вѣтеръ“).

Вѣру другой разсказъ. Называется: „Зб. 213. 437“. Опять: красноармеецъ, добродѣтель, вѣрность долгу и авторскій сентиментализмъ. Товарищъ Завихляевъ сопровождаетъ до Мосявы машину — „братскій даръ отъ рабочихъ Читы“. Казалось бы, чего проще? Но у Лавренева должна выступить новая очередная примаса. По ходу ипры на этотъ разъ требуется умиленность. По этой беллетристической теоремѣ необходимо доказать преданность „революціонному долгу“. Разъ требуется, — пожалуйста:

— „Завихляевъ подошелъ, прижался щекой къ ледяному дереву (теплушкѣ). Тамъ, за тонкой шеловкой, молчало во временной дремѣ огромное сердце машинны. И Завихляеву показалось, что въ снѣговой тишинѣ, на безопасномъ пути, онъ слышитъ внутри легкія, чуть уловимыя содраганія этого сердца. Затаивъ дыханіе, слушалъ нѣсколько секундъ, застычиво улыбнулся обвѣтренными губами и смотря въ дымный хороводъ снѣжинокъ, бросилъ чръико и коротко: „Довезу, родная“.

Лавренева не отвращается отъ приторности. Она ему по вкусу. Его теоретическихъ схемъ она не разрушаетъ, а чувство мѣры ему не дано. Если сентименталенъ Завихляевъ, то только потому, что сентименталенъ

авторъ. Но сентиментальность — тоже холодъ и она заводитъ Лавренива въ настоящіе тупики. Имъ утериваются не только литературное, художественное и просто человеческое чувство, грани, инстинктъ правды — онъ становится лубочнымъ, — въ самомъ точномъ и горестномъ значеніи этого слова.

Когда-то, много лѣтъ тому назадъ въ Москвѣ на Никольской можно было получить замѣчательный въ своемъ родѣ романъ, въ двухъ частяхъ подъ длиннымъ и бющимъ по головѣ заглавіемъ:

„Битва русскихъ съ кабардинцами или прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа“.

Лавренивъ ухитрился стать и подъ эту сѣнь, породниться и съ этимъ лакейскимъ примитивомъ, засвѣтить огарокъ и въ этой душѣ раздирающей романтики. И у него тоже — магометанка, и тоже умирающая отъ любви, и также идетъ война русскихъ съ кабардинцами. Разница въ пустякахъ: дѣйствіе происходитъ въ Туркестанѣ, а магометанка Миріамъ умираетъ жертвой любви къ прекрасному красноармейцу Дмитрію, подавленная красотой его, но также и красной звѣзды на его кавалерійской богатыркѣ, — умираетъ тоже очень сентиментально, убитая и до конца вѣрная. Умираетъ она, но погибаетъ и красноармеецъ, потому что и онъ гибнетъ отъ любви, мстя за Миріамъ, убитый ея свирѣпымъ мужемъ.

Вотъ плоды и слѣдствія холодныхъ примасъ, замороженнаго сентиментализма, пустопорожней романтической фразеологии!

Лавренивъ пораженъ глухотой. Онъ не слышитъ фальши, онъ не ощущаетъ лжи, онъ мирится съ натянутостью, ему не претитъ пубость рисунка, его не отталкиваетъ искусственная элементарность темъ. Все готовъ

онъ принести на алтарь своей предвзятой, наигранной, вытянутой идеи.

Онъ сухъ и охолощенъ. Лавреневъ весь въ себѣ. Онъ весь съжившійся, весь безъ остатка умѣтившійся на краюшкѣ своего письменнаго, своего програмнаго четырехугольнаго столика, на кончикѣ своего скрипящаго сердитаго пера.

Его героическимъ тонамъ не вѣришь. Романтическая, наверхенная превышенность его словесныхъ потугъ не поднимаетъ и не волнуетъ. Никогда онъ не роднился съ читательской душой. Въ этихъ попыткахъ онъ остается безъ отклика. Въ литературѣ онъ — одинокій холостякъ, въ одиночку сочиняющій, въ одиночку выскивающій рѣдкостное, небывалое, преражающее. И этимъ проклятиемъ у него прокляты и его наковыренный словарь, и ревушіе прохочущіе сюжеты, и пирамидальные, статуиные руки въ боки, и твердокаменные герои.

Онъ ищетъ розъ и небесныхъ звѣздъ, но въ рукахъ у него букетъ крапивы и звѣзда на красноармейской шапкѣ. Въ своей литературной сухопарости онъ неизмѣнно занять цвѣтистымъ крохоборствомъ, онъ разставляетъ оловянныхъ, несуществующихъ, раскрашенныхъ солдатиковъ, онъ влечется къ соблазнительной безднѣ лжи. И у него вездѣ преувеличенія, разбуханія, утеря масштабовъ, гибель правдивости, отчаянность безрасчетности.

Въ сущности, всѣ его рассказы и повѣсти — только тенденціозные анекдоты. Одни — трагическіе, другіе — карикатурные. Трагиченъ „Сорокъ первый“ — дѣйствительно удавшійся, глубокій, серьезный рассказъ; трагиченъ „Срочный фрахтъ“, — все остальное сердитая и безпредметная омѣшливость. Анекдотиченъ „Небесный картузь“, злобно ухмыльчивъ „Отрокъ Григорій“, сер-

дито хохотливъ „Конецъ полковника Девишина“, весело насмѣшлива „Воздушная мечта“, мстительно саркастиченъ „Тараканъ“. Но есть и сентиментальные анекдоты — Звѣздный цвѣтъ“ съ умирающей магометанкой и „Зб. 213. 437“ съ слезоточивымъ краснымъ кавалеристомъ, везущимъ таинственную машину въ Москву.

Лавренивъ безъ нутра. О человѣкѣ ему нечего разсказать. Онъ ничѣмъ не горитъ, никакъ не свѣтится, не тянется ни къ чему живому. Это — выкопшенное поле, омраченный духъ, выпотропшенное сердце, проѣзжій шляхъ, эгоистическая замкнутость. Лавренивъ можетъ быть опредѣленъ его собственными словами:

„Въ полутѣмѣ кажется все не настоящимъ, а нарочно сдѣланнымъ, какъ театральнй макетъ, и отъ этого въ пейзажѣ какаѣ-то сухость и мертвенность, нѣтъ живого впечатлѣннѣя, нѣтъ аромата, и даже лужи, сдѣланныя котами и прохожими въ закоулкахъ, ничѣмъ не пахнутъ“.

Да, литература — всегда любовь — особенно литература русская. Это — сердце. Гдѣ его нѣтъ — нѣтъ ничего. Въ искусствѣ слова, въ творчествѣ литературы головастики — мертворожденные.

Только два раза Лавренивъ довѣрился не головѣ, а сердцу, два раза онъ попробовалъ говорить о человѣкѣ, его страданіяхъ, его вѣчномъ и неизмѣнномъ началѣ, о его любви, — и оба разсказа сразу зацвѣли, ожили, раскинулись въ тихой красотѣ сторожкой и не обманывающей правды. Такъ родились „Сорокъ первый“ и „Срочный фрахтъ“, гдѣ маленькій пугливый Митыка погибаетъ въ паровой трубѣ, спѣшно сожженный тамъ ради срочности выхода въ море парохода „Меджи Дальтонъ“.

Когда нѣтъ искренности, — нѣтъ автора и людей

тоже нѣтъ, и есть только одна единственная „прекрасная
магометанка“, но и она положена во гробъ, умеренная
вт. холодѣ авторскихъ заморозковъ.

Скучно съ магометанкой!...

Пантелеймонъ Романовъ.

Пантелеймонъ Романовъ обстоятеленъ. Онъ пишетъ истово, обдуманно и неторопливо. У него длительная и напряженная наблюдательность. Взгляните на его портретъ: въ этомъ рѣзкомъ поворотѣ головы, въ устремленномъ взглядѣ большихъ глазъ, во всей его насторожившейся фигурѣ чувствуется острая и зоркая прищуренность. Онъ кропотливый и не устающій подмѣчатель.

Но странно: при всей своей настороженной, горячей зоркости, при умѣнѣ жадно ловить отдѣльныя черты, настойчиво разгадывать души, ярво рисовать фигуры, при всемъ своемъ ясномъ воображеніи, отчетливой энергіи письма Пантелеймонъ Романовъ неизмѣнно является предъ нами изобразителемъ стихійной неподвижности.

И вся жизнь, его герои и героини, и этотъ усадебный и деревенскій бытъ, и общественныя собранія, и тайныя душевныя устремленія людей, неизмѣнно несутъ на себѣ неистребимую печать какой-то древней лѣни, исконнаго бездѣлья, неизлѣчимой пассивности, легкомыслія, безопасности, чудовищной неумѣлости и общей неприиспособленности.

И этотъ многооттѣночный недугъ, поразному преобразаясь въ разныхъ душахъ, въ концѣ концовъ перестаетъ

быть чѣмъ-то индивидуальнымъ, ширится и вырастаетъ въ какую-то общую русскую отравленность, всесвѣтную обреченность, а книги Романова предстаютъ какъ длинная, почти безконечная исторія неизлѣчимой болѣзни, поразившей всю страну, ея интеллигенцію, ея народъ, духовные корни и даже самую землю, не распаханную, слежавшуюся, не творящую; — странный людъ, страшный край.

Помѣщики, профессора, общественники, какъ и мужики, какъ и сонная дворян, живутъ въ одномъ и томъ же плѣну, и этотъ плѣнъ — праздность, мечтательность и неумѣлость. Эпопея Романова („Русь“) рисуетъ намъ удивительный мiръ великаго растяпства. Но это — двѣ параллельныхъ галлерей. Противъ cadaго помѣщичьяго портрета, противъ cadaго интеллигента виситъ, какъ его тайное отраженіе, портретъ мужика.

Вотъ обломовски кроткій Воейковъ, терзаемый мечтательными, безрезультатными порывами, но таковъ же и кроткій мужикъ Степанъ. Вотъ пассивный, безхарактерный, уступчивый профессоръ Андрей Аполлоновичъ, мужъ распустехи „баронессы Нины“, и на него, своего брата по духу, можетъ, какъ въ увеличительное стекло, глядѣться тоже безобидный и тоже прощающій Федоръ. Неприкасаемый и удивленный своей собственной судьбой Федюковъ стоитъ молчаливаго скептика Антона Горюна. И безъ остатка растрачивающій свои страсти на слова, упрямый и вѣбальмошный Авениръ могъ бы по родственному пожать руку психологически созвучному мужику Николаю, его нетерпѣливости и тоже упрямству. И Валентинъ Елагинъ, этотъ вѣчный бездѣльникъ, этотъ странный мечтатель о какихъ-то дальнихъ странахъ, о священныхъ водахъ озера Тургояки, бездумный нахлѣбникъ,

однако, кажущійся какимъ-то невиданнымъ мудрецомъ, — развѣ онъ не тотъ же мужикъ, также лѣниво мечтающій о какихъ-то сказочныхъ странахъ праздности и благоденствія:

— Тамъ, милый, все хорошо, — говоритъ Степанъ. — Земля свѣжая, сильная, работы не проситъ, а прямо срубать лѣсъ, поскребуть еловыми сучьями и вырастаетъ рожь, что человекъ не видать... И собираютъ, говорятъ, по два урожая въ годъ... И все тамъ у нихъ есть готовенькое.

Это не преступники, это не массовая порочность, это даже не индивидуальная грѣховность, — это неискоренимая наследственность, стихійныя черты, не вина, а несчастье. Скрытый смыслъ наблюдений Романова въ томъ, что это не случайность, а законъ, не личная ошибка, а приговоренность. Это — проклятость и неисцѣлимость — признаки не отдѣльной личности, а національнаго типа.

Въ этомъ обобщеніи Романовъ убѣдительно. Явно ощущается его искренность. Онъ чуждъ предвзятости. Съ этой жизнью онъ самъ слитъ, скованъ, и ею зараженъ. Мы подходимъ къ любопытному опредѣленію Романова. Подмѣчатель неподвижности, въ своихъ книгахъ онъ самъ неподвиженъ. На протяженіи всего своего беллетристическаго роста онъ все время стремился побороть у себя самого сонную статику. Въ этомъ онъ преуспѣлъ. Много достигнуто. За 15 лѣтъ имъ пройденъ большой путь. Въ сравненіи съ „О. Федоромъ“ („Русская Мысль“, 1911. VII), — съ этимъ умирающимъ, умирающимъ, такъ и не умершимъ священникомъ, — три тома его „Руси“, его многочисленныя „Разказы“ полны даже энергіи, движенія, страстей. Но—только „сравнительно“. И сейчасъ Романовъ описываетъ больше, чѣмъ повѣствуетъ. Его

дѣйствіе не кипитъ, а плетется. У него нѣтъ сюжетной стремительности. Онъ наблюдатель устоявшагося и улегшагося. Это подмѣчатель постоянства. Въ его книгахъ никто и ничто не растетъ. И самъ онъ литературно вырастаетъ неторопливо и медленно.

Въ сущности, это авторъ всего только одной книги. Эта книга — „Русь“. „Русь“ — эпопея. Романовъ эпицентръ, т. е. спокоенъ; спокоенъ, т. е. неподвиженъ. Все остальное — его наброски, рассказы, очерки — только эскизы къ этой большой картинѣ. Онъ ихъ разбрасываетъ, чтобы собрать.

Та же любовь къ успокоившемуся, къ статическому явно выдаетъ себя въ его постоянныхъ, многочисленныхъ описаніяхъ природы, вѣчной и неподвижной. Романовъ находится и подъ характерными вліяніями. Это — Толстой и Гоголь, — авторы двухъ замѣчательныхъ эпопей, тоже ивообразители отстоявшагося, оформившагося, отошедшаго.

А это такъ.

Отъ Толстого у Романова всѣ приемы ивоображенія коллективной жизни, многолюдныхъ собраній, чловѣка въ толпѣ. Отъ него же къ Романову пришло и явное заимствование манеры историческихъ введеній. Гоголь сказался у Романова въ описаніи лицъ, лѣни, тишины, бездѣятельности, въ тонахъ лирическихъ восклицаній природы, подмѣчаніи случайныхъ встрѣчъ, отразился въ психологическомъ рисункѣ отдѣльныхъ фигуръ, и кучеръ Ларька несомнѣнно произошелъ отъ гоголевскаго Селифана, какъ въ явномъ родствѣ съ нимъ находится и слуга Воейкова, тоже растяпа, недоумѣвающе-растерянно-блудящій языкомъ Митрофанъ.

Отъ Гоголя же и романовскій юморъ. Свой смѣхъ

онъ не насилуетъ. Его юморъ здоровъ. У Романова, кромѣ того, хорошій русскій языкъ и слухъ къ говору. Въ своей спокойной, взподчеркнутой насмѣшливости онъ выдаетъ близкое знаніе описываемой среды. Онъ иронично-наблюдательнъ. Онъ тотъ, кто видитъ, не одобряетъ, но не обличаетъ, а улыбается и въ этой улыбкѣ чувствуется серьезный скептицизмъ прощительности.

Смѣхъ Зоценки беззаботенъ и веселъ. Смѣхъ Романова укоренъ. Для Зоценки довольно внѣшняго повода; Романовъ смѣется надъ несуразностью внутренней. Первый смѣшливъ. Второй ирониченъ. Зоценко возбуждается фактомъ; Романовъ — причинами и смысломъ.

Вообще его озабочиваетъ законѣрность исторической логики. И къ „Руси“ онъ поставилъ эпиграфъ: „Писать картину Великой Революціи, начиная съ самой Революціи, значитъ говорить о слѣдствіи, минуя причину“.

Въ его наблюдательности есть серьезная хватка. Въ его отношеніяхъ къ русскому быту живетъ насмѣшливая ухватка. Эта „ухватка“ — въ смѣлости карриатуры.

Но Романовъ и вообще не трусливъ. Онъ не боится знакомаго, не страшится стараго, не смущается своими совпаденіями въ подмѣчаніяхъ и обрисовкахъ. Поэтому онъ не титится изобрѣгать, не топорщится, не куралеситъ. Въ своей литературной манерѣ Романовъ — консервативенъ.

Эта же внутренняя свобода, эта смѣлость, эта независимость оградила и спасла его отъ распространеннаго грѣха современной литературы въ Совѣтской Россіи: онъ не траченъ лестью и не виновенъ въ угодиществѣ.

Этот стойкій и убѣжденный консерватизмъ его беллетристическихъ формъ и пріемовъ приводитъ иногда къ трафарету, рождаетъ однокрасочность, создаетъ однострунность романовской лирики, мало разнообразить и индивидуализируетъ психологию его лицъ, не достаточно заостряетъ черты. Но онъ же окрашиваетъ всѣ его замыслы серьезной строгостью. У Романова хорошая литературная школа. Надъ нимъ склонились вѣчные учителя.

Какъ поучительно: безъ сиганья съ пятого этажа, безъ прыжковъ съ крыши, безъ самораздирательства, безъ трехногихъ новшественныхъ выкидышей, вѣрный литературному преданію, чуждый стилистическаго истеризма, Романовъ создаетъ широкія полотна, радуется размахами замысла. Теченіе — прежнее, а Романовъ свѣжъ. Приемы знакомы, а Романовъ интересенъ. Школа старая, а книги молоды, несмотря на то, что знакомы темы, знакомы лица, знакомъ бытъ, — и этотъ ругательно-пугающій и добродушный „Родной языкъ“ и искреннія (технически слабыя) размышленія о любви и полѣ (Т. VI), и многосоставная и многоликая „Русская душа“, и эта капитальная „Русь“, ибо для всѣхъ нихъ есть одно названіе и у Романова есть одна единственная огромная тема:

— Страна великаго растяпства.

Мих. Зощенко.

У Зощенки двѣ замѣчательныя черты: у него языкъ — не лопата и оба глаза стоятъ на своемъ мѣстѣ. Это то и замѣчательно.

Среди своихъ собратьевъ и сверстниковъ Зощенко — чудо. Онъ почти единственный. Рядомъ съ этими перекошенными лицами, кувшинными гримасами, распухшими, трудно ворочающимися языками, расквашеннымъ стилемъ, вывертывающейся и семянецприпрыгивающей словесностью, забористыми вывертами, речитативнымъ бредомъ, Зощенко производитъ впечатлѣніе рѣдко нормального писателя. Русская литература сейчасъ переживаетъ странный и весьма подозрительный періодъ руссопятакаго декадентства. Она больна лженародническимъ модернизмомъ.

Впрочемъ, и это слово „народническое“, мы должны принять очень условно: здѣсь все-таки большіе свободы, чѣмъ деревни, ухарства, чѣмъ степенности, мѣщанина, а не мужика.

Зощенко простъ. Сейчасъ это настоящая добродѣтель. Но онъ интересенъ еще и тѣмъ, что его печень въ полномъ порядкѣ и цвѣтъ его лица не отлиываетъ коричневыми оттѣнками революціонной желчи. Онъ полонъ са-

мага искренняго простодушія. Зоценко добръ, ласковъ и мягокъ.

И эти неслыханныя теперь качества создали ему такую широкую популярность, читательскую любовь, имя, тиражъ его книгъ. Правда, онъ не избѣжалъ общаго грѣха совѣтскихъ беллетристовъ и свои томики („Разсказы Синебрюхова“, просто „Разсказы“, „Веселая жизнь“ и т. д.) онъ собираетъ путемъ включенія прежнихъ, тасуя, перераспредѣляя, соединяя въ разныхъ сочетаніяхъ старое съ новымъ и свѣжее съ давно знакомымъ. И все-таки онъ плодovitъ.

Его наблюдательность жива и энергична. Онъ пишетъ не только весело, но и веселясь. Его творчество полно игры, ипривости, игривости. Онъ не только забавляетъ, но и забавляется самъ. Подмѣчая, наблюдая, подслушивая странности, курьезы, смѣшныя стороны, онъ также охотно ихъ сочиняетъ. Зоценко любитъ выдумку. Онъ не боится шаржа.

И въ авторскихъ ликахъ проступаетъ звѣриное. Зоценко — веселый щеголь. Изъ него вырастетъ наблюдательный и умный песь. Пока онъ рѣзвится.

Его беззаботное писательство искрится и смѣшить неожиданными выраженіями, словами, колѣнцами, брызжетъ молодостью и вѣчнымъ ощущеніемъ неспособливой и неперѣливой силы. Ему нравятся палить, онъ съ радостью произноситъ несуразности, рассказываетъ, какъ человекъ былъ „весь въ шпорахъ“, что событіе случилось „четыре года взадъ“, какъ „пахнуло атмосферой“, по садовымъ дорожкамъ ходилъ „замѣчательный садовникъ — свѣтлѣйшій князь и баронъ“, у Викторіи Казимировны родился „малчичекъ, сосунъ млекопитающійся“, а старосту Ивана Костыля „любили ни за про что“.

Въ разсказѣ „Чертовинка“ предсѣдатель Рюха выражается такъ: — Ты что жь это, нарушаешь тутъ безпорядки?

„Пиблое мѣсто“ начинается: „Много такихъ же, какъ и не я... ходять по русской землѣ“.

А герой „Жениха“ объяснялся своей невѣстѣ:

— „Все, говорю, подходитъ: и мордovorотъ вашъ мнѣ нравится и лѣта — одна тыща восемьсотъ восемьдесятъ шесть, но не могу. Извините — промигаль ногу“.

Зоценко самый искренній юмористъ. Его юморъ добродушенъ. Не говорите, что это всегда и у всѣхъ.

У Зоценка единый типъ. Его герой одинъ и тотъ же. Этотъ человѣкъ исполненъ великаго и неистощимаго довольства малымъ. Онъ тотъ, кто примирился, кого не пугаютъ ни напасти, ни бѣды, ни печальныя неудачи. Когда читаешь книги Зоценка, кажется, будто сидишь среди тихихъ людей за пузатымъ самоварчикомъ. Ровно и спокойно льется бесѣда и нѣтъ въ ней ни злобы, ни коварства, ни мстительныхъ чувствъ. Встрѣчается только огорченіе, но и оно прощающее, скромное и покорное.

Міровоззрѣніе этихъ людей по своему широко. И они давно замѣнили понятіе несправедливости словомъ „несчастье“. За этимъ пузатымъ, поющимъ самоварчикомъ ровно течетъ разсказъ. Зоценко именно разсказчикъ, и это званіе, столь многими присваиваемое, ему принадлежитъ по праву и безъ спора. И свои повѣствованія ведетъ онъ неизмѣнно отъ перваго лица.

За этой бесѣдой тепло. Никто не волнуется, не ропщетъ, не клянеть. Каждый изъ нихъ могъ бы сказать, какъ Синюбрюховъ:

— Я такой человѣкъ, что все могу... Хочешь — мо-

гу землишку обработать по слову послѣдней техники, хочешь — какимъ ни на есть рукоесломъ займусь — все у меня въ рукахъ кинить и вертится.

И въ „Чертовинкѣ“ та же благодать, всепрощеніе и примиренность:

„Жизнь я свою не хаю. Жизнь у меня, прямо скажу, хорошая!...“

И для всѣхъ этихъ собесѣдниковъ мѣръ, сосѣди, жизнь полны яснаго неоспоримаго и нагляднаго смысла:

— „Всякому свое, всякій человекъ даетъ отъ себя какую-нибудь пользу.“

Вотъ и все. И поэтому всѣ ихъ отношенія и тонъ этихъ бесѣдъ, и краски разсказа проникнуты какой-то своеобразной уютностью (за самоваромъ, вѣдь!), тепломъ и лаской. Онъ вездѣ Пушка — не пушка, а „морская пушечка Гочисис“, и „дульце у нея тонехонькое“, „снарядъ — и смотрѣть на него глупо, до того незначительный снарядъ“, хотя самъ рассказчикъ признается, что „стрѣляетъ она всячески не слабо: стрѣльнетъ и норовитъ взорвать, что побольше“. Хорошъ и командиръ: „подпоручикъ ничего себѣ, но сволочь — бить не билъ, но подъ винтовку ставилъ запросто“.

Словомъ, всѣ воспоминанія вѣютъ глубокой, человѣческой сердечностью а тянутся неизмѣнно „къ своему задушевному пріятелю“.

Былъ у меня задушевный пріятель... — Спасибо, говорю, дорогой пріятель Утинъ. — Есть у меня дорогой пріятель Семень Семенычъ Курочкинъ...

И объ этомъ Курочкинѣ бесѣдующій человекъ разсказываетъ очень точно. Онъ характеризуетъ этого „Семена Семеновича, какъ „превосходнѣйшаго человека“. А „превосходнѣйшій“ онъ потому, что — „весельчакъ, говорятъ, рассказчикъ“.

Точно такими же словами долженъ отзываться и массовый читатель о самомъ Зоценкѣ, тоже весельчакѣ, рассказчикѣ, тоже говорунѣ. Именно, какъ говорятъ, онъ любитъ забавную прибаутку, хохотливое словцо, курьезное выраженіе — „дашь въ злызельо“, „буду о тебѣ пекчись“, „люди собрались на паузыни“, „такой сякой вѣдохлебъ“, „подзюкивають“, „уланъ“ и проч.

По національному типу юмора, полнокровности веселья, беззаветной шутливости, переливающимся смѣху, въ своихъ чертахъ простоты и добродушія Зоценко кажется не великороссомъ, и вмѣстѣ съ Аверченкой и Гоголемъ несетъ на себѣ украинскіе отсвѣты.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ идетъ отъ Гоголя. Безъ его широты, лишенный его могучихъ размаховъ и глубины, онъ является наслѣдникомъ великаго хохла, въ своей беллетристической манерѣ облизанный съ первой порой его творчества, съ миргородскими вечерами и юмористическими тонами близидиканьскаго хуторянина, и „сентиментальная повѣсть“ Зоценка „Аполлонъ и Тамара“ почти цѣликомъ освѣщена лучами гоголевскаго солнца, заражена его вліяніями, подчинена его приѣмамъ и стилю, схожая даже въ именахъ героевъ, — Перепенчуковъ, — во всей внѣшней напускнуой небрежности своего общаго построенія.

Кромѣ Гоголя, чувствуется Чеховъ, и онъ тамъ гдѣ Зоценко становится драматичнымъ. Это особенно слышно въ темѣ, въ манерѣ многихъ вещей — въ „Лялькѣ — Пятьдесятъ“, „Любови“, „Бѣдѣ“, „Фомѣ невѣрномъ“, — вездѣ тамъ, гдѣ Зоценко вдругъ предстаеь сдержаннымъ, печальнымъ или задумчивымъ. Чеховскій юморъ сюда не простеръ своей власти.

А главнымъ предметомъ размышленій Зоценки, ис-

точникомъ его печали и сожалѣнiя является непонятое горе. Боли и страстей Максима не поняла Лялька, грубо оттолкнула — „даромъ его пожалѣй!“ — и съ недоумѣнiемъ открылъ это человѣческое горе у князя наивный Назаръ Ильичъ:

— Ахъ ты, говорю, и у васъ, ваше сіятельство, горе такое же человѣческое!..

— „Поклонился я въ другой разъ и пропущу вонъ изъ комнаты, потому понимаю“...

И въ этой теплой ласковости и простотѣ Зоценка исключителенъ, драгоцененъ и поучителенъ. Когда то поэтъ Кузьминъ писалъ о гибели ясности. Эта тема стала особенно тревожной теперь. Утеряна уже не только ясность, но и естественность. Ликъ совѣтской литературы искривленъ, исхудавленъ стиль, пришло зловѣщее фокусничество, въ чести стала нарочитая уродливость.

Вмѣсто живыхъ лицъ въ литературѣ мертвая пугающая гримаса. Писательство охвачено болезнью прямыхъ линий. Всѣ возненавидѣли точность. Гармонiя отталкиваетъ. Все смѣшалась многообразная путаница — путаница и перемѣщенiе плоскостей и перспективъ, смѣшенiе главнаго съ второстепеннымъ и ненужнымъ, отчетливость выгѣснена хаотическимъ бормотаньемъ, умеръ строгiй рассказъ, убитый ёрническимъ сказомъ въ присядку, погибла тональная выдержанность и торжествуетъ развалка, свокъ вбокъ, отступленiе невзначай, лирической сомнамбулизмъ, глубокомысленно шепелявящая юродивость. Смакъ неприличiя обласканъ и манитъ цензурный лексиконъ. Беллетристическая ткань пропитана желчно злобы, потому усилiй и спрянетъ тошнвящiй запахъ мертвечины и гнѣнiя.

На войнѣ были злостные членовредители, пробо-

давшиѣ себѣ ушныя перепонки, отстрѣливавшіѣ собственные пальцы, чтобы не рисковать и не служить. То же самое происходитъ и въ литературѣ.

Всѣ заболѣли модой уродства и писательскаго подражательнаго самовредительства. Такъ безответственнѣй и легче. Въ литературѣ рискуеть только индивидуальность. Общность, схожесть, слинялость и штампъ могутъ прожить безъ страха и безъ приговора. Безпальце не воюють, ибо для нихъ приготовлено тепло и кровь госпиталя. И среди недугующихъ этого лазарета Зоценко одинъ изъ немногихъ здравыхъ, уцѣлѣвшихъ въ этомъ тяжкомъ и заразномъ воздухѣ повальной эпидеміи.

Онъ смѣется, потому что беззлобенъ и здоровъ.

Константинъ Фединъ.

У Фебина большая литературная воля. Онъ умѣетъ доводить свой планъ до конца. Въ немъ живетъ творческое упорство. Онъ ставитъ цѣль и ея достигаетъ. Но Фебиныхъ два. Одинъ — просто, другой искусственъ. Все, что создалъ Фединъ 1-ый полно глубиной человѣчности, овѣяно духомъ и преданіемъ нашей прежней литературы. Тутъ нѣтъ ни предвзятости, ни тенденцій, ни нажимовъ, ни пояснительныхъ и извиняющихся отступлений. Повѣсть „Анна Тимофеевна“ захватываетъ психологичностью, правдивостью, искренними порывами чувства — она стройна, послѣдовательна въ своемъ развитіи и очень убѣдительна. Неубѣдительное — не искусство. Все, что не заставляетъ вѣрить, не дѣйствительно. Это просто не существуетъ. Талантъ это то, что убѣждаетъ. Въ этомъ его власть. Повѣсть читаешь съ большимъ вниманіемъ, нигдѣ ни разу не оскорбляясь ложью, не чувствуя себя обманутымъ, не раздражаясь фокусничествомъ. Здѣсь нѣтъ причудъ выламыванья, искусственныхъ узловъ, связующихъ разорванныя, разползающіяся нитки. Ткань повѣсти цѣльна и крѣпка.

Трогательнъ, серьезенъ, полонъ живой естественности и разсказъ „Тишина“, оберегшій свѣтъ старой

темы о большой неумирающей любви. И въ „Аннѣ Тимофеевнѣ“ и въ „Тишинѣ“ есть страницы, есть сцены, есть картины, исполненныя истинной силой, диллпанція красотой настоящаго искусства. Но и вообще вся книга Федина — „Трансвааль“ — влечетъ своей простотой и естественностью. Въ ихъ нарушеніи укоряли „Наровчатскую хронику“. Конечно, это — сказъ. Можетъ быть, этотъ приѣмъ призванъ сюда для сокрытія авторскаго лица. Все равно, это не измѣняетъ основного смысла разсказа, не смягчаетъ ужаса этихъ отталкивающихъ уѣздныхъ масокъ, не ослабляетъ силы впечатлѣнія, не миритъ съ маскарадомъ кладбищенскихъ мордъ, съ этими видѣніями оскаленной и дряблой пошлости. Большевикизмъ, преломленный въ этихъ гримасахъ болотнаго захолустья, предстаетъ во всемъ уродствѣ своей безкрылой фантастичности.

Мы чувствуемъ и Фединскихъ „Мужиковъ“, и грубое разгильдяйство матроса Ларіона, и грустную судьбу Проски, и унылость деревенскаго быта, его бессмысленную жестокость, покорныя смерти, жалкіе дни, бѣдность, грязь и кровь. И та же ясность окружила солнечный день въ Ряжнѣ, его изумрудныя березовыя рощи, праздничную карусель, веселыхъ мальчугановъ, выопихся около деревянныхъ копей, и деревенскаго кавалера Алексѣя, и отдавшуюся ему Христю, и все село, и берегъ рѣки, гдѣ пахнетъ айромъ, точно ладаномъ.

Тутъ кончается Фединъ 1-ый — Фединъ испуганный, Фединъ пятящійся, Фединъ, брессившійся въ стору. Передъ чѣмъ испугъ? Не удивляйтесь: Фединъ испугался простоты. Онъ утравилъ правды. Его

ужаснула незамысловатость собственных темъ. Федину понадобилась выдумка, его повлекли соблазны замысловатости, онъ захотѣлъ вычуръ формы, ему понравилась музыка съ педальями.

И тогда возникъ Фединъ II-ой, и въ теченіе двухъ съ лишнимъ лѣтъ онъ упорно строилъ тяжкое, громоздкое и несуразное зданіе — свой романъ „Города и годы“. Здѣсь все нарочно, все притянуто, подклеено, грубо свинчено, невѣрно и сложно. Федина манила и тревожила занимательность. Онъ рѣшилъ создать фабульный сюжетный романъ. Но интрига слаба, но увлекательность отсутствуетъ, но захватовъ нѣтъ. Видны скрѣпы, все время кричитъ тайна архитектора, любопытство и вниманіе читателя не возбуждено и не поднято. Нужно обладать терпѣніемъ, чтобы преодолѣть эту гору печатныхъ, гору медленно переворачивающихся, тяжелыхъ страницъ. А сколько положено стараній, сколько ухищреній!

Романъ начинается съ конца. Его открываетъ „глава о годѣ, который завершилъ романъ“. О 1919 рассказано раньше, чѣмъ о 16-омъ, восьмая глава названа второй и „Предшествуетъ первой“. Одна изъ частей называется: „Глава отступленій“. Ахъ, эти вступленія и отступленія! Они, будто желѣзныя вериги. Фединъ тащитъ ихъ, какъ проклятый грузъ. Всѣ части начинаются откуда-то издали. Только преодолевъ первыя страницы главъ, усиленіями памяти восстанавливаемъ ускользающую связь дѣйствій. Романъ перекидывается съ мѣста на мѣсто. Онъ то въ Россіи, то въ Германіи. Это даже не вымыселъ, это — сумасбродство, но и оно ничего не достигаетъ. Темпъ вялъ. Лица пропадаютъ, забываются, вновь появляются, всплываютъ и опять тонуть.

Внѣшняя запутанность тяготитъ и сбиваетъ. Федину хотѣлось создать впечатлѣніе какой-то неестественной естественности.

Онъ полагаетъ сумбуромъ формы отразить сумбуръ эпохи. Нѣтъ предпріятія болѣе рискованнаго и безнадежнаго, нѣтъ заблужденія болѣе наивнаго, чѣмъ это, нѣтъ болѣе горестной и невѣжественной ошибки. Хаосъ жизни и міра не разрушаетъ, а закрѣпляетъ хаотичность литературнаго плана, всегда строгаго, всегда прозрачнаго и послѣдовательнаго.

Здѣсь все отягчено. Инасилованы психологіи. Аристократическая дѣвушка Мари, вдругъ становящаяся нѣмецкой большевичкой, изумляетъ надутой ложью, ничѣмъ не оправданной взбалмошной припадочностью. Создаются невыносимыя противорѣчія между тяжеловѣсной степенностью изложенія и этими постоянными внезапностями перерожденій, неожиданностью поступковъ, невѣроятными актами лжеромантическаго героизма, невозможнаго, небывающаго великодушія. Никто здѣсь логично не выходитъ изъ своего положенія, ничто не приходитъ къ концу. Авторъ не развертываетъ дѣйствія, онъ его перебивываетъ и рветъ.

Удивительно: больше всего Фединъ боится стать скучнымъ, — въ то же время онъ совершенно не замѣчаетъ, какъ онъ нестерпимо длителенъ, тягучъ, неповоротливъ. Ни у кого больше не живетъ такая смертельная дрожь передъ читателемъ, какъ у Федина. Онъ — весь всклокоченный перепугъ. Такой простой, такой понятный и непритязательный въ своихъ повѣстяхъ и разсказахъ, онъ утраченъ въ романѣ призракомъ читательскаго утомленія. Прознѣ этого Фединъ не знаетъ ничего. И

съ опасной онъ сторонится выработанныхъ формъ, старыхъ приёмовъ, испытанныхъ образцовъ. Много разъ у него выпрываются почти клятвенныя завѣренія, что онъ не такой, что онъ совсѣмъ другой, непохожій, что у него все по новому, что съ нимъ нельзя соскучиться.

— Я какъ-то думалъ, — говорится въ „Городахъ и подахъ“, — что романы пишутъ такъ же, какъ строятъ ящики. Надо, чтобы каждая доска всѣми сторонами сошлась съ другими досками. Такъ, по крайней мѣрѣ, писали романы до войны. Теперь и въ романѣ нельзя, навѣрно, въ одномъ мѣстѣ свести больше двухъ человѣкъ рядомъ.

Неправильное обобщеніе, оно вѣрно для Федина и его романа. Было большимъ трудомъ сшить эти куски, разбросанные вѣтрами сюжетнаго каприза, неосуществившейся потребностью оригинальности. Здѣсь все избрѣтено. Художественная правда на свое лицо стыдливо опустила вуаль. Федина покинуло чутье. Ему измѣнила лучшая и самая вѣрная спутница: сдержанность. Весь романъ — длинная напряженность. Его окаянула напущенность, онъ идетъ со сдавленнымъ дыханіемъ.

Можно было яснѣй и гармоничнѣй разсказать о томъ, какъ въ тѣбалованную эксцентричную фрейлейбъ Мари влюбился оберъ-лейтенантъ фонъ цуръ Мюленъ-Шенау, какъ она полюбила русскаго плѣннаго Андрея Старцова, какъ лейтенантъ спасъ его отъ суроваго наказанія за попытку побѣга, — какъ потомъ уже Старцовъ опасается этого Мюленъ-Шенау въ Россіи, какъ убиваетъ за это Старцова его другъ Ванъ Куртъ. Но романъ закутанъ. На немъ слишкомъ много одеждъ, вставокъ и заплатъ. Въ возѣ стѣна онъ захотѣлъ скрыть иголку замысла. Чи-

тателю пришлось его выискивать съ терпѣливымъ усердіемъ. Романъ Федина, конечно, произведеніе, но это произведеніе многихъ дробей и оно подлежитъ сокращенію. Фединъ перемудрилъ, а мудренность не мудрость.

*Ты будешь первый ученикъ мой!
Сказалъ сумасшедшій.*

.

„Велемиръ“ Хлѣбниковъ.

Есть такой давній — и очень плохой — рассказ Горькаго „Ошибка“. Такъ мой эпиграфъ—оттуда. Впрочемъ, о Горькомъ я совсѣмъ не собираюсь говорить. Плохой же рассказъ вспомнилъ потому, что тамъ герой „съ зайцемъ въ головѣ“, сумасшедшій Кравцовъ, быстро находитъ себѣ ученика Ярославцева, и тотъ — тоже довольно скоро — становится сумасшедшимъ.

Человѣкъ съ зайцемъ въ головѣ величественно изрекаетъ своему сумасшедшему послѣдователю:

— Ты будешь первый ученикъ мой!

А тотъ бѣзится мелкими шажками и, опираясь болпакъ, ючтительно шепчетъ:

— Говори, учитель!

И учитель не заставляетъ себя просить и весьма охотно изрекаетъ несусветную чушь, а проповѣдуя нѣкую теорію „Единства звука“, сильно напоминаетъ многихъ изъ недавнихъ новаторовъ слова.

Сумасшедшій бормочеть:

— Спасеніе... Паскаль... Пока...

Все это мнѣ вспомнилось, вотъ, по какому случаю.

Есть въ Совѣтской Россіи такой критическій свистунъ, литературный ванька-встанька — Викторъ Шкловскій. Недавно вышла его книга „Гамбургскій счетъ“, а потомъ появилась его же критическая брошюрка „Пять человекъ знакомыхъ“. Здѣсь, говоря объ Андреѣ Бѣломъ, свистунъ изрекаетъ:

— Не нужно увлекаться біографіей художника!

Какъ видите, мысль отнюдь не блещетъ новизной. Но она свистуну и не нужна, какъ вообще ему чужда всякая сколько-нибудь серьезная мысль. Изрекъ же онъ ее для того, чтобы врыться необоняющимъ носомъ въ интимную — и очень сомнительную и спорную — страницу личной жизни писателей:

— Кто знаетъ, говорятъ, Гете болѣлъ сифилисомъ, — подмигиваетъ и чмокаетъ совѣтскій ванька-встанька.

Конечно, одно это — „говорятъ“, само по себѣ, восхитительно въ устахъ, даже большевикаго свистуна, но, начавъ рыться въ скользкихъ и оклискихъ догадкахъ, грязная душа уже не можетъ остановиться.

Послѣ Гете очередь — за Пушкинымъ.

— И у Пушкина, — хихикаетъ свистунъ, — есть темная строчка о „Меркуріи“. Меркурій же, — услужливо поясняетъ Шкловскій, — это — ртуть.

Такъ этотъ шутъ гороховый не тревожитъ біографій писателей.

Теперь на мой столъ упала книжка, и на обложкѣ ея стоитъ: „Повѣсть о Хлѣбниковѣ“, а на титульномъ листѣ уже другое, болѣе скромное, зато и болѣе точное: „Воспоминанія о Велимирѣ Хлѣбниковѣ“. Кстати ска-

зять, никакого „Велемира“ въ природѣ никогда не существовало, а былъ самый обыкновенный Викторъ Владиміровичъ Хлѣбниковъ, тоже человекъ „съ зайцемъ въ головѣ“, и, конечно, тоже имѣвшій своихъ собственныхъ учениковъ, обращавшихся къ нему, снявъ колпакъ, съ той же почтительной мольбой:

— Учитель, говори!

И учитель Хлѣбниковъ несъ умопомрачительную чепуху.

Все тотъ же Викторъ Шкловскій написалъ къ этимъ воспоминаніямъ Дм. Петровскаго предисловіе, а въ немъ роняетъ фразу, способную кое у кого вызвать самую искреннюю тревогу, и именно потому, что въ ней заключена несомнѣнная доля истины:

— Отъ Хлѣбникова, — объявляетъ Шкловскій, — произошли, какъ поэты: Маяковскій, Асеевъ, Пастернакъ, Николай Тихоновъ и, конечно, Петровскій.

И съ этимъ утвержденіемъ мы совсѣмъ не склонны спорить. Тѣмъ болѣе интересно познакомиться съ основателемъ этой новой литературной школы.

— Кто же, въ дѣйствительности, былъ этотъ учитель прославленной плеяды совѣтскихъ пѣснопѣвцевъ?

И на это, по всей справедливости, съ полнымъ сознаніемъ важности вопроса, во имя простого безпристрастія, мы должны отвѣтить:

— Хлѣбниковъ былъ сумасшедшій.

Какъ-то такъ случилось, что въ русской жизни и въ русскомъ искусствѣ вся послѣдняя четверть вѣка была охвачена тоже своего рода маніей — маніей обожествленія ненормальныхъ. Изъ всѣхъ словъ самымъ параднымъ стало „безумецъ“ со всѣми производными — „безумный“ (подвигъ), „безумная“ (страсть), „безумство“ (храб-

рыхъ), а послѣ безумныхъ пошли „заумные“, и Крученыхъ писалъ стихи:

Убещурь
Скумь
Вы-око-бу

Слава и гордость совѣтскаго Парнаса, молодежь-удалець Вас. Каменскій тоже не отставалъ, и мiръ былъ ошчастливленъ слѣдующимъ стихотворнымъ опытомъ:

Цивью-выинт-пий-ию
Цви-цвицят.

Было еще и такое трехстишие:

Хей-гара
Тере-дере-дере
Холэ-кулэ-нээ.

Но великолѣпнѣй, усерднѣй и длиннѣй всѣхъ писалъ, разумеется, самъ учитель „Велемиръ“ Хлѣбниковъ, и трудно удержаться отъ соблазна процитировать творенія этого человѣка съ зайцемъ въ головѣ, хотя, къ нашему великому сокрушенію, и придется ограничиться лишь скудными выписками.

Вотъ онѣ въ своей полной неприкосновенности и божественной красотѣ:

Пусть гопочичь, пусть хохоричь,
Гоце гопо гопопей!

Еще примѣръ, къ сожалѣнію, маленькій:

Бобэоки пелись губы
Вээоми пелись зоры
Пиээо пелись брови
Лиэээ — пелся обликъ.

Пожалуй, довольно.

Понятно, съ какимъ горячимъ лобопылтствомъ прикаешь къ воспоминаніямъ объ этомъ замѣчательномъ поэтѣ, ставшемъ, къ тому же, учителемъ и наставникомъ гдѣлаго поколѣнія поэтовъ, въ томъ числѣ и своего биографа, Дм. Петровскаго. О Хлѣбниковѣ онъ все время говоритъ не только съ большой любовью, но и съ глубокой почтительностью, совершенно обольщенный и увлеченный этимъ безнадежнымъ человѣкомъ.

Всякое движеніе, всякій жестъ, всякое слово Хлѣбникова кажется ему необычайнымъ откровеніемъ, чуть ли не историческимъ фактомъ, проблестѣвшей чертой, вскрывающей глубины психологіи гения.

Какъ водится, сумасшедшій Хлѣбниковъ иногда подтанцовывалъ, — наблюденіе, давно сдѣланное психиатрами. Но для Хлѣбникова это только божественное осуществленіе мечты Ницше, его заповѣди, звучащей въ устахъ Петровскаго нѣсколько юмористически: „выше подымайте сердца ваши, но не забывайте также и ногъ“. Хлѣбниковъ такъ и поступалъ, и съ полной довѣрчивостью къ цитатѣ Ницше задиравъ ноги при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ.

Какъ хорошій экземпляръ ярко выраженного сумасшедшаго, онъ не только задиравъ ноги, но строилъ еще и совершенно неожиданныя гримасы, — вдругъ мрачнѣлъ, потомъ такъ же внезапно начиналъ бессмысленно улыбаться и кричалъ: „Эврика!“

Въ числѣ великихъ дѣлъ, совершенныхъ этимъ сумасшедшимъ, было основаніе общества, наименованнаго таинственной цифрой: „317“. Хлѣбниковъ считалъ это число магическимъ и, къ общему удивленію, объяснял его замѣчательность тѣмъ, что „317“ плюсъ-минусъ 48 (?) равно 365 (???).

Хлѣбниковъ прибавлялъ, что „317“ было числомъ Предсѣдателей Земного Шара, увѣрялъ, что онъ основалъ особое Государство Времени и можетъ заставить считаться съ этой новой организаціей Государство Пространства.

Словомъ, Хлѣбниковъ представлялъ собой несомнѣнный типъ психически больного человѣка. Это было такъ ясно, что ни въ комъ не могло возбуждать никакихъ сомнѣній. Но, такъ какъ „безумные“ и „безумство“ тогда считались высочайшимъ удѣломъ избранныхъ натуръ, то у Хлѣбникова тотчасъ же нашлись покорные ученики, объявили себя Правительствомъ Земного Шара, выпустили какой-то манифестъ, а подписались просто: „Предсѣдатели Земного Шара“. Это было при Временномъ Правительствѣ, и на его засѣданіе, въ Маріинскій дворецъ, было послано письмо.

Непремѣнно нужно привести точный текстъ этого замѣчательнаго посланія. Вотъ оно отъ слова до слова:

„Здѣсь. Маріинскій дворецъ. Временное правительство. Всѣмъ, Всѣмъ, Всѣмъ. Правительство Земного Шара на засѣданіи своемъ отъ 22 октября постановило: 1) Считать Временное Правительство временно несуществующимъ, а главнонаѣкомствующую А. Ф. Керенскую находящейся подъ строгимъ арестомъ. Какъ тяжело покаять каменной десницы! Предсѣдатели Земного Шара: Петниковъ, Лурье, Дм. и П. Петровскіе, статуя командора я, — Хлѣбниковъ“.

Самъ Хлѣбниковъ былъ типичнымъ психопатомъ, солдаты его считали юродивымъ, и отъ военной службы Хлѣбникова освободили, какъ ненормальнаго. Но иные изъ его учениковъ очень скоро догадались, что изъ сумасшествія можно сдѣлать весьма доходную статью. Въ

Царицынѣ они попробовали выступить на сценѣ. Для рекламы наняли верблюдовъ и развѣзжали на нихъ по городу. Кто-то изъ участниковъ назвался „Песняземъ“. Но не помогли ни Песнязь, ни верблюды. Залъ былъ пустъ.

Потомъ, въ Астрахани, заложивъ послѣднюю шубу, — „шубу короля“! — за 17 рублей и проѣвъ ее, рѣшили заработать въ циркѣ, тамъ скакали на конѣ, и получили за это 15 цѣлковыхъ. Безуміе — безуміемъ, но, какъ говорить у Островскаго, „презрѣнный металлъ для поддержанія брэннаго существованія“ былъ нуженъ.

Въ Москвѣ произошла любопытнѣйшая исторія.

Сумасшедшій Хлѣбниковъ и его вѣрные апостолы заголодали и какъ-то разбредлись, а вскорѣ ученики узнали, что ихъ сумасшедшій наставникъ отлично устроился на изживеніи у булочника Филиппова. Конечно, апостолы посигѣшили къ булочнику. Ихъ встрѣтилъ Хлѣбниковъ и, какъ одержимый маніей величія, прогнѣвался и закричалъ:

— Вы еще недостаточно извѣстны, чтобы разсчитывать на мецената!

Оказалось, Хлѣбниковъ получилъ заказъ отъ Филиппова написать романъ (!), ему былъ предоставленъ номеръ въ гостиницѣ, столъ у мецената, и на своей двери, съ обычной хитростью сумасшедшихъ, Хлѣбниковъ вывѣсилъ записку: „Пріемъ отъ 11.30 до 12.30 часовъ дня“. Своихъ послѣдователей онъ избѣгалъ: милостей Филиппова на всѣхъ не хватило бы.

Но и апостолы не дремали, и какъ-то учитель былъ ими все-таки пойманъ, его приперли къ стѣнѣ, и, сколько онъ ни вилялъ, ему пришлось сознаться, что онъ равнымъ счетомъ ничего не пишетъ, а отъ себя прибавимъ — ни-

какого романа Хлѣбниковъ и не могъ написать. Происходилъ самый наглѣй обманъ доверчиваго булочника, дававшій право на кормъ и пристанище.

Словомъ, Хлѣбникову и тутъ помогла его ненормальность, — съ одной стороны, манія величія, заипнотизированная Филиппова; съ другой, сумасшедшая хитринка.

Хлѣбниковъ былъ истерикъ.

Его мимолетныя бредовыя идеи, бессмысленныя и нелѣпыя поступки, обманы чувствъ, игра въ ребенка (пуэрилизмъ, по терминологіи психіатровъ), болтливость, смѣнявшаяся „мутизмомъ“ (полная молчаливость), наклонность къ словеснымъ вычурамъ (стереотипія), одержимость „вихремъ идей“, — все это признаки, давно установленныя наукой и опредѣляющіе истериковъ и сумасшедшихъ.

Разумѣется, это не могло ускользнуть отъ наблюденія даже самыхъ преданныхъ людей, и если за Хлѣбниковымъ, слѣдъ въ слѣдъ, все же шли его ученики и подражатели, то тутъ дѣйствовали двѣ силы.

Первая — бессознательное тяготѣніе нервно расшатанныхъ, инстинктивно создающихъ и выпрацывающихъ въ себя такъ наз. „индуцированное помѣшательство“, — заболѣваніе отъ сожительства съ душевно-больнымъ.

Во вторыхъ, уже совершенно сознательная спекуляція на модѣ, на игрѣ въ безуміе.

— Что же произошло и чѣмъ кончилась вся эта частію жалкая, частію постыдная комедія?

А очень просто.

Изъ хлѣбниковскихъ прихвостней никто не оказался явно сумасшедшимъ, но многіе все же подпали подъ его вліяніе, и теперь гордо сохраняютъ за собой наименованіе его учениковъ и подражателей.

Викторъ Шкловскій зналъ, какъ польстить этимъ не-
удавшимся Поприщиннымъ и поэтому въ предисловіи по-
дарилъ имъ почетное званіе:

— Объявляю васъ на запяткахъ у помѣшаннаго!

„Маяковского на варшавскомъ вокзалѣ встрѣтили представители польскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, полпредства и депутація молодыхъ поэтовъ“. (Изъ газетъ).

Вл. Маяковскій.

Когда-то, въ порывѣ любовнаго признанія, критикъ Ивановъ-Разумникъ называлъ Маяковского „ломовымъ извозчикомъ поэзіи“. Можетъ ли быть оскорбленіе большее для ломовыхъ извозчиковъ? Правда, слово „ломовой“ какъ бы предопредѣляетъ неизбежность лома, однако, и онъ происходитъ лишь по волѣ случая, является слѣдствіемъ непомѣрной силы этихъ почтенныхъ но, къ сожалѣнію, неуклюжихъ тружениковъ. Маяковскій — не ломовой. Маяковскій — нафѣдникъ. Его пафосъ наигранъ. Онъ галопируетъ, чтобы напугать толпу. Это не смѣлость, а наглость. Смѣлость — вызовъ опасности. Наглость — сознаніе безнаказанности. Маяковскій ничтоженъ, и ничтожны его стихотворные кренделя, ничтожны его книженки, струящіяся вертикальными ленточками словъ. Если бъ эти, злотомъ шаплаканнныя, столбцы перестроить въ обычный порядокъ стихотворныхъ

строкъ, — весь багажъ Маяковского улегся въ узенькой
вершковой обложкѣ.

Это совѣтъ не поэзія. Это даже не стихи. Это
громыхающія созвучія. Они однообразны и утомительны.
Въ своемъ короткострочіи Маяковский — стихотворный
Дорошевичъ для дураковъ. Развѣ можно считать стихами
эти коленки поставленныхъ въ затылокъ словъ, эти жалкіе,
нѣмые печатные хвосты:

„Восемь.
Девять.
Десять.
Вотъ и вечеръ
въ ночную жуть
ушелъ отъ окопъ
хмурый декабрь“.

Это оригинальность не автора, а типографіи. Сюда
поэзія не загнула даже косога взгляда. И въ сознаніи
своего безсилія, своей беспомощности, кривобокости, без-
напѣвности Маяковский бросается въ пыкащееся, нату-
женное, словесное гримасничанье. Надо поразить хоть
этимъ. Появляются неуклюжія слова: „разабрикосена“,
„тенькая“, „нененькой“, „жаленькій“, „масомясая“. Это
тяжко, скучно, здѣсь нѣтъ ни одного отзвука любви къ
словесной музыкѣ, солнечности, прозрачности и точности
слова. Такъ понятны, такъ близки всѣмъ намъ эти при-
чуды языка, такъ упоительна нечаянная радость новаго
слова, шаловливое счастье подкатившагося къ сердцу эпи-
тета. У Маяковского только эффекты уродства. Онъ
прутъ. У него нѣтъ литературнаго слуха. Въ своемъ
стремленіи вѣчно позировать это — актеръ-блужникъ.
Маяковский — парень на ходуляхъ. Нѣсколько разъ пе-

режнялъ онъ свои роли. Одно время игралъ въ трагическій байронизмъ. Потомъ хотѣлъ сыграть футуристомъ, обожествившимъ вещь машину, затѣмъ примѣрялъ себѣ костюмъ Герострата, сжигающаго литературные храмы, повергающаго иконостасы, обрасывающаго прошлое съ „корабля современности“, — теперь Маяковский сталъ обличителемъ, большевицкимъ Савонароллою. Но и „корабль современности“ построенъ изъ нашего стараго материала. Повсюду у Маяковского слѣды чужихъ вліяній. Тутъ и ранній Брюсовъ, и Блокъ, и Сологубъ. Объ этомъ можно упомянуть лишь вскользь: нельзя серьезно говорить о Маяковскомъ — поэтѣ. Онъ публицистъ, а не поэтическъ. Его имя промче его сочиненій. Этотъ ухарскій самоплясъ словъ рожденъ совѣмъ не литературными цѣлями. Его призвалъ Маяковский не для того, чтобы найти выраженіе собственной личности, въ немъ излиться и рассказать себя, — его чванливый лексиконъ стремится только удивить, поразить, испугать. Напорность языка, назойливое выпирание гиперболъ, нахрапъ человѣка, безмѣрность, безудержность — вотъ основныя черты Маяковского, его литература, его жизнь. Маяковского я зналъ, и вотъ какъ мы познакомились.

Въ 1913 г. пошатнулись дѣла одесскаго антрепренера Арнольдова. Надо было спасать театръ. Въ Москвѣ шумѣли футуристы. Я посоветовалъ Арнольдову устроить ихъ вечеръ въ Одессѣ. Онъ ухватился за эту мысль и скоро было получено согласіе отъ Давида Бурлюка, Вasilія Каменскаго и В. Маяковского. Игорь Сѣверянинъ не пріѣхалъ. Впрочемъ, онъ всегда держался отдѣльно отъ этой группы и тогда называлъ себя „эго-футуристомъ“.

Начался вечеръ. На сцену вышли худощавый и

бѣлокурый Каменскій, круглолицый, румяный, тяжеловатый и смѣливыи Бурлюкъ, и Маяковскій въ желто-розовой кофть. Щеки и лобъ российскихъ футуристовъ были разукрашены загадочными треугольниками, одинъ изъ нихъ нарисовалъ на своемъ лицѣ собачку. Для окончательнаго покоренія публики расписали красками физиономію самоотверженно согласившейся кассирши. Арнольдовъ просилъ меня сказать вступительное слово о Маринетти и футуризмѣ. На минуту меня покинула смѣлость: я зналъ, что вечера нашихъ футуристовъ вездѣ сопровождались метаніемъ стульевъ на сцену, а эта перспектива мнѣ не казалась заманчивой. Я сталъ уговаривать отважныхъ гастролеровъ, я призывалъ ихъ къ воздержанности, я просилъ не ругать публику хотя бы потому, что она все-таки заплатила деньги. И это удалось. Вечеръ прошелъ безъ кровопролитія. Залъ настроенъ былъ очень добродушно, а когда Бурлюкъ вынесъ доску, на которой были нарисованы разноцвѣтные треугольнички, — лиловые, черные, желтые и малиновые, — и объявилъ: „Портретъ Пильскаго“, — публика разразилась неудержимымъ хохотомъ. Вечеръ кончился, Арнольдовъ торжествовалъ, футуристы отправились въ литературный клубъ, за ними по пятамъ ходили любопытные, озадаченные люди, кто-то попросилъ Бурлюка прочесть со сцены, и онъ вышелъ, сказалъ нѣсколько не совсѣмъ приличныхъ словъ, назвалъ своихъ слушателей „цисуарамъ“, и, не вызвавъ этимъ особеннаго восторга, вмѣстѣ съ Каменскимъ и Маяковскимъ покинулъ отсталый клубъ, не одѣнивший красоты его дерзновенія.

Но и рядомъ съ ними своей наглостью выдѣлялся все-таки Маяковскій. И если у Бурлюка чувствовалось веселое озорство, то у него выпирало какое-то хлесткое,

мордастое нахальство. Кстати, это слово „нахальный“ часто встрѣчается въ строкахъ Маяковскаго.

Потомъ я вспоминаю его въ Петербургѣ во время войны. Онъ казался скучающимъ и неприкаяннымъ. Какъ-то сказалъ мнѣ: „Уѣду на позиціи!“... Тогда Маяковскаго начали кое-гдѣ печатать. Между прочимъ, его въявья, колючія вещицы помѣщали въ „Сатириконѣ“ Аверченка. О Маяковскомъ и русскихъ футуристахъ Горькій выразился: „У нихъ что-то есть“. Тогда Маяковскому это очень льстило. Уже только потомъ, вѣрный своей наглою прубости и чванству, Маяковскій обругалъ и Горькаго. Объ этомъ онъ написалъ такъ: „Поѣхалъ въ Мустамяки. М. Горькій. Читалъ ему части „Облака“. Разочуствовавшійся Горькій оплакалъ мнѣ весь жилетъ. Разстроилъ стихами, я чуть загордился. Скоро выяснилось, что Горькій рыдаетъ на каждомъ поэтическомъ жилетѣ. Все же жилетъ храню. Могу кому-нибудь уступить для провинціального музея“.

Однажды я шелъ по Невскому. На углу Литейнаго, около часового магазина Винтера, собралась толпа. „Въ чемъ дѣло?“ — спросилъ я. И мнѣ объявили, что кто-то кого-то бьетъ. Оказалось, это Маяковскій билъ своего издателя. Потомъ, въ первый день революціи онъ, вольноопредѣляющійся военно-автомобильной школы, спасавшійся тамъ отъ войны, лицомъ къ лицу столкнулся съ своимъ начальникомъ, генераломъ Секретевымъ, и, положивъ правую руку на его лѣвый погонъ, произнесъ повелительнымъ голосомъ: „Генераль, вы арестованы“.

Въ эти дни я его очень часто встрѣчалъ въ Таврическомъ дворцѣ и за нимъ покорно, съ приговореннымъ видомъ, ходило нѣсколько офицеровъ — автомобилистовъ, а Маяковскій что-то кричалъ, чѣмъ-то распоряжался и

куда-то гонялъ машины. Такъ началась его блестящая революционная карьера.

Теперь читаю, что его встрѣчаютъ почему-то даже представители министерства иностранныхъ дѣлъ. Это умилительно. Впрочемъ, это еще и очень удивительно и анекдотично. Труднѣе всего мнѣ было бы представить этого ломового извозчика не въ поэзіи, а въ жизни именно среди политиковъ и дипломатовъ и, конечно, особенно цольскихъ.

Въ своемъ надутомъ хвастовствѣ, сварливомъ, угловатомъ чванствѣ, размашистомъ російскомъ удалствѣ, рисуясь дерзкимъ пренебреженіемъ къ людямъ, приличіямъ, элементарной вѣжливости, съ разстегнутыми пуговицами тамъ, гдѣ онѣ всегда должны быть застегнуты, уродливый циникъ, обитатель воображаемаго міра чертей, остроенныхъ изъ пальцевъ на стѣнѣ, выломанный, нарочитый и безпардонный, въ этой группѣ изысканныхъ представителей дипломатіи Маяковский — живой шаржъ, карриатура, самая удивительная гримаса житейской неожиданности. Путешествіе по Европѣ Маяковского вдругъ мнѣ напомнило острья, прекрасныя въ своей яркости строки изъ лѣсковскаго „Путешествія съ нигилистомъ“, и про самого Маяковского можно сказать тоже словами Лѣскова:

— Нахалкиканецъ изъ-за Ташкенту: Генераль Черняевъ его верхомъ на битюкѣ послалъ, чтобы онъ болгарамъ отъ Кокарева пятьсотъ рублей отвезъ, а онъ, по театрамъ, да по баламъ, всѣ деньги въ карты проигралъ и убѣжалъ.

„Нахалкиканецъ!“... Возможно ли изобрѣсти, мыслимо-ль найти лучшее опредѣленіе для путешествующаго наглеца?

Мих. Кольцовъ.

На портретѣ — молодой, густокудрый человекъ, принимающій небрежно-изломанную позу любовника на отдыхѣ, демонстрируетъ свою пижаму, — хорошая пижама, заграничная: въ СССР такихъ не умѣютъ дѣлать. Фотографія приложена къ „Собранію сочиненій“ и воспроизводитъ ликъ Михаила Кольцова.

За рубежомъ его никто не знаетъ, но среди совѣтскихъ кропателей Михаилъ Кольцовъ считается женпремьеромъ. Онъ умѣетъ восторженно объясниться въ любви нужнымъ мужчинамъ и женщинамъ и свои воздушные поцѣлуи даритъ Ленину, его женѣ Крупской, его сестрѣ Елизаровой, Раковскому, Дзержинскому. Прежде дарилъ Троцкому, но теперь разлюбилъ. И всѣхъ ихъ фамилярно называетъ по имени-отчеству: Владимиръ Ильичъ, Христианъ Георгиевичъ, Надежда Константиновна, Марья Ильинична. Не забываетъ и себя. У него вездѣ скромно-хвастливое „мы“, „наше“, „наша революція“, „нашъ — коммунистовъ“. Но больше всего мнѣ понравилась строка о Кіевѣ. Кольцовъ вспоминаетъ:

— Мы уходили на пароходахъ.

Какъ „мы уходили“, — я не знаю, но за то хорошо помню, что въ Кіевъ „мы“ не только приходили, но „мы“

готовы были тамъ и радостно осѣсть подъ властью гетмана, генераль-адъютанта Скоропадскаго.

Вмѣстѣ съ самыми отъявленными буржуями въ Кіевѣ, несся и молодой человѣкъ, строчившій въ бѣлогвардейскихъ газетахъ замѣтки, подписанныя „Мих. Кольцовъ“. И когда сейчасъ я читаю въ предисловіи нѣкоего Мих. Лучанскаго, что сей „Мих. Кольцовъ“ цѣликомъ родился съ революціей“ и что онъ даже — „сама революція“, мнѣ вспоминаются годы войны, Ивановская улица, домъ 14, редакция „Русской Воли“, а въ ней робко околачивающійся человѣкъ, чающій движенія воды и съ умиленіемъ протягивающій листокъ своихъ писаній.

Какъ теперь, такъ и тогда онъ приходилъ въ редакціи не только со статейками, но и съ протекціей, и въ „Русскую Волю“ Кольцовъ протиснулся съ рекомендательнымъ письмомъ стараго, высоко-буржуазнаго одесскаго журналиста, Эрманса. Письма не помогли. Кольцова печатали рѣдко и неохотно.

Потомъ, вмѣстѣ съ буржуазными бѣженцами, онъ весело и счастливо перебрался въ Кіевъ, и писалъ самыя буржуазныя фельетоны въ буржуазныхъ газетахъ, но буржуазія оказалась не въ авантажѣ, оставался при ней было опасно и невыгодно, и только поэтому Кольцовъ рѣшилъ примкнуть къ „нашему интернаціоналу“, къ „нашей революціи“, и вотъ почему „мы уходили на пароходахъ“.

За то и достается же теперь буржуазной прессѣ отъ Кольцова! — „Бульварная“, „мѣщанская“, „золотушная“, „желтая“, „защитающая вереницу ухищреній, подлостей, низостей, эксплуатациі“. Это вообще о всей европейской и, въ частности, прежней русской печати, а

ныгнѣшнюю зарубежную прессу Кольцовъ иначе и не называетъ, какъ „эмигрантскими чайными домиками“.

Конечно, совѣтскій наймитъ иначе выражаться не смѣетъ, но, рассказавшись, онъ начинаетъ врать, притомъ наивно и глупо. Кольцовъ хвастливо завѣряетъ, что „наша“ (ну, конечно, „наша“!) печать достигаетъ общаго тиража въ восемь милліоновъ экземпляровъ“, а „общій тиражъ дореволюціонной буржуазной російской прессы едва достигалъ двухъ съ половиной милліоновъ“.

Но если даже допустить, что совѣтскія газеты, обязательно — по приказу — выписывающіяся не только учреждениями, клубами, театрами, но и торговлями и всѣми должностными лицами, дѣйствительно имѣютъ восемь милліоновъ тиража, то и въ такомъ случаѣ гордиться нечѣмъ. Русская революціонная печать въ послѣдніе годы имѣла огромное распространеніе, а, главное, моральный авторитетъ и вліяніе, о чемъ казенные соворганы не смѣютъ даже мечтать.

Одно „Русское Слово“ печатало не менѣе одного милліона семисотъ тысячъ; громадныя тиражи захватили газеты „Копѣйка“, „Биржевыя Вѣдомости“, „Огонекъ“, отлично шли „Современное Слово“ и „Новое Время“, большое распространеніе имѣли „Петербургскій Листокъ“ и „Петербургская Газета“, „Московское Утро“, хорошій тиражъ былъ у „Русскихъ Вѣдомостей“ и „Рѣчи“. Это — только въ двухъ столицахъ.

Но распространеніе и провинціальныхъ газетъ не оставляло желать ничего лучшаго, и „Кіевская Мысль“ выпускала сотни тысячъ экземпляровъ, очень хорошо шли „Южный Край“, „Одесскія Новости“, „Одесскій Листокъ“, а если сюда прибавить всю остальную провинцію, т. е. не только такіе города, какъ Саратовъ, Баку — гдѣ

одно время сразу выходили три большія газеты, — Ростовъ на Дону, но даже самые маленькіе города, имѣвшіе иногда по двѣ газеты, (неожиданный примѣръ — Бендеры), если вспомнить о сибирскихъ центрахъ, Кавказѣ, Бессарабіи, Средней Азіи, то всё эти хвастливые и горделивые „восемь миллионовъ“ должны скромно потупить глаза. И прежнія газеты были независимы: никто имъ не давалъ приказовъ изъ Ц. К.; никому онѣ не навязывались насильно, никого не командировали для выполнения газетной „трудовой“ повинности.

Мы были идейно свободны, и ни одинъ издатель, и ужь, конечно, никакая власть, — до министра внутр. дѣлъ включительно, — не могли насъ обязать и заставить, не въ силахъ были измѣнить наши взгляды ни на іоту.

И когда кто-нибудь изъ насъ не считалъ возможнымъ поддержать въ томъ или иномъ вопросѣ издателя или редактора, насъ никто не могъ насиловать, — ни нашу свободную волю, ни нашу свободную мысль, и если это несогласіе раскрывало наше общее идейное размирненіе съ руководителями газеты, мы уходили и разрывали съ ней навсегда, — иногда поодиночкѣ, отдѣльными лицами, но бывали случаи, когда газету покидалъ весь составъ редакціи полностью. Такъ случилось съ самарской газетой, съ екатеринославской, съ петербургскими „Новостями“ О. К. Нововича въ 1905 году.

И ужь, конечно, нигдѣ, ни въ одномъ органѣ, ни съ однимъ изъ насъ еще могло случиться то, что случилось совѣмъ недавно съ двумя критиками и редакторами совѣтскихъ екемѣсячниковъ, съ Воронскимъ и Полонскимъ, осмѣлившимися только чуть-чуть, слегка не совпасть полностью отъ аза до фѣрта съ приказами и велѣніями вла-

сти, и тогда же лишившимися не только своих редакторских постов, но и права жительства в столицах.

Нѣтъ, буржуазная печать давала свободу, и ея дѣтели никогда не разставались со своей независимостью, съ правомъ на исповѣдываніе и выраженіе собственныхъ взглядовъ.

Правда, прежде ни на одной страницѣ русскихъ газетъ имя Кольцова нельзя было бы разглядѣть даже въ микроскопъ, и пышный расцвѣтъ этого молодого чело-вѣка былъ ему приготовленъ только на поляхъ и въ садахъ, среди плевелъ совѣтскаго журнализма. И это счастье онъ заслужилъ. Двѣ черты должны были обратить на него одобрительное вниманіе власти, — низко-поклонная льстивость и еще наглость, доходящая до цинизма.

Возможно ли безъ смѣха читать высокопарную чепуху Кольцова о томъ, какъ „солнечный лучъ, обезпоеенный здоровьемъ Ленина, прокололъ зеркальныя окна кремлевскаго дворца“, и поэтому „у Каменева свѣтлѣ стало лицо“, или о томъ, что „Ленинъ, какъ личность, былъ устроенъ гармонически“, что „Ильичъ расхохотался“, „Ильичъ улыбнулся“ и „весь міръ навсегда узналъ Ленина революціонера, ниспровергателя, мыслителя, создателя социалистическаго государства, бойца, ученаго, партійца, вождя, писателя“, и еще неизвѣстно, что — не то чорта въ ступѣ, не то Владимира-Краснаго Солнышка, — мели, Емеля!

Надрываясь въ своемъ высокоградусномъ восторгѣ, Кольцовъ увѣряетъ, что одна мысль, одно представленіе о маніакѣ Ленинѣ приводило въ смущеніе и бросало въ краску стыда самыхъ буржуазныхъ писателей, и Аверченко будто бы счелъ долгомъ изъять изъ своей книги

„Дюжйна ножей въ спину революціи“ — рассказъ о Ленинѣ, и это, видите ли, случилось потому, что „Аверченку стало не по себѣ“. Есть ли граница вранья и предѣлъ льстиваго низкопоклонства?

И въ томъ же тонѣ Кольцовъ пишетъ обо всѣхъ, власть имунныхъ — и о Раковскомъ, и о Дзержинскомъ, о его „золотомъ сердцѣ“, его любви къ дѣтямъ, его неподкупности, его трудахъ и дѣлахъ, и о Войковѣ, и о покорителѣ міра и умовъ Чичеринѣ, и о Троцкомъ, „который самъ себѣ памятникъ“, нынѣ, впрочемъ, стоящій уже не въ Кремлѣ, и, естественно, уже потерявшій всякую надежду и права на кольцовскіе воздушные поцѣлуи.

Но сколько лести — столько и наглости.

Вотъ — Кольцовъ говоритъ о Шульгинѣ и его нелегальной поѣздкѣ въ СССР и скорбитъ объ ея „безнаказанности“, хотя самому Кольцову должна быть отлично извѣстна провокаціонная подкладка и чекистская работа, сопровождавшая и вызвавшая это путешествіе.

Вездѣ, гдѣ можно пнуть, ущипнуть, высунуть языкъ, поврать, передернуть, Кольцовъ проявляетъ такую старательность, угодливость и ретивость, что „Правда“ должна была бы ему оплачивать эти не-литературныя услуги особымъ тарифомъ сдѣльно, за каждую голову, — отдѣльно за Коверду, отдѣльно за Шульгина, отдѣльно за Деникина, и повышенной таксой за Керзона и Чемберлена, — жалъ только, что англійскіе политикки совсѣмъ не знаютъ, кто такой Кольцовъ, и почему онъ такъ радостно отплясываетъ свой подождокій танецъ.

Восхваливъ до небесъ всѣхъ чекистовъ, вмѣстѣ и порознь, молодой человекъ въ пижамѣ приходитъ въ неистовое восхищеніе отъ того, что „Слоня пишеть“. Рѣчь же идетъ о Соловахъ, объ этомъ лагерѣ смерти. Репутація

острова и его порядковъ столь неоспорима, что, казалось бы, даже самый безпardonный совѣтскій прихлебатель долженъ былъ почувствовать всю щекотливость этой темы и, во всякомъ случаѣ, воздержаться отъ защиты единственной въ мѣрѣ каторги. И самъ Кольцовъ сознается, что вокругъ этого гиблага мѣста царить „атмосфера глубокаго почтенія, хотя и не очень сильной любви“.

Какъ будто все ясно, но Кольцовъ въ восторгѣ: только тамъ, только въ Соловкахъ открытъ путь для нравственнаго совершенства, только тамъ людямъ „дана возможность окрылить свое сознаніе вѣрой въ будущее“.

И читая о Соловкахъ у Кольцова, поражаешься райской жизни сосланныхъ. Всѣ трудятся, всѣ довольны, всѣ блаженны, выпускаютъ свой собственный журналъ, и всѣ тамъ пишутъ, есть театръ, и вообще — „на Сломи живуть и трудятся бодрые, вѣрящіе въ свое исправленіе люди“. Чѣмъ не рай? Только подумать — до какихъ измышлений доходитъ вся европейская и міровая печать! Всѣ врутъ — только Кольцовъ говоритъ правду — и надо удивляться одному: какъ это до сихъ поръ російскіе граждане не подали прошеній о переселеніи на Соловки? Но вотъ, — подите жъ! — не догадываются, и даже послѣ кольцовскихъ рекламныхъ зазываній на Соловецкій курортъ, покалуй, такъ и не догадаются.

Безмѣрна, ни съ чѣмъ несравнима беззащѣтчивая наглость молодого человѣка въ пижамѣ, непризнаннаго буржуазной печатью, зато облаканнаго совѣтской, — этого придворнаго лысца. Когда-то Михайловскій клеймилъ проституттовъ печати, продающихъ за деньги красоту своего пера. У Кольцова нѣтъ и этой красоты. Онъ торгуетъ другимъ товаромъ, — угодничествомъ и фальшивыми изъясненіями въ любви. Кольцовъ похожъ на

плохого провинціального любовника съ наиграннымъ пафосомъ, громыхающей декламаціей, противной манерностью, дешевымъ кокетствомъ.

Ему хотѣлось бы быть патетичнымъ, но онъ холоденъ, равнодушенъ и безсиленъ. Онъ хочетъ показаться поэтичнымъ, а у него „двѣ черныя клешни тянутся къ алтому городу.“ Онъ пробуетъ быть мѣткимъ въ краткости, а выводитъ о томъ, что „руки и глаза — острые ножи“, и у него тема — „обрамляетъ“, кирпичи „молчать на красной стѣнѣ“ (?), „разсыпаться, кто куда“ и т. д. и. т. д.

Его фотографія выразительна, ее непременно нужно было приложить къ этой книгѣ: мальмыжскій первый любовникъ, чародѣй подвального этажа, — „обольститель деревенскихъ дурь“, — про свою газетную карьеру онъ могъ бы сказать словами каррикатурной шансонетки:

„Въ пансіонѣ я училась,
Счастья не нашла,
Счастье я тогда спознала,
Какъ въ пантанъ топла.“

Осипъ Дымовъ.

Время — скульпторъ и, чаще всего, скверный. Но это еще и неутомимый скульпторъ, никогда не успокаивающійся, злобно измѣняющій наши черты. Какъ странно идетъ ростъ человѣка! Почти никогда впрямь и ввысь. Жизнь не любитъ прямыхъ линій. Мы растемъ, какъ дерево: вѣтвимся, искривляемся, проростаемъ сучками. Участвуемъ ли мы нашимъ сознаниемъ, нашей волей въ этомъ путанномъ рисункѣ роста? Не всегда. А, впрочемъ, такъ ли это нужно? Неужели даже тутъ нельзя обойтись безъ надуманности? Увы, и здѣсь бываетъ тенденціозность. Да, и наши жизни похожи на искусство. И онѣ бываютъ талантливыми, естественными, искренними, но могутъ стать лживыми и предвзятыми. Можно назвать цѣлый рядъ людей, нарочито и упрямо выгѣплявшихъ свое зранѣе предрѣшенное лицо, выполнявшихъ какое-то, разъ навсегда опредѣленное, задание. И я зналъ такихъ, которые сумѣли воспитать въ себѣ вѣщные горделивую выдержку, и другихъ, кокетливо рядящихся въ мечтательную беспомощность, и еще тѣхъ, кто приучилъ себя къ сосредоточенному молчанію и, какъ сюрпривъ, получилъ за это лестный аттестатъ глубокомыслія. Мнѣ пришло это въ голову потому, что я прочелъ о писателѣ Осипѣ Дымовѣ:

исполнилось 25-лѣтіе его драматургической дѣятельности.

Вотъ человѣкъ, который долгіе годы сочинялъ себѣ собственное лицо и никакъ не могъ сочинить. Все время онъ выдумывалъ себѣ позы, создавалъ какое-то „положеніе“, шаря, выискивалъ подходящее для себя кресло, выбиралъ литературный портфель. Онъ не писалъ, онъ не просто разговаривалъ, онъ не влюблялся, какъ люди, — Осипъ Дымовъ всёми этимъ какъ бы сотворялъ на глазахъ у всѣхъ свою пышную автобіографію. Въ своей литературной жизни онъ неизмѣнно хотѣлъ одного: обоженія и ласки. Его несчастье заключалось въ томъ, что его, въ самомъ дѣлѣ, приласкали, и онъ сразу потерялъ голову, началъ жеманничать, изламываться, вертѣть голубымъ хвостомъ.

И сразу же въ его писанія пришла изломанность, появились прикрасы, закапризничало жеманство, выпятилось желаніе казаться изощреннымъ и модничать. У него появился новый, очень непріятный оттѣнокъ: Дымовъ сталъ томнымъ, онъ напустилъ на себя сугубое томленіе неудовлетвореннаго полубога. Недаромъ и повѣсть его называлась „Томленіе духа“.

Я помню его совсѣмъ молодымъ. Его первыя строки появились въ „Театрѣ и Искусствѣ“. Тамъ онъ былъ секретаремъ редакціи, помѣщалъ маленькія рецензіи, но тамъ же мы прочли и его первые три разсказа, тоже изъ театральнаго жнзни, явно выдававшіе подчиненность чеховскимъ мотивамъ. А потомъ мы вмѣстѣ работали въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“. Здѣсь я Дымова узналъ близко, и сразу почувствовалъ его самовлюбленность и желаніе нравиться. Это ему даже удавалось, а помогала въ этомъ его способность имитации. Онъ ловко подражалъ

чужому голосу, вѣрно копировалъ манеры, вызывалъ смѣхъ, а когда люди смѣются, они сначала прощаютъ, потомъ сочувствуютъ.

Но вотъ однажды Дымовъ пригласилъ нѣсколько сотрудниковъ прослушать его первую пьесу. Въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана „Москва“ собрались В. А. Бонди, Б. П. Бурдесъ, А. А. Измайловъ и я. Пьеса называлась „Каинъ“ и развертывала картину семейной вражды. Тема была модной. Въ ней чувствовалось вѣяніе ницшеанства — „любовь къ дальнему“, а не близкому, и вся она была сдѣлана тоже по модному, слегка опять таки, подъ Чехова, отчасти подъ Шницлера, съ приправой изъ Достоевскаго, чего хочешь — того просишь. „Каина“ поставили, кажется, на сценѣ Малаго театра, но безъ успѣха. Пьесу пришлось очень скоро снять. Дымова, однако, эта неудача нисколько не обезкуражила. Къ числу унывающихъ онъ никогда не принадлежалъ и вслѣдъ за „Каинъ“, одна за другой, появились „Слушай, Израиль“, „Ню“, „Преступленіе противъ нравственности“ и „Пѣвецъ своей печали“. Темныя рулады и роскошное изломленіе стана проникли и сюда. Къ этому времени Дымовъ напустилъ на себя и загадочность, — ну, а если загадочность, то должна же быть не только непонятость, но даже и нѣкоторая абсолютная непонятность, и Дымовъ надѣлъ на себя мистическій сарафанъ.

Онъ вообще до страсти тишился прослыть символическомъ, мистикомъ, потусторонней персоной, и фіологовъ туманъ спустился на дымовскую землю и окуталъ сдержанную хижины бѣлостокскаго ницшеанца, — онъ же воображалъ, что это не хижина, но башня звѣздочета.

Это особенно вскрылось въ „Преступленіи противъ нравственности“. И когда въ кievскомъ Соловцовскомъ

театрѣ главную роль Зины поручили актрисѣ Е. С. Кузнецовой, она съ лукаво расширенными глазами тихо трясла въ рукѣ пьесу и недоумѣнно гадала:

— А, вѣдь, что-то онъ, должно быть, все-таки хотѣлъ сказать!

Словомъ, Дымовъ все время напрягался. Изъ своего литературнаго шкафа онъ вынималъ то одинъ костюмъ, то другой, будто неизмѣнно выѣзжалъ на парадъ, пока не допарадировался такъ, что сейчасъ мы его можемъ видѣть гарцующимъ на красномъ конѣ въ большевицкой нью-йоркской газетѣ, а это уже не Метерлинкъ, и не Ницше, и не мистика, и никакого символизма тутъ нѣтъ, а есть настоящій, осязаемый вѣрный реализмъ откровеннаго сребролюбія, потому что такой же, все-таки, большевикъ этотъ Осипъ Дымовъ со своей тоже непонятой Ню?

Послѣдній разъ я видѣлъ Дымова передъ его отъѣздомъ въ Америку. Это было 14 лѣтъ тому назадъ. Тамъ онъ получилъ, наконецъ, свое совсѣмъ не загадочное испѣленіе отъ всѣхъ надземныхъ „измовъ“ и научился цѣнить долларъ, и этотъ долларъ отвѣтилъ ему взаимностью. Во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ эмигрантскихъ писателей онъ одинъ устроился въ Нью-Йоркѣ прочно и благополучно, а года полтора тому назадъ даже выигралъ какой-то процессъ, принесшій ему очень приличный кушъ.

И это меня нисколько не удивляетъ.

Коль скоро въ Америкѣ превыше всего цѣнятся долларъ, надо идти за тѣмъ, что цѣнится. Если въ Америкѣ хорошій тонъ предписываетъ имѣть обязательно надежный бумажникъ, съ этимъ не надо спорить и этого надо достигать. Если бѣ Дымовъ жилъ въ старой Венеціи, онъ въ лунную ночь поднимался бы по веревочной лѣстницѣ къ своей возлюбленной и при этомъ аккомпаниро-

валь самому себѣ на мандолинѣ. Если бѣ онѣ жилѣ въ Испаніи въ эпоху плаща и шпаги, онѣ вызвалѣ бы на дуэль чахоточнаго гидальго и продлявилѣ, если не егѣ самого, то егѣ камзолѣ. Но такѣ какѣ онѣ жилѣ въ Россіи, а тогда въ Россіи самымѣ моднымѣ повѣтріемѣ былѣ театрѣ, а въ театрѣ самымѣ моднымѣ повѣтріемѣ было московско-художественное, то и Дымовѣ долженѣ былѣ написать пьесы „съ настроеніемѣ“ и даже съ нѣкоей проблемой, и, конечно, съ метерлинковской таинственностью. Недаромѣ петербургскіе литературные остряки утверждали, что Федорѣ Фальковский будто бы сказалѣ Дымову:

— Мы съ тобой — двѣ русскія Метерлинки.

Но Америка не Метерлинкѣ. Тутѣ подай другое. Тутѣ туманы не котируются, а долларѣ не любитѣ никакихѣ мечтаній. И чуткій нюхѣ и слухѣ Дымова это уловили сразу, всѣ русскіе и не русскіе Метерлинки полетѣли подѣ столѣ, и за это на столѣ округлился самодовольно сіяющій долларѣ, золотой и круглый, какѣ солнце истинной поэзіи.

І. І. Ясинскій.

1.

И дома были рядомъ. На Мѣщанской 23 жилъ я, а въ № 25 помѣщалась редакція „Биржевыхъ Вѣдомостей“, и туда я заглядывалъ по нѣсколько разъ въ день. Это было въ 1902 году, я только что пріѣхалъ изъ Москвы, проработавъ нѣсколько мѣсяцевъ въ „Курьеръ“, издававшимся Я. Фейпинымъ и И. Д. Новикомъ. Тамъ были напечатаны мои первые рассказы. Беллетристическимъ отдѣломъ вѣдалъ Леонидъ Андреевъ. „Биржевыя Вѣдомости“ охотно открыли мнѣ свои столбцы, и я сталъ писать злободневные фельетоны. Я дѣлалъ это, скупя сердце. Хотѣлось другого. Я влекся къ критикѣ и беллетристикѣ, но газета вообще не помѣщала рассказовъ, а критическій отдѣлъ былъ цѣликомъ въ рукахъ покойнаго А. А. Измайлова. Все-таки я сдалъ поэму въ прозѣ „Зарево“, ее прочелъ І. І. Ясинскій, наговорилъ мнѣ много приятныхъ словъ и взялъ въ свой журналъ „Ежемѣсячныя Сочиненія“.

Такъ началось наше знакомство.

Ясинскій былъ величественно-красивъ. Его массивное тѣло увѣнчивалось большой эффектной головой съ тяжелой серебряной копной волосъ, импонировалъ его ростъ,

располагалъ добрый и ласкающій взглядъ, вкрадчивая мягкость манеръ и поражалъ своимъ несоотвѣтствіемъ тонкій голосъ.

Моя молодая впечатлительная наблюдательность какъ-то сразу безсознательно почувствовала въ немъ зыбкую, женскую невѣрность. И, въ самомъ дѣлѣ, въ немъ было много женственнаго. Проступали черты нѣжности, лукавства, кокетства. Онъ казался ненадежнымъ. Это была женщина, которая измѣняетъ. Ясинскій — вѣтренность. Онъ общался и не исполнялъ. Давалъ слово и не сдерживалъ.

Ясинскій считался редакторомъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“. Считался и не былъ имъ. Къ лицу газеты, ея содержанію, интересамъ сотрудниковъ, успѣху „Биржевыхъ Вѣдомостей“ онъ оставался равнодушнымъ. Но и его мягкость происходила тоже не отъ широты и доброты — она являлась слѣдствіемъ апатичной халатности. Въ редакціи его звали „мамочкой“. Съ этимъ ласкательнымъ словомъ онъ обращался ко всѣмъ, приходившимъ къ нему по дѣлу.

Случались курьезы. Какой-то провинціалъ привезъ Ясинскому статью о бубликахъ, ихъ выпечкѣ и распространеніи. Онъ ее отправилъ въ наборъ, какъ передовую. В. А. Бонди, — поневолѣ являвшійся фактическимъ редакторомъ, — бѣгалъ въ тотъ день отъ одного сотрудника къ другому, потрясая гранками о бубликахъ и жалуясь на „мамочку“.

— Вы понимаете: номеръ газеты открывается хлѣбопекарней! Все — наша „мамочка“.

Въ своихъ воспоминаніяхъ („Романъ моей жизни“) самъ Ясинскій рассказываетъ о трагикомическомъ случаѣ. У передовой статьи Градовскаго мальчикъ просы-

паль наборъ конца, оригиналь затерялся въ корректорской, было поздно, метранпажъ обратился къ выпускающему съ просьбой придѣлать окончаніе, и тотъ придѣлалъ. Взялъ и написалъ: „Отче нашъ, иже еси на небеси“... до самаго „Аминь“. Наборщики набрали, статья была спущена въ машину и на другой день подписчики съ немалымъ удивленіемъ могли прочесть статью о Гладстонѣ и восточной политикѣ Россіи съ молитвеннымъ обращеніемъ въ концѣ къ Отцу Небесному.

Но въ газетѣ Ясинскій цѣнился не за редакторскую работу, а за свои статьи о провинціи, ея дѣлишкахъ, бытъ, мелкихъ неправдахъ о всемъ томъ, что могло интересовать и занимать захолустнаго русскаго обывателя. Отдѣлъ такъ и назывался: „Что думаютъ и дѣлаютъ въ провинціи?“ Подъ этими статьями Ясинскій подписывался псевдонимомъ: „Независимый“.

Здѣсь его услугъ былъ, дѣйствительно, оромень. Провинціальное изданіе имѣло исключительный тиражъ. Оно расходилось въ сотняхъ тысячъ. Корреспонденція, получаемая со всѣхъ концовъ Россіи, была необъятна. Иногда Независимый писалъ фельетонъ на нѣсколько темъ сразу, удѣляя по нѣсколько строкъ каждому вопросу, разъясняя недоумѣнія, бѣгло отвѣчая и указывая. Такія статьи онъ называлъ „Почтовымъ ящикомъ“, и иные изъ его корреспондентовъ адресовали письма такъ: „С.-Петербургъ. Почтовый ящикъ Независимаго“. И письма доходили.

Россійской глуши въ ту пору газета представлялась верховной носителницей правды, послѣдней инстанціей, гдѣ можно было еще искать и найти защиту. Въ печатное слово, его власть, его авторитетъ, его неподкупную честность читатель вѣрилъ, былъ счастливъ общеніемъ

съ писателемъ, утѣшался его откликами на свое горе и нужды. Въ этомъ отношеніи Ясинскій обладалъ многими незамѣнимыми достоинствами. Онъ былъ лириченъ, умѣлъ утѣшать и ободрять. Его статьи носили на себѣ отпечатокъ литературной мягкости, были проникнуты живымъ сочувствіемъ, украшены художественнымъ пейзажемъ, изложены въ доступной и пріятной формѣ разсказа. Популярность Ясинскаго завидно росла.

Правда, темы этихъ бесѣдъ съ читателемъ были незначительны. Но и онъ самъ не поднималъ большихъ вопросовъ, и я могу это утверждать.

Какъ-то вмѣсто Ясинскаго, заболѣвшаго или переживавшаго очередное недоразумѣніе съ издателемъ С. М. Прошеромъ, — мнѣ пришлось вести провинціальный отдѣлъ въ теченіе цѣлаго мѣсяца. Ко мнѣ поступала вся корреспонденція, и до сихъ поръ я помню, какъ отвѣчалъ на запросъ какихъ-то сельскихъ парубковъ и разрѣшалъ сомнѣнія Муромскаго мельника. Парубки жаловались, что имъ запрещаютъ гнѣть на улицѣ послѣ 11-ти часовъ, а мельникъ хотѣлъ узнать у меня, — жениться ему или нѣтъ.

Большинство обращеній не выходило за предѣлы интересовъ семейнаго или узко-бытового круга. Такую переписку я видѣлъ еще только одинъ разъ: ее велъ со своими подписчиками издатель „Вѣстника Знанія“ В. Е. Битнеръ. У него просили совѣтовъ, гдѣ купить мандолину и канарейку, какой системы долженъ быть лучший лобзикъ, и Битнеръ обстоятельно удовлетворялъ эту любознательность. Тутъ тоже ходко распространялся журналъ, попомъ Битнеръ сталъ даже созывать районные сѣзды своихъ подписчиковъ и, наконецъ, учредилъ для нихъ особый нагрудный знакъ.

Словомъ, полезное, интересное иногда радостное и всегда прибыльное, это перекликаніе съ обывателемъ, запертымъ въ глуши, это ауканье, эти семейныя бесѣды, разумѣется, никогда не носими никакого политическаго характера.

2.

Каково же было мое удивленіе, когда я прочелъ среди воспоминаній Ясинскаго о томъ, что онъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ „проводилъ социаль-демократическую линію“, въ своемъ революціонномъ нафосѣ былъ неудовлетворенъ „мирной политикой такихъ социаль-демократовъ, какъ Струве“, и даже оверхчеловѣку Ницше „придавалъ обликъ большевика“. Конечно, это грубая неправда. Ни о какихъ большевикахъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“ никто не думалъ. О нихъ не было помину. Никогда Ясинскій не склонялся не только къ крайностямъ социаль-демократической программы, но и отдаленно не былъ марксистомъ.

Въ чемъ дѣло?

А въ томъ, что вся эта книга, — эти щекотливые итоги его житейскаго и идейнаго шатаванія, — стремится кого-то убѣдить и отъ чего-то запятиться.

Въ своемъ радикализмѣ, въ своей давней лѣвизнѣ авторъ хочетъ, конечно, увѣрить большевиковъ. Но не только ихъ однихъ. Безсознательно (а, быть можетъ, и обдуманно) онъ желаетъ убѣдить и насъ, въ томъ, что онъ перешелъ въ этотъ станъ послѣдовательно, естественно, даже органически. Онъ подчеркнута напоминаетъ о своихъ неизмѣнныхъ сочувствіяхъ рабочимъ и крестьянамъ, подробно рассказываетъ, какъ Промперъ былъ озадаченъ его требованіемъ совѣщать положеніе фабрикъ съ точки

зрѣнія заработной платы, какъ на своемъ юбилеѣ онъ настаивалъ на предоставленіи мѣста рабочимъ, какъ боролся за матеріальныя улучшенія наборщицковъ, какъ близко сходилъ съ крестьянскими поэтами, какъ печатно воевалъ съ крутымъ помѣщикомъ Ридигеромъ, какъ много терпѣлъ отъ царской цензуры.

Онъ убѣждаетъ насъ, но мы не вѣримъ. Искренность всегда слышна. У Ясинскаго ея нѣтъ. Здѣсь все подтасовка и искаженіе. Эта книга освѣщена невѣрнымъ свѣтомъ фальши. Она — длинное самооправданіе. Это исповѣдь лицемѣра, а лицемѣріе здѣсь то окрашено наивностью, то отталкивается неточностью, то выдаетъ скрытую озлобленность.

И самый тонъ повѣствованія тоже лицемѣренъ, и за его внѣшнимъ, прощающимъ безпристрастіемъ хоронится клевета, навѣтъ и сплетня. Лицемѣрны и эти изъявленія своихъ восторговъ передъ большевиками, эта радостная изумленность величіемъ Луначарскаго, который при свиданіи поразилъ его тѣмъ, что „совсѣмъ не походилъ на министра, хотя былъ несомнѣнно министр и членъ очень могущественнаго правительства“, „конфузился“ и даже „улыбался“, а „глаза его, очень яркіе и внимательныя, были устремлены“... на Ясинскаго.

И тоже лживое, льстивое лицемѣріе слышится въ его офѣнкѣ Златы Еновны Дилиной (жены Зиновьева), посвятившей „хорошее слово“ памяти Гаршина. Въ этомъ „хорошемъ словѣ“ она объяснила, что трагедія Гаршина была въ его слабости, помѣшавшей ему стать революционеромъ, и объ этой кощунственной чепухѣ Ясинскій пишетъ: „товарищъ Дилина была права“. И это снова скверная, лицемѣрная ложь, тѣмъ болѣе непростительная, что самъ Ясинскій прекрасно знаетъ, какъ сложна, глу-

бока и индивидуальна была трагедія несчастнаго Гаршина.

Онъ лживъ въ сужденіяхъ, но злостно неточенъ и въ своихъ фактическихъ свидѣтельствахъ. Неправда, будто Леонидъ Андреевъ проданъ Протопопову за 60.000: Андреевъ получалъ за редактированіе литературнаго и театральнаго отдѣла вмѣстѣ съ оплатой всего имъ написаннаго 3.000 въ мѣсяцъ — свой нормальный гонораръ: Андрееву вездѣ платили за строчку 1 рубль и даже 1 руб. 50 коп., а въ „Русской Волгѣ“ онъ работалъ добросовѣстно и много. Безъ чувства брезгливости нельзя читать и эти неискренніе упреки Андрееву въ томъ, что онъ „превратился въ социаль-патріота“, и (о, ужасъ!) „сталъ восхищаться бельгійскимъ королемъ“. Это тѣмъ неожиданнѣе, что самъ Андреевъ относился къ Ясинскому очень благожелательно, и Ясинскій о немъ писалъ съ большою восторженностью. Откуда же переменна, откуда это позднее коварство? Объясненіе просто. Лжецы протоварируются и Ясинскій рохлеетъ:

— Пріѣзжалъ онъ ко мнѣ на Черную Рѣчку, но я чувствовалъ, что онъ не только меня посѣщаетъ, но и „удостаиваетъ“.

Тутъ вскрывается еще одна характерная черта Ясинскаго: его мелочность. А эта мелочность — слѣдствіе узвленнаго, обиженнаго и безпокойнаго самолюбія.

Весь путь Ясинскаго, вся его душа, всѣ его сужденія и отношенія всегда были шатки. Въ своемъ качаніи онъ ухитрился перебрасываться изъ „Отечественныхъ Записокъ“ Салтыкова въ „Свѣтъ“ Комарова, и въ приложеніи именно къ этой газетѣ вышелъ его романъ подъ характернѣйшимъ названіемъ „Лицемѣры“. Почему-то онъ про-

пелъ незамѣченнымъ, межъ тѣмъ его слѣдовало замѣтить.
„Лицемѣры“ написаны тоже лицемѣромъ.

Правда, Ясинскій вывелъ тамъ и себя подъ именемъ Иваницкаго. Это — его право. Но онъ недвусмысленно и прозрачно захотѣлъ вывести еще и другихъ — между прочимъ, Лѣскова и Вибикова. Теперь въ этомъ уже нѣтъ никакихъ сомнѣній. „Воспоминанія“ Ясинскаго раскрываютъ это съ полной неоспоримостью. Свидѣтельства Ясинскаго-мемуариста совершенно совпадаютъ съ эпизодами, изображенными Ясинскимъ-романистомъ, и романъ „Лицемѣры“ когда-нибудь долженъ стать предметомъ любопытней главы въ будущемъ интересномъ изслѣдованіи: „Исторія русскаго пасквиля“.

И, дѣйствительно, въ своемъ обличительномъ сладострастіи Ясинскій нескрываемо тянется къ уязвляющему личному, интимному разоблаченію, прибѣгаетъ къ методамъ типичнаго пасквиля.

При своей мелочности, въ своей длительной обиженности, въ сознаніи своей неоспоримости, упрямый, какъ всѣ слабые и зыбкіе, этотъ безвольный самолюбецъ не только защищается, но и нападетъ. Онъ оправдывается и мститъ. Объявля себя, Ясинскій чернитъ другихъ. „Воспоминанія“ сводятъ счеты, и съ злобствующей радостью Ясинскій упоминаетъ, „какъ о фактѣ неоспоримомъ“, о 100.000, полученныхъ сотрудниками „Русскаго Богатства“ за статьи противъ японской войны. Но и тутъ онъ тотчасъ же порицающе киваетъ головой на Розанова, калісавпаго объ этомъ въ „Новомъ Времени“, и за это исключеннаго имъ, Ясинскимъ, изъ списка своихъ сотрудниковъ. Словомъ, на „Русское Богатство“ тѣнь брошена не Ясинскимъ, а Розановымъ, и самъ Ясинскій не только въ упрека, но и необыкновенно благодаренъ, а поверженъ

опять-таки Розановъ, хотя неблагоприятный службъ о 100.000 запечатлѣнъ все-таки въ книгѣ Ясинскаго.

Такъ Ясинскій защищается и оправдывается, — вотъ способы, которыми онъ желаетъ доказать свою политическую и общественную чистоту.

Но въ его жизни есть и еще одна сторона, почему-то зануждавшаяся въ своемъ обьявленіи. Мы подходимъ къ щекотливому пункту. Рѣчь идетъ о женелюбїи Ясинскаго. Это могло бы остаться тайной, завѣшанной интимнымъ пологомъ. Никому до этого нѣтъ дѣла. Эту щкатулку захотѣлъ отомкнуть самъ Ясинскій. И опять: это его воля. Но и тутъ, снова все такъ же, какъ вездѣ, желая предстать передъ нашими взорами въ бѣлоснѣжныхъ одеждахъ невинности и чистоты, онъ начинаетъ пятнать страницы чужой жизни. У него Лѣсковъ отличается „сладо-страстіемъ“ и даже „сластобѣсіемъ“. Атава женатъ на „погибшемъ, но миломъ созданіи“, съ Надсономъ въ Кіевѣ прѣзжаетъ чужая жена, Минскій расходится съ Юліей Безродной, Дорошевичъ жилъ съ дѣвушкой, которая и т. д., и т. д.

Ясинскаго это не коробитъ. Повѣствованія о чужихъ романахъ должны отмѣтить святость „Романа моей жизни“, оправдать слабости, грѣхи и преступленія Ясинскаго. Значитъ, и онъ имѣлъ право быть плохимъ. Но онъ даже не плохъ — нѣтъ! — прочтите „Воспоминанія“ и вы видите, какъ онъ деликатенъ, чутокъ, высокъ и прекрасенъ, какъ несправедлива къ нему судьба, какъ подкупны, пошлы и себялюбивы люди. Если неустойчивъ онъ, то другіе тоже не стойки. Если его происхожденіе не даетъ правъ на гордость — что же дѣлать — вы не должны забывать (и Ясинскій вамъ заботливо напомнитъ), что Михайловскій былъ сыномъ жандарма, а отецъ

Мережковского состоялъ придворнымъ лакеемъ. Если самъ Ясинскій былъ и тамъ и тутъ, и съ лѣвыми и съ правыми, то другіе, вѣдь, писали Суворину „дифирамбическія письма“. И обо всемъ этомъ рассказывается мягко, легко, какъ бы мимоходомъ, даже съ претензіей на безстрастіе. У Ясинскаго лживость не напорна, она не бьетъ по глазамъ и нервамъ, иногда она становится даже ласковой, и только временами съ очевидной явностью въ ней проступаетъ подлость.

3.

А ложно все: ложно смиреніе, лживы порывы, напускная кротость и уже за ними, таясь, стоятъ лукавость, невѣрность, оскорбленность и злоба. Это — итоги печальнаго „романа“ Ясинскаго съ литературой, съ общественностью, съ жизнью, а теперь съ большевиками.

Но черезъ всѣ эти черты и призраки явно звучитъ робкій голосъ какой-то неловкости. И въ ней сказалась большая драма стараго Ясинскаго: его мучительное недовольство прожитой жизнью, страшный конецъ, называющійся духовнымъ одиночествомъ.

Девять десятыхъ этой книги онъ готовъ былъ бы сжечь, но прошлое не сжигается.

Конечно, въ этихъ воспоминаніяхъ Ясинскій скрытенъ. Это тоже характерно: съ годами душа закрывается для людей, и открывается для міра. Душа Ясинскаго занавѣшана — запавѣшана, но разгадана.

Въ своей нестойкости, аморальности, впечатлительности, онъ былъ неизмѣнно подчиненъ власти соблазновъ: онъ тотъ, кто уступаетъ. Въ этомъ есть какіе-то

слѣды душевной проституціонности — отдаваться всѣмъ и никого не любить.

Душа Ясинскаго похожа на позолоченное сито. Оно поблескиваетъ и ничего не удерживаетъ: оно всегда пусто.

А. А. Верицкая.

Анастасія Алексѣевна Верицкая занимала совершенно особое мѣсто... какъ видите, я не рѣшаюсь сказать только одного слова: въ литературѣ. И все у нея было тоже особое: свой собственный книжный складъ, цѣлыхъ двѣ автобиографіи и даже „нашъ собственный“ лекторъ, Илья Василевскій (Не-Буква).

Въ своей автобиографіи она разсказываетъ рѣшительно обо всемъ, — о томъ, какъ ее, четырехклассницу, поцѣловали въ губы кадетъ, какъ ее называли „ангеломъ“, какъ „я была очень красивой“, какъ „я была очень талантливая“, какъ она купалась, какъ ихъ классъ „водили въ баню каждыя три недѣли“, съ какимъ „тайнымъ трепетомъ радости она слѣдила, какъ округляются формы ея тѣла“.

Но тутъ же Верицкая дѣлаетъ и одно важное заявленіе. Она говоритъ о своей популярности.

Дѣйствительно, былъ моментъ, когда ее читали больше, чѣмъ Льва Толстого, и она охотно перечисляетъ, кто именно создалъ ей успѣхъ. Это были курсистки, студенты, но также полу-интеллигенція, мѣщане и ремесленники. Верицкая не лгала. Свою аудиторію она набирала отовсюду, но, конечно, главнымъ образомъ, изъ полу-

интеллигенці и нивозь. Ея романъ былъ, воистину, оболъстителемъ „бѣдноты“, а сама Вербицкая искренно воображала, что она является смѣлой проповѣдницей свободы чувства, женской эмансипации, человѣческаго счастья, романтической любви.

У этой Жоржъ Зандъ для бѣлошвеекъ были изумительныя заглавія, — „Злая роса“, „Напги ошибки“, „Огни заката“, „Чья вина?“, „Духъ времени“, „Горе идущимъ, горе ушедшимъ!“, „Ключи счастья“, — и повѣствовалося тамъ о необычайныхъ страстяхъ, великолѣпныхъ, „шикарныхъ“ герояхъ, возвышенно-потрясающихъ женскихъ порывахъ. Охваченный безуміемъ, „онъ бросался къ ней... жаркіе поцѣлуи сыпались на ея полу-открытыя уста... она не сопротивлялась... Тѣло трепетало около него...“ Прекрасны, умопомрачительны были ея князья и кавалеры, — Вальтонскіе, Гаральды, Штейнбахи, — но и околоточные были тоже не плохи, и одного изъ нихъ она описываетъ съ тѣмъ же чувствомъ: „околоточный — красивый франтъ въ бѣлыхъ перчаткахъ“. Эти герои не смѣли говорить просто, — гѣтъ, — у нихъ „съ необыкновенной страстностью и силой звучали слова“, у героиня „сверкали глаза“, въ нихъ „горѣло настоящее вдохновеніе“. Почти на каждой страницѣ стояли эффектные „экстазы“, и „бездны“, и „фибры“, и о чемъ только ни говорили просвѣщенные герои Вербицкой, — о Нидше, Уайльдѣ, Беклинѣ, Марксѣ, Спенсерѣ, Энрико Ферри.

Вербицкая писала не только романы, — она на своихъ страницахъ учила. Вербицкая указывала, какъ и о чемъ нужно говорить въ хорощемъ обществѣ, какъ вести себя „по благородному“, — она просвѣщала, она под-

носила готовые заповѣди. Она обогащала дешевыми афоризмами, дарила не только „ключи счастья“, но и ключи уразумѣнія великихъ истинъ, и онѣ сразу оказывались невеликими, совѣтъ не замысловатыми, несложными, доступными, какъ монпансье, простыми, какъ таблица умноженія:

— „Любовь самоцѣль. Научитесь повиноваться ея зову. Не все ли равно, кто подастъ вамъ опьяняющую чашу, пейте ее до дна. Не бойтесь, что изсякнетъ радость.“

Или такъ:

— „Надо любить любовь, вообще любовь, а не отдѣльнаго человѣка.“

Она соблазняла соблазняющихся, подталкивала колеблющихся, ободряла брошенныхъ, утѣшала расквашенныхъ:

— „Уйдетъ одинъ, придутъ другіе, — не все ли равно кто?“

— „Привѣтъ вамъ, новыя женщины! Берите любовь, смѣясь и радуясь!“

И заповѣдывала:

— „Ни клятвъ, ни договоровъ, ни вопросовъ! Берите и идите дальше къ новымъ встрѣчамъ, къ новой любви!“

Главное же, — рекомендовала Вербицкая, — не надо останавливаться, нужно „держаться“.

И легко представить себѣ, какой широчайшій откликъ она должна была найти въ темной массѣ своего полу-интеллигентнаго, шатающагося читателя. Всѣ сложныя проблемы ему подавались въ такомъ веселомъ и реальномъ толкованіи, столь осязаемо, наглядно и упрощенно,

что оставалось только махнуть на все рукой, и „летѣть въ бездну“.

Успѣху Вербицкой способствовалъ историческій моментъ. Ея имя выплыло наверхъ тогда, когда „Прекрасная магометанка, умирающая на гробѣ своего мужа“, уже перестала удовлетворять нетребовательный вкусъ улицы. Понадобилось другое. Пришелъ кинематографъ, показалъ „красивую жизнь“, зашекоталъ нервы у кисейной барышни, свелъ съ ума мѣщаночекъ съ геранью, разбудилъ спавшую мечту. Тутъ явилась Вербицкая и привела съ собой красавцевъ, эффектныхъ обольстителей, окружила ихъ обворожительной бутафоріей, заболтала о модныхъ вопросахъ, о забастовкахъ и о любви, о Ницше, о баррикадахъ и о беззапретной страсти, и сразу стала побѣдительницей всѣхъ слабыхъ сердець и ненадежныхъ мозговъ.

Въ тѣ годы полу-интеллигенція какъ-то особенно жадно устремилась хоть однимъ глазомъ взглянуть на пышную, но недоступную жизнь счастливицевъ и избранниковъ, и навстрѣчу этой потребности пошли прежде всего бульварные листки, вѣрно учуявъ спросъ и подсчитавъ доходы. Въ Петербургѣ амплуа съ ума сводящей беллетристки заняла кн. Бебутова („Петербургскій Листокъ“), въ Москвѣ — Вербицкая.

Она очень тонко почувствовала это вѣяніе и отдала ему все, что могла отдать. Не лишне вспомнить, что Вербицкая начала писать въ „Русской Мысли“, помѣщала свои венцы въ „Мірѣ Божіемъ“ (тамъ печаталось ея „Освободилась“), вѣроятно, поэтому о ней, уже впоследствии, когда она совсѣмъ отошла отъ прежнихъ дорогъ, самымъ серьезнымъ образомъ рѣшился говорить Вл. Кра-

никфелдъ и даже ставилъ ей въ заслугу занимательность вымысла и богатую, интригующую фабулу.

Но теперь Вербицкой было не до этого. Толстые журналы ее уже не интересовали. Къ ней прѣзжали оптовые покупатели, — по мелочамъ она не продавала, — и она вела ихъ на складъ, снимала съ пояса большой ключъ, отпираала дверь, отсчитывала по тысячѣ томовъ, ей отслониавши тоже тысячи рублей, и она имѣла всѣ основанія объявлять о выходѣ новой книги особыми циркулярами:

— „Въ четвергъ, такого-то числа, въ двѣнадцать часовъ дня, выйдетъ въ свѣтъ VI-й томъ книги „Ключи счастья“. Являются съ веревками и рогожей. Продажа исключительно за наличныя“.

Вербицкая — лучший показатель русской литературной некультурности. То, что отдѣльныя лица и небольшие затворническіе кружки являли собой вершины тончайшаго эстетизма, ничего не измѣняетъ въ общей картинѣ. Вспоминается мѣткое замѣчаніе Вячеслава Иванова о двухъ „ярусахъ“ русской культуры. Ихъ было не два, а три: крайней мѣрѣ, три: верхи интеллигенціи, затѣмъ ея масса, потомъ шла чащоба, полу-подвальный этажъ едва хлебнувшихъ, почти совершенно невѣжественныхъ представителей обширной публики. Она ходила въ театръ, она подписывалась на „Ниву“ и „Вѣстникъ Знанія“, читала дешевую и водкую газету, но между ней и настоящей культурой не было переброшено ни одного моста. Между этажами сообщенія не было, и каждый жилъ своей собственной жизнью, самъ, въ себѣ и для себя, и у каждого были свои кумиры.

Вербицкая наwerbовала себѣ паству изъ этихъ полу-подваловъ, и здѣсь ей процалось все. Она обладала ис-

ключительнымъ талантомъ вульгаризаціи. На ея страницахъ шла кровавая гибель боговъ. Къ чему бы она ни приковнулась, все меркло и заплясало. Ей было дано страшное искусство всеопишленія, но и это не вредило, не уменьшало успѣха, не суживало ея читательскаго круга.

Въ этой толщѣ проходила совершенно незамѣченной и пугающая безграмотность Вербицкой. А она писала плохо, на отвратительномъ русскомъ языкѣ, съ ужасными ошибками. Чуть ли не въ каждой главѣ попадались фразы:

— „Вихремъ страсти охватило его, сметая (!) на своемъ пути всѣ условности“.

— „Его охватывало безумное желаніе, глядя (!) на портретъ Маріонъ“. И т. д., и т. д.

И Вербицкая свершала свой путь легко и весело, огражденная надежной защитой читательскаго невѣжества, все время преуспѣвая, годъ отъ году увеличивая тиражъ своихъ книгъ, неизмѣнно повышая ихъ цѣну, — а этихъ книгъ у Вербицкой набралось около 50. Вдругъ пришла революція. Казалось, — наступилъ конецъ и для нея. Ключи счастья были потеряны. О Вербицкой забыли.

Въ сущности, это было бы совершенно естественно. Совѣтская Россія выростила новый литературный „моледнякъ“, и, конечно, тутъ не было ни малѣйшаго намека на графовъ, князей, убійственныхъ брюнетовъ и молодыхъ околоточныхъ. На Вербицкой можно было поставить крестъ и сказать: могила.

Но вдругъ Вербицкая запротестовала. Въ своемъ заявленіи она требовала признанія и реабилитаціи. Съ изумительной развязностью она напоминала о сво-

ихъ заслугахъ, о своемъ сотрудничествѣ въ „толстыхъ марксистскихъ журналахъ“, о своей борьбѣ съ предразсудками, о своей враждѣ къ буржуазіи, о несправедливости и наветѣхъ буржуазной прессы, о преслѣдованіяхъ „Рѣчи“, о походѣ противъ нея реакціонеровъ, — Свворцова въ „Колоколѣ“, Булацеля, Глинки-Янчевскаго, наконецъ, самаго Дубровина. Она взывала къ защитѣ своихъ правъ, и большевики ее услышали, Вербицкую взяли подъ свое покровительство сразу трое „вождей“, — Ольминскій, Воровскій и Луначарскій.

Въ одинъ голосъ съ Вербицкой ея большевицкій заступникъ Ольминскій категорически утверждалъ, что она стала жертвой кадетскаго заговора, что кадеты дали объ этомъ особую директиву, эта „директива была напечатана въ центральномъ органѣ партіи“, и, такимъ образомъ, „травля противъ Вербицкой, поднятая буржуазной печатью, по инициативѣ газеты „Рѣчь“, укоренилась въ нашемъ сознаниі“.

Къ Ольминскому присоединился Луначарскій, какъ всегда, суетливо, глупо и восторженно.

— Могу сказать не безъ гордости, — писалъ онъ, — что я былъ, пожалуй, единственнымъ человѣкомъ, который, ничего не зная объ этой статьѣ Ольминскаго, въ большомъ докладѣ — „Ключи счастья“, какъ знаменіе времени“, — въ Женевѣ уже указывалъ на то, какая именно сторона въ творчествѣ Вербицкой оказалась плѣнительной.

А когда Вербицкая оказалась „плѣнительной“ для самого Луначарскаго, дѣло пошло быстрымъ ходомъ, и Воровскій собралъ комиссію изъ 12 —, очевидно, по числу апостоловъ, — литераторовъ-коммунистовъ и заставлялъ ихъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ читать

подрядъ всѣ произведенія Вербицкой. Это былъ единственный случай, когда я пожалѣлъ коммунистовъ, и пожалѣлъ напрасно: прочли и одобрили. Воровскій не только купилъ весь книжный складъ Вербицкой, но и заботливо роздалъ его рабочимъ клубамъ и читальнямъ. Вербицкой же любезно позвонилъ и сказалъ:

— Поздравляю съ полной побѣдой! Ваши книги рѣшено переиздать.

Съ перваго взгляда весь этотъ фарсъ можетъ показаться фантазмагоріей.

— Вдругъ „рабоче-крестьянская“ власть беретъ подъ свою высокую руку буржуазную писательницу архи-буржуазнаго происхожденія, дочь помѣщицы, да еще какой: „моя мать была деспотомъ“, — писала сама Вербицкая въ автобіографіи. — А „въ самой аристократической церкви города отецъ поднесъ къ причастію дѣвочку Настю“ т. е. именно се, Вербицкую, нынѣшнюю создательницу цѣлой галереи волшебныхъ принцевъ, неотразимыхъ побѣдителей сердець. Въ чемъ дѣло, откуда такая милость? Почему понадобилось скупать ея книги, зачѣмъ раздавать ихъ рабочимъ клубамъ? И, собственно, на этотъ вопросъ отвѣта нѣтъ. Разгадать смыслъ этого кавалерскаго жеста не легко.

Впрочемъ, попытку кое-какого разъясненія можно сдѣлать.

Вѣдь, это для насъ съ вами Вербицкая является олицетвореніемъ пошлости, но развѣ для комсомолки, для героинь, напр., С. Малашкина, Лидина, Никандрова, для всѣхъ этихъ потерянныхъ Тань и Мань, безстыдно пляшущихъ въ полу-голомя видѣ, развѣ для всей разоблаченной и неразоблаченной совѣтской чу-

баровщины Вербицкая пошла? Конечно, нѣтъ. Не только не пошла, а наоборотъ, — она — примѣръ, поученіе, ходячая мораль, небесная романтика, голубой цвѣтокъ.

Это для насъ съ вами она цинична, плоска, наивна въ своей обнаженной проповѣди, груба и даже непристойна. Но рядомъ съ Коллонтай она — монахиня, воплощенное цѣломудріе, образецъ скромности, и Луначарскій, съ этой точки зрѣнія, правъ, называя ее „идеалисткой въ положительномъ смыслѣ этого слова“.

Большевики не только могли, но были обязаны канонизировать Вербицкую за ея проповѣдь „свободной любви“, безумнаго „сближенія“, за „дивный моментъ высшаго напряженія, которое сольетъ тѣла въ прекрасный аккордъ“, и, особенно, за то, что она всегда учила тому, что такъ хорошо усвоили себѣ молодые комсомольцы, всѣ совѣтскіе „ребята“, ихъ „братва“ и „дѣвпцы“:

— Душу свою не отдавайте любви. Берите любовь тѣла. Пройдетъ одна, придетъ другая. Порывъ живетъ мигъ. Надо побѣдить самое страшное — нашу женственность...

Вербицкая учила, Луначарскіе осуществили, и сама справедливость требовала, чтобы этой женщинѣ было воздано по заслугамъ.

И ей воздали.

Извратители духа.

Разсказъ называется „Безъ языка“, — о мытарствѣ совѣтской гражданки, тщетно разыскивающей въ Москвѣ „высшія художественно-техническія мастерскія“. Ихъ никто не знаетъ, а сама она не догадалась, что это — „Вхутемас“. Теперь тамъ не языкъ, а какой-то шифръ и загадочный кодъ: „гау“, „гвіу“, „обмоку“, „псу“. Простыя словъ никто не понимаетъ.

Русскій языкъ изуродованъ и искалѣченъ. Онъ убитъ канцелярщиной, задушенъ партійной книжностью, обезличенъ и задрожанъ. Значительная часть нынѣшняго лексикона совершенно недоступна пониманію.

Что такое „персимфанс“? Какой свѣжій человекъ можетъ объяснить, что значить „опояз“? Мыслимо ли сразу перевести и понять „мюд“, или, напр., какую-то „олю“? Что это за „оля“? Оказывается — отдѣленіе литературы и языка на — „фоне“. Тутъ возникаетъ уже новый вопросъ: что такое „фон“? А „фон“, это — факультетъ общественныхъ наукъ и т. д., и т. д. Какіе-то ребусы. Разгадавшимъ, давно слѣдовало бы выдавать преміи.

СССР именуется себя „рабоче-крестьянской“ республикой. Казалось бы, одно это должно обаявать къ

простотѣ, ясности и общедоступности словаря. Но никогда еще русскій языкъ не испытывалъ такого засилья иностранщины, какъ сейчасъ.

Всѣ стараются „свою образованность показать“, и ораторы, и газеты, и декреты глушатъ и пугаютъ загадочными словами, — „дауэсизація“, „диспропорція“, „рентабельность“, „дезавуировать“, „станціонарка“, „шефированіе“, „унфуг“ и т. д.

Хотѣлъ бы я увидѣть такого крестьянина „отъ“ сохи, или рабочаго „отъ“ станка, которые „въ общемъ и цѣломъ“ что-нибудь могутъ понять въ этомъ надутомъ, зашифрованномъ словарѣ, со всякими „ломпенами“, „модусами“, и „дискредитаціями“. А эта мудрящая запутанность языка стала повальной модой.

Плывущая сверху, эта зараза охватила всю страну. Даже самый захудалый „местком“, старается выразиться „по-ученому“. Появился особый пикъ говорить такъ, чтобы слушатели разинули рты и зачесали въ затылкахъ. На собраніи, въ глухойшей Введенской слободѣ, гдѣ-то въ Свияжской волости „Татреспублики“ вынесли такую резолюцію:

— Мы, молодежь, принимая во вниманіе всѣ эти серьезные тенденціи и проэекты, хоть минимумъ, но направлены стремиться серьезно обдумывая къ сему интенсивно преодолевая старые, закоренѣлые виды, должны идти принципиально впередъ, пробуждаясь отъ вѣчной спячки и апатичности, форсируя влияніе въ крови, ярко отражающей добрые прогрессы и инициативы, хоть медленно шагъ за шагомъ удаляясь отъ старыхъ и хотя гнилыхъ отрывковъ и отрослей“. (А. Селищевъ. Языкъ революціонной эпохи. Москва. 1928.). Какой-то ужасный наборъ словъ, несусвѣтная чушь, горемычная непо-

нятица, зато и „прогрессы“, и „иниціативы“, и „тенденции“, хотя и „отрыжковъ“, а въ общемъ — „ничего неизвѣстно“.

Откуда же пошелъ этотъ сумбуръ?

Конечно, изъ революціоннаго подполья, изъ „дискусій“ въ заграничныхъ кафе. Особенно постарался тутъ Ленинъ. Даже книги, выпущенныя въ СССР, этого не скрываютъ:

— „Изъ индивидуальныхъ воздѣйствій отразилось сильное вліяніе особенностей рѣчи Ленина“.

Но языкъ испоганивается не только сокращеніями, не только путанной иностранщиной, но и расползшейся и распухшей грубостью. Торжествуетъ „блатная музыка“: „шпана, трепачи, бузотеры, на легкомъ катерѣ“... Трудно и пнусно слышать эти челѣпые, идиотскіе „пьянки“, „делязи“, „сдюжить“, „балешникъ“, „голоснуть“, „склочникъ“, „хай“ (крикъ), „перло“, „мать“.

Иногда слова немислимо даже разгадать. Для этого надо съ ними сжитъся, — съ ними и съ ихъ создавшей средой. Не угодно ли объяснить, что такое „хурдачить“, или „шанить“, „спудились“, „затырить“, „шалай“, „бухтитъ“, „шпаллеръ“?

Но тутъ мы переходимъ уже къ чисто воровскому языку.

Прежде онъ былъ достояніемъ профессионаловъ. На немъ изьяснялись преступники, и это было тоже своего рода подполье. Теперь „блатный“ жаргонъ вышелъ на улицу, разлился, прорикъ въ общій, повседневный обиходъ, и сейчасъ на каждомъ шагу вы можете услышать такіа выраженія, какъ „не заправлять вальта“, „зекайте“, „могать шпули“, „шпингалеть“, „канай“, „дзэтъ“, „кимальтъ“, „фрайеръ“, „засыпался“, „стремъ“, „лѣзтъ

въ пузырь“, „фартануло“, „забурѣть“, „перо“ (ножъ), „самотекомъ“, „фик-та“, „шветъ“, „крутить вола“, „загыряться“ и даже „ша“: „Алеша-ша“. И этотъ „Алеша-ша“ фигурируетъ не только въ кафешантанной пѣсенѣ („Алеша-ша, возьми погтовомъ ниже, брось арала заправлять“), но и встрѣчается, какъ подпись собственныхъ корреспондентовъ въ советскихъ газетахъ „Молодой Ленинецъ“ и даже „Правда“. И это тоже — естественный плодъ и результатъ революціи и ея „вождей“.

То, что прежде являлось признакомъ воровского профессионализма, скрывалось, было словаремъ узкой группы, теперь торжествующе объявилось, встало во весь ростъ, расплескалось заразной волной.

Немудрено: „вожди“ хотѣли говорить съ массами. Они искали популярности. Къ сожалѣнію, они очень плохо знали русскій языкъ. Заграничное кафе — не „оля“ на „фоне“, и потому они искренне полагали, что настоящій русскій, кондовый языкъ тѣмъ убѣдительнѣй и ярче, тѣмъ забористѣй. Такъ, вмѣсто обще-русскаго словаря, появилась „блатная музыка“, — лексиконъ жуликовъ, поганый, воровской словарь, требующій тоже своихъ отмычекъ.

И, вотъ, языкъ окрасился не только темными цвѣтами, загадками, впиталъ въ себя какое-то обломное начало, сталъ невнятнымъ, но и сокрушительнымъ, — онъ пріобрѣлъ еще и какой-то подловатый характеръ съ неумной ухмылочкой, гадкимъ подмигиваніемъ, скверной подножкой, индюшечьимъ презрѣніемъ, уменьшительными словечками. Въ рѣчахъ, въ статьяхъ, въ воззваніяхъ, публичныхъ спорахъ мелькаютъ, сѣются и подкашливаютъ „слушки“, „подколки“, „грушки“, „вопросы“, „под-

ходцы“, „програмы“, „хозяйчики“, какіе-то „грызики“ и даже „фракційки“.

И всю эту хитренькую и ласкательную словесную паутину развел тоже Ленинъ. Это, по его мнѣнію, было средствомъ выраженія „революціонной эмоціональности“. Уже за нимъ, слѣдъ въ слѣдъ, поплелись и забормотали, какъ попугаи, всѣ Зиновьевы, Томскіе, Бухарины и Шаферы, „Извѣстія“ и „Правды“.

Вообще никто не принесъ такого исключительнаго вреда языку, какъ Ленинъ. Никто такъ систематически не поганилъ его, какъ этотъ тупой и на рѣдкость глухой человѣкъ, монгольскій царекъ съ марксистскимъ тавромъ. Это отъ него пошли и эти уменьшительныя слова съ подлинкой, и ребусы сокращеній, и туманная иноземщина, и поддѣлка подъ... церковный славянизмъ. Это отъ него поплыли „кои“, „ике“, „сей“, „ибо“, „сутубо“, „грядеть“, „уготоваль“, „всуд“. Но и эти слова имъ неизмѣнно употреблялись не кстати, въ грубое нарушеніе общаго смыслового и рѣчевого стиля, способствуя все большему и большему уродству языка, его затемненію и засоренію.

Какъ онъ самъ, его статьи, его рѣчи были тоже помѣсю нѣмецкаго съ симбирскимъ, Маркса съ ханомъ, Европы съ ордой.

Это имъ отлиты, отбиты, оболочены эти надобвшіе плаблонь, эти глупыя выраженія — „хищнички имперіализма“, „активистъ“, „кампанія“, „даешъ“ (даешъ Китай, даешъ повышенье), „согласовать“, „использовывать“, „дѣлатьчество“, „очеловѣчительство“ и т. д., и т. д.

Какимъ занятнымъ дѣломъ могло бы стать изученіе ленинскаго стиля и лексикона: ничего болѣе убогаго нельзя было бы найти.

Его шаблонный умъ создалъ шаблонный языкъ, а этотъ языкъ сталъ шаблонной модой, скучнѣйшимъ изъ штамповъ, отвратительнымъ образцомъ того, какъ не надо говорить по русски, какъ не слѣдуетъ писать.

Говорю совершенно серьезно и искренно:

— Изъ всѣхъ русскихъ публицистовъ я не знаю ни одного, кто бы могъ конкурировать съ Ленинымъ по литературной бездарности, — такъ онъ стилистически скученъ, лексиконно нищъ, трафаретенъ, скученъ до тоски, однообразенъ, какъ замерзшая пустыня.

О его литературномъ безвкусиіи нечего вспоминать. Для этого можно даже не изучать самого Ленина: достаточно ознакомиться съ его школой, съ этими послѣдователями и учениками, со всѣмъ тѣмъ, что онъ насадилъ и взростилъ, — всѣ эти словесные плевелы, этотъ иностранный чертополохъ, эту дикую, всеумерщвляющую нѣмоту канцелярскаго ужасающаго писательства.

Всѣ стали писать безграмотно, — на неизвѣстномъ языкѣ.

Молчаливой Россіи революція разверзла уста. Можно было думать, что — вотъ-вотъ — настанетъ эпоха російскихъ цидероновъ. На дѣлѣ оказалось совсѣмъ другое: Россія по-русски разучилась говорить. Теперь тамъ въ повседневномъ ходу такія фразы:

— Партийный слѣздъ долженъ въ первую голову (!) вырѣшить (!) этотъ вопросъ.

Безнадежный глухарь Ленинъ писалъ такъ:

— „Высвободиться изъ-подъ царящаго разгула“.

Такой исключительной безграмотности не выдумаешь даже нарочно: что ни слово — то ухабъ, ошибка, претупленіе противъ языка. Всѣ три слова не точны, со-

единены неправильно, нарушаютъ духъ языка. У Ленина вообще нѣтъ лексикона. Если въ его слухъ попало какое-нибудь слово, онъ становился его рабомъ, тѣмъ болѣе охотно, чѣмъ оно было уродливѣй. И поэтому у него повсюду:

— „Требовать высвобожденія изъ-подъ гнета“.

Затѣмъ:

— „Высвобожденіе пролетарской линіи изъ мелко буржуазнаго угара“.

Вдумайтесь въ эту фразу, гдѣ большевицкій вождь „высвобождаетъ“ отъ угара линію! Рѣшите сами: возможна ли большая глухота къ языку и стилю?

А за Ленинымъ это „высвобожденіе“ пошло и запрыгало повсюду, у всѣхъ, по всѣмъ газетамъ, во всѣхъ рѣчахъ и потянуло за собой такихъ новорожденныхъ уродцевъ, какъ „орбоченіе“, „окомсомоливаніе“, „опіонериться“, „обольшевиченіе“.

Теперь въ СССР стали говорить: „зачитать (прочсть) наказъ“, „зачитываю отрывокъ“, „голосни“, „регульнуть“, „мобилизнуть“, „читануть“, „ликвиднуть“ и, наконецъ „протокольнуть“.

Происходить страшный процессъ рѣчевого ополщѣнія.

На трибунѣ, въ печати, на засѣданіяхъ полуграмотные люди насаждаютъ ископаемыя, заимствованныя, чужія, ненужныя слова, и они, кувыркаясь по ступенькамъ лѣстницы, обтрепываясь и искажаясь, докатываются до низовъ, и піонеры превращаются въ „пинанеровъ“, спектакль въ „спертакъ“, трестъ въ „трескъ“, рабфактъ во „фракъ“ и даже бумажныя деньги въ загадочное „тыпшо“, а рабскія руки покорно выводятъ:

— „Сложивается голодовка; въ насъ слыхи цыркулируютъ“.

И, конечно, вездѣ „товарищъ“, „товарочка“.

Это уродство, эта словесная невразумительность, эти пугающія гримасы языка, эти идиотскія сокращенія такъ утомили, такъ надоѣли, такъ бесполезны, что не только старики, но и рабочая молодежь „слушаетъ и засыпаетъ“, или, махнувъ рукой, говорить:

— Пойти лучше спать, а то завтра рано вставать.

Не только обыватели, но и правительственные учрежденія возстали противъ этой бессмыслицы, этихъ словесныхъ ребусовъ, и первымъ запротестовалъ наркомъ почты и телеграфа. Онъ заявилъ, что не будетъ признавать даже „желездоръ“, „абонплатъ“ и „госбанковъ“, что это просто изувѣченныя слова, искаженія, посяянныя истинными извратителями русскаго языка. И объ этомъ же давно лопотъ частушки:

Отъ обѣда въ главстоловкѣ
Главжелудокъ бѣсится,
Дайте, дайте главверевку,
Чтобы главповѣситься.

Увы! Все это не такъ просто, какъ кажется. Языкъ — выразитель народнаго духа. Если падаетъ, испотанивается слово, значитъ, весь народъ переживаетъ эпоху своего упадка и расслѣнія.

Насажденіе чуждыхъ словъ и понятій обозначаетъ чуждый духъ, опредѣляетъ и власть, тоже какъ навязанную и чуждую.

Эти сокращения без нужды знаменуют неоправданную общую нервность, ненужный слух, быт в колесе, праздную, изнуряющую суету.

Огрубление словаря символизирует огрубление нравов, а распространение воровского жаргона говорить о природе самой власти, ее заветов и лозунгов, ее программы и практики, ее вождей и руководителей.
